

Н. Ю. Муравьева (Москва)

**ОБ ОДНОМ ИЗ МЕХАНИЗМОВ СОЗДАНИЯ КОНТЕКСТНЫХ СМЫСЛОВ:
КОНКРЕТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕПРОДУКТИВНОМ РЕГИСТРЕ**

*Лесная полоса – это территория,
на которой растут деревья,
Лесная поляна – это место,
на котором нет деревьев¹.*

Базой данного исследования является теория коммуникативной грамматики русского языка [1], поэтому подход к языковому материалу ведется от частного к общему, все лексемы рассматриваются в конкретных текстовых фрагментах.

Коммуникативный регистр речи – это определенный тип «упаковки» (У. Чейф) содержания сообщения, отвечающий интенциям говорящего [1, с. 29 и далее]. Языковые маркеры репродуктивного регистра – формирующего в речи ситуацию непосредственного наблюдения, восприятия, уже были описаны на уровне лексики – в работах Г. А. Золотовой, Ю. Д. Апресяна, Г. И. Кустовой, Е. В. Падучевой и др.; частично на уровне морфологии и синтаксиса – в исследованиях Ю. Д. Апресяна, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Г. А. Золотовой, Ю. П. Князева, Ю. А. Пупынина, В. С. Храковского, И. Б. Шатуновского и др. [2; 3].

---

¹ Примеры с примерным пересказом интерпретаций значений взяты из доклада З. А. Харитончик на пленарном заседании 17.10.2016.

Однако отличительной особенностью русского языка является то, что репродуктивность не может сформироваться в тексте благодаря лишь одному из перечисленных средств – ни лексическому, ни грамматическому: для русского языка важно, чтобы лексика и грамматика были в «гармонии», чтобы соблюдался закон семантического согласования [4] на уровне модуса [2]. В частности, лексические маркеры изобразительности создадут репродуктивный контекст только при условии конкретной семантики грамем, а перечисленные грамматические средства – только при условии наполнения конструкции лексикой конкретной семантики. Таким образом, лексемы с конкретным значением – одна из обязательных составляющих фрагментов репродуктивного регистра.

Анализ конкретного текста показал, что значительная часть слов (в выбранном фрагменте повести – одна треть от всей лексики) употребляются совсем не в тех значениях, которые обычно описываются в словарях (данные слова выделены подчеркиванием¹):

Лес остался синей полосой на горизонте. Кругом была степь, и впереди слышался звон разогреваемой солнцем проволоки на шоссе, пересекавшем пыльный шлях. Слепцы вышли на него и повернули вправо, когда сзади послышался топот лошадей и сухой стук кованых колес по щебню. Слепцы выстроились у края дороги. Опять зажужжало деревянное колесо по струнам, и старческий голос затянул:

– Под-дайте сли-пеньким... – *К жужжанию колеса присоединился тихий перебор струн под пальцами юноши* (В. Г. Короленко «Слепой музыкант»).

Существительное *горизонт* – это 'линия кажущегося соприкосновения неба с землей или водной поверхностью'². Однако в данном фрагменте речь не идет об этой линии: ее не видно, ее загораживает лес. Здесь *на горизонте* означает 'очень далеко', то есть лес отдалился от наблюдателя, с его точки зрения стал далеким.

Глагол *остался* – вопреки значениям, представленным в словаре, указывает на то, что было перемещение (не объекта: лес подвижным быть не может, но наблюдателя), глагол можно заменить синонимом *стал*. Данное контекстное значение воспринимается скорее антонимичным по отношению к словарному.

¹ Полу жирным шрифтом выделены лексические маркеры репродуктивности.

² Здесь и далее толкования предлагаются по [5].

Полосой – геометрическая семантика этого существительного трансформируется в некоторую конфигурацию леса (благодаря его значительной площади), в горизонтальную растянутость и, как следствие, значительную удаленность от наблюдателя; вертикальные параметры превращаются в горизонтальные.

2-е предложение связано с передачей звуковой характеристики – звона, который в данном случае конкретизируется: звенит *провода*, то есть металлическое тело, металл (и это иной звук, чем звон, например, стекла).

Солнце представляет собой источник света и тепла, причастие *разогреваемый* – это показатель температуры. И то и другое также конкретизируют качество звука: горячая проволока звучит иначе, чем ненагретая, звук похож на стрекотание.

Пересекать – это глагол движения (МАС определяет семантику ближайшего к данному значения как ‘*перейти, переехать что-л. поперек*’), однако в данном контексте передает статику: некоторую конфигурацию, рисунок, направление дорог, а именно приближение перпендикулярного шоссе, являющегося в данном случае источником звуков. Звуками шоссе и определяет свое существование для слепых героев, которые воссоздают рисунок дорог в своем сознании.

В 3-м предложении есть звуковое существительное *топот*, однако его характеристику уточняет стоящее рядом существительное *лошади*, противопоставляющее данный звук топоту других существ: диких животных, передвигающихся чаще всего многочисленными стадами, или людей в большом количестве. От первых лошадиный топот может отличать как направление движения (по дороге, не хаотично), так и количество (форма мн. ч. означает двойку, тройку, максимум – цуг) и, как следствие, степень громкости производимого звука. От вторых – ритм движений, скорость перемещения, направление, наконец, тип соприкасающейся с землей поверхности (копыта, видимо, подкованные).

Прилагательное *сухой* – МАС отмечает переносное звуковое значение под номером 12: ‘*лишенный звучности, мягкости, сочности (о звуках)*’.

Стук по щелбю – тоже звуковая характеристика, семантика материала превращается в качество звука: приглушенность.

Стук колес – особый тип звука, отличается от других подобных звуков (стуков) особой ритмичностью.

Стук кованых колес – звук иной, чем если бы они кованными не были, поскольку деревянное колесо по щебню звучит более глухо, чем *'обитое полосами железа'*.

Деревянное колесо конкретизирует звук жужжания (отличая его, например, от жужжания пчел или комаров или помех в радиоприемнике), как и указание на соприкосновение дерева со струнами.

Струна толкуется в словаре как *'упругая нить (металлическая, жильная и т. п.), натягиваемая в музыкальных инструментах и издающая при колебании звук'*. То есть связь струны со звуком отражается лишь как свойство струн, проявляющееся лишь при определенных условиях – колебании. Это инструмент, источник, но еще не качество звука. Тем не менее в данном контексте речь идет как раз о конкретизации звучания: «примитивнейший музыкальный инструмент» Кандыбы был струнным, а издаваемые звуки – вполне протяжными.

Затянуть – глагол имеет отмеченное в словарях значение начала пения, также связанного с протяжностью.

Тихий – отсутствие громкости звука, это основное значение прилагательного.

Присоединиться – в словаре толкуется как *'соединиться с кем-, чем-л., войти в число участников, членов чего-л., примкнуть'*. В данном контексте идея добавления касается звуков, которые «накладываются» один на другой; возникает некоторое «хоровое» начало.

Перебор – существительное несет идею некоторой последовательности действий (*перебирать* – 2. *'последовательно, поочередно касаться чего-л., расположенного в ряд, рядами (струн, клавишей, ладов и т. п.)'*, а *перебор* – 1. *'действие по глаголу перебирать (во 2 знач.), а также звуки этого действия'*). Таким образом, в словаре указывается звуковая сторона семантики одновременно с поочередностью движений – физических действий. Это позволяет говорить и о неуказанном качестве звука: с одной стороны, некоторая отрывистость движений может дать и отрывистость звуков, с другой – соединение нот разной высоты представляет собой в нашем сознании последовательность некоторого расчлененного множества.

Таким образом, в данном фрагменте представлены следующие типы переносных значений (лишь 3 из них – *перебор*, *сухой*, *затянуть* – были отмечены в словаре):

♦ связанные со зрительным восприятием: движение → конфигурация (*пересекать*); геометрическая характеристика → конфигурация (*полоса*); статика → движение субъекта-наблюдателя (*остаться*); пе-

ременный пространственный ориентир → величина расстояния от наблюдателя до объекта наблюдения (*горизонт*);

♦ связанные со слуховым восприятием: материал → звук (*провода; кованный; щебень; деревянный*); физическое действие → звук (*присоединиться; перебор; затянуть*); тактильные ощущения, в том числе температурная характеристика → звук (*разогреваемый; солнце; сухой*); время → звук (*старческий*); конфигурация → звук (*колесо*); живые существа → звук (*лошади*); часть музыкального инструмента → звук (*струны*).

Таким образом, мы говорим не совсем то, что видим или слышим. Чтобы правильно передать воспринимаемый образ, мы часто не перечисляем сами ощущения, а пытаемся сформулировать их причины или источники. И употребляем слова не в тех значениях, что описаны в словарях.

Если репродуктивность – это «упаковка», подача содержания сообщения как непосредственно наблюдаемой ситуации, то, следовательно, у всех конкретных слов в данном контексте актуализируются, выходят на первый план визуальные / слуховые / тактильные или иные воспринимаемые органами чувств характеристики, уводящие от фокуса внимания саму предметность – их основное значение.

Условием такого переноса значений является регистровая характеристика текста: маркирующие средства (что были выделены жирным) репродуктивность создают, грамматика, не противоречащая конкретности, в этом лексику «поддерживает» и, как следствие, все конкретные лексемы прочитываются перцептивно, образно¹.

¹ Исходя из этого толкования указанных в эпиграфе к статье примеров ориентированы исключительно на употребление в информативном регистре, на представление информации как некоторого факта. В то время как репродуктивное употребление этих же сочетаний будет связано с семантикой 'удаленности': для *лесной поляны* – 'открытое место с деревьями по периметру (они тоже видны, присутствуют в поле зрения)' и 'указание на значительное расстояние между объектом и субъектом наблюдения, позволяющее вертикальным параметрам превратиться в горизонтальные' – для *лесной полосы*. Ср. примеры из Национального корпуса русского языка фрагментов в репродуктивном регистре: *Лесная поляна, как парным молоком, была до краев залита лунным светом [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)]*; *И из гумусового сумрака прошедших десятилетий выплыл его детский страх, воспоминание о картинке из книжки, — козленок стоит на солнечной лесной поляне, а между сырых, темных стволов красные глаза, белые зубы волка [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]*; *Вслед за лесной полосой начинаются холмы, поросшие мелким кустарником. По-*

1. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004.
2. Муравьева, Н. Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: автореф. ... канд. фил. наук / Н. Ю. Муравьева. – М., 2008.
3. Муравьева, Н. Ю. Семантическая категория перцептивности и средства ее выражения в русской грамматике / Н. Ю. Муравьева // Русский язык: Система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ): сб. материалов VI Междунар. науч. конф., Минск, 28–29 окт. 2014 г.: в 2 ч. Ч. 2. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 57–62.
4. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 367–395.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева – М.: Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1–4.

(или разговоры) героев в изложении повествователя, которая может быть в разной степени свернутой, но практически она не бывает «косвенной речью», описанной в учебных грамматиках.

В аспекте оппозиции «изображение VS интерпретация», центральной для проводимого исследования, прямая речь – это своего рода «показ» «живого общения» в прозаическом тексте, а свернутая речь – это интерпретирующее и комментирующее представление общения. Инструментами интерпретации являются более или менее сжатый пересказ диктального содержания речи и/или экспликация модуса путем раскрытия иллокуции реплики. Так, во фрагменте *Я торопливо попрощалась и покинула дом Ханны* обмен репликами свернут в один иллокутивный глагол речи (бехабитив *попрощалась*).

2. Две системы терминов, характеризующих способы наррации: грамматическое лицо повествователя и степень его вовлеченности в повествуемые события. По грамматическому признаку выделяются две исторически сложившиеся формы повествования: от 1-го и от 3-го лица (далее 1 лф и 3 лф). Причем эксплицитно выраженным является повествователь в 1 лф. В нарратологии (теории повествования) различают «диегетического» и «недиегетического» нарратора с учетом присутствия рассказчика в диегесисе, т. е. в повествуемом мире. В. Шмид считает, что диегетический нарратор является объектом повествуемого мира и субъектом самого повествования, а недиегетический повествователь относится только к акту повествования [1, с. 84].

Основываясь на выделенных К. Н. Атаровой и Г. А. Лескис семантических чертах повествования в 1 лф и 3 лф [2; 3], проанализируем возможности двух форм повествования в представлении коммуникации на материале 2-х русских и 2-х американских рассказов писателей-современников: «Искусственный пруд» и «Брат и сестра» В. С. Токаревой (далее Ток-1 и Ток-3 (указание арабской цифрой на лицо повествователя)) и «The third and final continent» («Третий и последний континент») и «Mrs. Sen's» («Миссис Сен») Дж. Лахири (далее Lah-1 и Lah-3).

3. Особенности представления общения героев в повествовании от 1-го лица. Существует возможность имитировать «автобиографизм», как бы подлинность излагаемых событий («я сам это видел») с точки зрения диегетического субъективного рассказчика в 1 лф. Так, сюжет рассказа «Искусственный пруд» начинает разви-

ваться с «одного прекрасного зимнего дня», когда рассказчица (альтер эго автора) во время лыжной пробежки где-то в спальном районе Москвы знакомится с героиней рассказа – Ханной – молодой красивой полькой, живущей в благополучном замужестве с зажиточным немцем. В свернутой речи передается все, что узнала рассказчица о взаимоотношениях польки с мужем и любовником, но этой информации не так много для психологически углубленного изображения «треугольника». В этом проявляется ограниченное знание нарратора, который может о многом только догадываться: – *У меня сейчас Сережа. – Кто это? – Это мужчина моей жизни. <...> Ханна стала рассказывать. <...> По некоторым приметам я догадалась, что Сережа был бандит. Ханна думала, что он – спортсмен* (Ток-1).

Сюжет рассказа «The third and final continent» построен на ретро-спективном повествовании с позиции теперешнего «я». Нарратор-протагонист передает воспоминания событий своей жизни после переезда из Индии в Лондон, а затем в Америку: знакомство с пожилой американкой, которая сдавала ему жилье, и с ее дочерью, переезд жены героя из Индии. В субъективное повествование, наполненное личными впечатлениями, чувствами и эмоциями нарратора, включается в основном свернутая передача общения героев. Тем не менее, рассказчик останавливает свое повествование на отдельных репликах персонажей, например: *One last Friday I handed Mrs. Croft eight one-dollar bills in an envelope, brought my suitcase downstairs, and informed her that I was moving. She put my key into her change purse. The last thing she asked me to do was hand her the cane propped against the table, so that she could walk to the door and lock it behind me. «Good-bye, then» she said, and retreated back into the house* (Lah-1). ‘В последнюю пятницу я вручил миссис Сен восемь однодолларовых купюр в конверте, принес свой чемодан вниз и сообщил ей, что уезжаю. Она положила мой ключ в свой кошелек. Последнее, что она попросила меня сделать, – подать ей трость, прислоненную к столу, так, чтобы она могла подойти к двери и закрыть ее за мной. «Тогда до свидания», – сказала она и пошла обратно в дом’.

4. Особенности представления общения героев в повествовании от 3-го лица. Эффект объективной передачи коммуникации («так могло быть») возникает в повествовании с позиции «всеведущего», обладающего безграничными возможностями, недиегетического нарратора. Находясь как бы «над миром» героев, нарратор в рассказе

«Брат и сестра» повествует о жизни главных персонажей – Зюмы и Семы. У рассказчика есть возможность заглянуть в далекое прошлое героев и рассказать обо всей жизни брата и сестры, поэтому нарратор довольно бегло передает межличностное общение героев, останавливаясь цитатно на репликах, важных для развития сюжета и представления характера взаимоотношения между персонажами. События в тексте передаются с разной полнотой: сжато, по существу (*По тому, как Сема и Оксана переговаривались между собой, была видна близость и взаимопонимание; На Оксане была шуба из рыси с капюшном. Шуба короткая, попка наружу, но Сема сказал, что короткая шуба удобна в машине*) и с предоставленной возможностью героям «сказать свое слово»: – *В какой машине? – не поняла Зюма. Оказывается, у Оксаны уже была машина и шофер, поскольку она не водила* (Ток-3).

Общение в тексте «Mrs. Sen's» представлено в основном между 11-летним мальчиком и миссис Сен – женой университетского профессора, которая присматривает за мальчиком после школы. Герои общаются постоянно: во время приготовления пищи, поездок в магазин за рыбой или уроков по вождению. Очень часто миссис Сен рассказывает мальчику о своей «прошлой жизни» в Индии. Недиегетический повествователь находится постоянно «рядом» с героями, и поэтому может беспристрастно изобразить и интерпретировать речь персонажей: *«My sister has had a baby girl. By the time I see her, depending if Mr. Sen gets his tenure, she will be three years old. Her own aunt will be a stranger. If we sit side by side on a train she will not know my face» She [Mrs. Sen] put away the letter, then placed a hand on Eliot's head. «Do you miss your mother, Eliot, these afternoons with me?» The thought had never occurred to him. «You must miss her»* (Lah-3). ‘«У моей сестры дочка. К тому времени, когда я увижу ее, что зависит от того, получил ли мистер Сен ставку преподавателя, ей будет три года. Ее собственная тетя будет для нее чужой. Если мы будем сидеть рядом в поезде, то она не узнает меня по лицу». Она убрала письмо, затем положила руку на голову Элиота. «Ты скучаешь по своей матери, Элиот, в эти дни со мной?» Такая мысль никогда не происходила ему в голову. «Ты должен скучать по ней?».

5. Влияние формы повествования на представление коммуникации в русских и американских рассказах. Для каждого из 4-х рассказов было вычислено процентное соотношение объемов прямой и

свернутой речи и коммуникации в целом к общему объему произведения в знаках (из расчета 40000 знаков – 1 печатный лист). Для определения объема прямой речи были отобраны собственно реплики героев без «своих» авторских сопровождений. Основанием для выделения фрагментов свернутой речи являлось наличие глагола речи или его контекстуального синонима и синтаксически зависимой группы, передающей содержание речи, причем в объем свернутой речи не входили указания на адресата или адресанта. При уменьшении удельного веса коммуникации увеличивался объем наррации, а при уменьшении объема прямой речи – удельный вес свернутой речи. Полученные данные представлены в таблице.

Таблица 1.

Оппозиция «наррация vs коммуникация» и «прямая vs свернутая речь» в рассказах В. Токаревой и Дж. Лахири от 1-го и 3-го лица

	Процентный показатель удельного веса ряда компонентов в структуре текста рассказа	Рассказы от 1-го лица		Рассказы от 3-го лица	
		Ток-1	Lah-1	Ток-3	Lah-3
1	коммуникация персонажей во всем текстовом объеме произведений	31,7	13	13	20,6
2	прямая речь во всем объеме коммуникации	57,7	64,3	58,3	72,7
3	среднеарифметический показатель удельного веса коммуникации в структуре текста произведения	22,4		16,8	
4	среднеарифметический показатель удельного веса прямой речи в структуре коммуникации	61		65,5	

1. В рассмотренных рассказах объемы коммуникации варьируются в пределах 13 % – 31,7 %. Следовательно, в текстах высока значимость нарративного компонента, т. е. более активного, непосредственного авторского голоса, пренебрегающего подробностями коммуникативной деятельности героев.

2. Общение героев представлено в больших объемах в виде прямой речи, т. е. существенно преобладает изображение коммуникации. В рассказах В. Токаревой удельный вес прямой речи ниже, чем в текстах Дж. Лахири. Беглость представления коммуникации в рассказах американской писательницы компенсируется более сосредоточенным и потому цитатным изображением некоторых особо важных сцен общения персонажей, а не пересказом этого общения.

3. В подкорпусе рассказов 1 лф удельный вес коммуникации выше, чем в текстах 3 лф: повествователи в 1 лф более внимательны к изоб-

ражению той коммуникации, которую они наблюдают и особенно в которой они участвуют.

4. Средний объем прямой речи выше в рассказах 3 лф. Следовательно, в рассказах с недиегетическим повествователем, обладающим безграничным всеведением, выше изобразительность общения, что свидетельствует о преобладании объективного «показа» над «рассказом». Рассказы 1 лф ограничены кругозором рассказчика-протагониста: он физически не имеет возможности наблюдать все события. Это сужает его возможности для представления межличностных взаимоотношений героев.

1. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2008.

2. Атарова, К. Н. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35, № 4. – С. 343–356.

3. Атарова, К. Н. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 33–46.

А. Р. Рахимова (Томск)

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕСЕ ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ)¹

Метафора является активным процессом, участвующим в осмыслении и представлении знания как в повседневной жизни человека, так и в сфере его научной деятельности. Основанная на аналогии между новым и чем-то уже известным, в рамках современных когнитивных исследований XX–XXI века метафора понимается не только как языковое явление, но и как ментальная операция, отражающая специфику национального менталитета [1–2].

Значимым компонентом методологического аппарата когнитивной лингвистики является концептуальная метафора, репрезентирующая знание об абстрактных сущностях жизни человека [1]. Абстрактные

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00302 "Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира".

явления структурируются в виде физически существующих объектов/пространств, формирующих метафорическую модель [1], необходимую для целостного понимания определенной понятийной сферы.

Среди способов представления знания о внутреннем мире человека исследователи отмечают активное употребление экспериенциальной лексики [3]. В рамках данного исследования нас интересует функционирование лексемы «тяжелый» в репрезентации знания о психике человека. В изучении данного вопроса мы опираемся на исследование Г. И. Кустовой, которая рассматривает функционирование концепта «тяжесть» в наивной картине мира. К метафорическим ситуациям употребления лексемы «тяжелый» Г. И. Кустова относит характеристику: «объектов» (*тяжелые налоги*), внутренних состояний и ощущений (*тяжелый сон*) и внешних воздействий как каузаторов таких состояний (*тяжелая потеря*) [3, с. 301]. В связи со значимостью этого концепта для наивной картины мира мы решили рассмотреть его роль в метафорической организации знания о психике человека в когнитивной психологии.

Цель настоящей работы – представить типовые способы организации знания о психической деятельности в области когнитивной психологии на основе метафорических представлений о весе объекта.

Материалом для исследования послужили академические издания по когнитивной психологии (общий объем материала 3469 стр.) [5–12]. В процессе анализа было выявлено 736 контекстных метафор.

Результаты нашего исследования показали, что в дискурсе когнитивной психологии представление о весе объекта структурирует знание об основных когнитивных процессах человека: ощущение (психическое состояние – это тяжелый объект / – это легкий объект / – это тяжелый и легкий объект) и познавательных процессах (познавательный процесс – это тяжелый объект / – это легкий объект / – это тяжелый и легкий объект).

Обратимся к рассмотрению моделей психических состояний более подробно. Материал представлен в соответствии с частотностью употребления метафорической модели.

1. Психическое состояние – это тяжелый объект.

Ощущение тяжести лежит в основе репрезентации знания только о чувстве вины. При этом лексема «тяжелый» не номинируется, метафорическая «тяжесть» обозначается через процесс уменьшения веса объекта (*желание наказать себя или облегчить чувство вины...*).

Аналогия между виной и ощущением тяжести обусловлена природой данного состояния: вина – это социальное чувство, связанное с представлением о себе как плохом человеке и желанием самонаказания. Стремление к изменению отрицательной оценки и избавлению от данного чувства уподобляется ситуации облегчения веса объекта.

2. Психическое состояние – это легкий объект.

Ощущение легкости структурирует знание о психических состояниях, характеризующихся малой интенсивностью проявления (*легкое раздражение, легкая тревога, легкое чувство голода*). Метафорическим обозначением высокой интенсивности проявления данных состояний является лексема «сильный» (ср.: *сильное раздражение, сильная тревога, сильное чувство голода*).

3. Психическое состояние – это тяжелый и легкий объект.

Бинарная оппозиция «тяжести-легкости» объекта репрезентирует знание о различной интенсивности состояния депрессии. Так, малая интенсивность проявления обозначается посредством ощущения легкости, а высокая интенсивность уподобляется ощущению тяжести объекта (*Навязчивые люди ... страдают от хронической легкой депрессии, ... наличие депрессивного эпизода средней степени тяжести, тяжелая депрессия*). Аналогия между состоянием депрессии и ощущением тяжести обусловлена природой данной эмоции: депрессия – это подавленное, угнетенное ощущение человека, связанное с понижением настроения и потерей интереса к жизни. Возможность справиться с депрессией и стабилизировать эмоциональный фон личности метафорически обозначается через уменьшение веса объекта (*Начиная с этого момента он почувствовал облегчение и начал выкарабкиваться из своей затяжной депрессии*).

В отдельных случаях оппозиция «тяжелый – легкий» не точно бинарна: она дополняется другими единицами, к примеру, лексемой «глубокий». Установлено, что метафорическое осмысление психики человека связано с вертикальной протяженностью пространства, где бессознательное осмысляется в виде его глубины [5]. Сон, в состоянии которого сознание актуализировано, уподобляется представлению о легком объекте (*Вот почему при очень легкой дремоте образы кратковременны*). Но легкому сну (дремоте) по этому параметру противопоставляется не тяжелый, а «глубокий сон». «Глубина» является символическим обозначением состояния, находясь в котором бессознательное человека преобладает над его сознанием. Сновидения, свя-

занные с негативными бессознательными переживаниями, уподобляются представлению о тяжелом объекте (*Можно ли ожидать, что он проснется бодрым, если всю ночь ему снились **тяжелые сны?***).

Обратимся к рассмотрению метафорических моделей процесса познания.

1. Познавательный процесс – это тяжелый объект.

Ощущение тяжести лежит в основе метафорического представления новой информации, которую получает человек в процессе познания, обучения, коммуникации. Она номинируется в виде груза, которым можно заполнить объект – сознание человека (*на фоне резкого роста **информационных нагрузок**, под влиянием **интеллектуальной нагрузки**, **коммуникативная нагрузка***). Излишне большой объем информации, который человек не в состоянии воспринять, уподобляется представлению об объекте, обладающем избыточным весом, о чем свидетельствует термин «перегрузка» (*Один из способов, препятствующих **перегрузке системы (памяти)** интерферирующими компонентами...*).

2. Познавательный процесс – это легкий объект.

Ощущение легкости лежит в основе репрезентации знания о процессах понимания и объяснения. Равно как и в научном дискурсе, данные когнитивные процессы уподобляются визуальному восприятию внешнего мира как наиболее достоверному источнику получаемого знания (*легко видеть, легко заметить, легко показать* и др.). Ощущение легкости является аналогией быстроты понимания информации и простоты ее интерпретации (*Теперь легко понять следующее определение...; легко понять труднообъяснимые факты; объяснение легко дать...*). Сложность восприятия и объяснения преимущественно обозначается посредством лексемы «трудный», используемой в прямом значении (ср.: *трудно понять, трудно представить себе, трудно объяснить* и др.).

3. Познавательный процесс – это тяжелый и легкий объект.

Бинарная оппозиция «тяжесть – легкость» лежит в основе представления знания о когнитивных процессах, связанных с обработкой информации.

Усиленная когнитивная деятельность уподобляется объекту, обладающему более значительным весом (*когнитивная нагрузка*) по аналогии с физической деятельностью (ср. *физическая нагрузка*). При этом определенные когнитивные операции могут привести к умень-

шению веса этого метафорического объекта (*Эта имитация уменьшает когнитивную нагрузку, связанную с созданием, сохранением и модификацией ментальных моделей*).

В целом, практически все познавательные процессы, связанные с обработкой информации, а также ее последующим воспроизведением (смысловой анализ, понимание, обобщение, умозаключение, запоминание, вербализация) моделируются с привлечением этой модели (*Уже Рибо указывал пользу забывания, с помощью которого ... облегчается возможность обобщения, семантическая преднастройка облегчает смысловой анализ слова..., умозаключения облегчаются..., ...облегчить себе запоминание*). Сохранение стабильной работы памяти уподобляется процессу освобождения объекта от лишнего груза (*разгрузить память для более важных дел, тенденция к избеганию нагрузки на память*).

В ходе исследования было выявлено, что представление о весе объекта в дискурсе когнитивной психологии репрезентирует знание о психике человека. Ощущение «тяжести» является метафорическим обозначением того, что нежелательно для сознания: эмоционально-стрессовые состояния (чувство вины, депрессии) и чрезмерный для памяти объем информации (перегрузка памяти, когнитивная нагрузка). Процесс стабилизации эмоционального фона личности и способы обработки информации в психике представлены через процесс уменьшения веса тяжелого объекта.

1. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

2. Серль, Дж. Метафора / Дж. Серль // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307–341.

3. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 277–304.

4. Рахимова, А. Р. Параметр «глубина» в научном психологическом дискурсе / А. Р. Рахимова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 170–181.

5. Когнитивная психотерапия расстройств личности / под ред. А. Бека и А. Фримена. – СПб.: Питер, 2002.

6. Когнитивная терапия депрессии / Аарон Бек, А. Раш, Брайан Шо, Гэри Эмери. – СПб.: Питер, 2003.

7. Блонский, П. П. Память и мышление / П. П. Блонский. – СПб.: Питер, 2001.

8. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004.

9. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б. М. Величковский. – Т. 1. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.

10. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б. М. Величковский. – Т. 2. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.

11. Когнитивная психология. Учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова – М.: ПЕР СЭ, 2002.

12. Когнитивная психология / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006.

А. В. Рачковская (Минск)

РУКАЛИЦО: СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ЖЕСТА К МЕМУ

1. Выражение эмоций в реальном общении. В современном мире растет эмоционально-психическая насыщенность общения. Люди становятся все более чувствительными к различным проявлениям эмоциональной стороны жизни, поскольку XX в. реабилитировал эмоции, внушив сомнение в разуме и главном средстве его репрезентации – слове. Человек способен выражать свои эмоции как невербально, так и вербально. Невербальные формы (мимика, жесты, позы, интонация) считаются самым сильным и адекватным средством выражения эмоциональных состояний. Люди уверены в том, что слова обманывают, тело же говорит правду. В языке чистое выражение эмоций отсутствует (исключение составляют междометия). Эмоциональные состояния в языке выражаются не непосредственно, а путем представления, обозначения, иногда называния чувств или намека на них.

2. Выражение эмоций в виртуальном пространстве. С развитием информационных технологий общение стало более интерактивным, интенсивным и результативным, хотя многие обвиняют интернет-коммуникацию в бездушности и отсутствии живых человеческих эмоций. Постепенно коммуникация в интернете приближается к реальной, насыщенной эмоциями и живыми реакциями речи. Интернет породил новые формальные средства, которые компенсируют «недостатки» письменной формы: зачеркивание, которое используется для обозначения мыслей (*невдомек молодым мамашам ~~которые еще сами из детского возраста не вылезли и мозгами не обзавелись~~...*); регистр (строчные и прописные буквы, воспринимаемые как аналог громкости

голоса: *ГДЕ ТЫ?*); разные алфавиты и шрифты (*glamurnyi kabak*), цифросленг (использование цифр вместо букв: *с4астьe* ‘счастье’, *а5* ‘опять’), слитное написание слов (*очешуеьткаккрасивовсетобойвосхищаютсярадугапони*), различные эмодзи (смайлики, заменяющие мимику и жесты: =) %) :o) :D :-D =D), эмодзи и др. Эмоциональные реакции в интернет-общении могут быть представлены в виде специальных слов и выражений, чаще употребляемых в комментариях или чатах: *бугага, гыгыгы, плакаль, восторженно вижсу, ржунимагу* ... Если первые примеры основаны на звукоподражании и передают непосредственную живую эмоцию, то остальные описывают поведение пишущего, передают его взгляд на себя как бы со стороны. Чаще всего эти своеобразные тексты берутся в звездочки: **катаюсь по полу** или скобки (*смеется и уходит*), а глагол в них употребляется в первом или третьем лице, делая их похожими на авторские ремарки в пьесах [5; с. 213–214]. Эмоции могут быть представлены английскими аббревиатурами *OMG (Oh My God)* – ‘О, Боже мой!’ или *LOL (Laughing Out Loud)*, которая означает ‘смеюсь вслух, в голос’, и другими вариантами, содержащими иногда обценную лексику.

Разработчики сетей и сами пытаются помочь пользователям выразить эмоции. Так, социальная сеть Facebook в начале 2016 г. добавила возможность выражения шести разнообразных эмоциональных реакций на посты. Теперь у пользователей появилась возможность оценивать пост не только с помощью сухого «лайка», но и выразить эмоции, которые вызвала у них публикация. Правда, пока набор реакций ограничен шестью смайликами, обозначающими печаль, любовь, восхищение, злость, удивление и смех.

3. Fасepalm/рукалицо/челодлань как выражение разочарования, стыда за другого. Согласно одноименной статье в Википедии, «*Facepalm* (от англ. *face* – лицо, *palm* – ладонь) – это популярное онлайн-выражение в виде физического жеста. Более широко известная трактовка выражения: «лицо, закрытое одной рукой», которое является проявлением разочарования, стыда, уныния, раздражения или смущения» [7]. В Луркоморье *фэйспалм* (или *лицоладонь, челодлань, рукалицо, лобхлоп*) определяется как «мем, который представляет собой изображение человека (в большинстве случаев), принявшего позу «Блджад, моя голова», характерно представленную лицом, закрытым одной (в большинстве случаев) рукой, и олицетворяющую собой порицание всяческой фагготрии, унылости и фейла» [6]. Таким образом,

речь идет о чувстве стыда за другого. В немецком языке также существует однословный аналог этому явлению – *Fremdschämen*, (дословно ‘чужой стыд’). *Fremdschämen* стало в Австрии в 2010 г. настолько актуальным, значимым и популярным, что получило титул «Слово года».

В основном, *фэйспалм* используется в текстах сообщений, очень часто пишется как *facepalm*, или в виде смайлов /o и -_\, или в виде статичного изображения, или гифа-анимации. Иногда вместо изображения приводится только его название: «facepalm.jpg». Одним из ранних примеров его использования в онлайн являются ссылки на известные фотографии модели Джима Хорна, использование которых и стало интернет-мемом. Примером его включения в популярную культуру является телевизионный сериал «Звездный путь. Следующее поколение», в котором герой Жан-Люк Пикар не раз выражает неверие, используя этот жест (он взят из 13-й серии 3-го сезона под названием «Deja Q»). Существуют сайты с изображением этого жеста, на которые могут ставить ссылки оппоненты в спорах. Выбор одного из русскоязычных соответствий – *рукалицо*, *лицоладонь*, *челодлань*, *лицеладоние*, *ликоприкладство*, *лобхлоп* – зависит от вкусовых пристрастий пользователя. Наиболее нейтральным и распространенным в Рунете является *рукалицо*. Те, кто отдает предпочтение *челодлани*, *лицеладонию*, *ликоприкладству*, являются приверженцами «боярского языка» – одного из языков интернета, суть которого сводится к подражанию древнерусскому языку.

4. Симптоматика стыда. Мем *Facepalm* восходит к реальному жесту «закрыть лицо рукой/руками», который в «Словаре языка русских жестов» имеет три варианта интерпретации. В первом случае это жест защиты или нежелания видеть что-либо. Во втором – прерывание контакта с внешним миром, уход в себя. В третьем «жестукилирующий X испытывает сильную эмоцию, которая вызвана тем, что он отрицательно оценивает себя или ситуацию, в которую он попал. X не может справиться с собой и не хочет, чтобы адресат видел проявление этой эмоции на его лице» [2, с. 52]. Таким образом, этот жест является проявлением горя, смущения, стыда. Ч. Дарвин был уверен в том, что «покраснение – это наиболее своеобразное и наиболее характерное для человека выражение стыда» [3, с. 292]. Не случайно Ф. Ницше определил человека как животное с красными щеками. Кроме покраснения лица, «острое чувство стыда вызывает сильное желание спрятаться.

Мы отворачиваем все тело и особенно лицо, стремясь как-нибудь скрыть его. Для пристыженного человека невыносимо встречаться взглядом с присутствующими, так что он всегда опускает глаза и смотрит искоса» [3, с. 301]. Стыд относится к так называемым вторичным эмоциям, возникшим в результате эволюции человека. Чувство стыда сформировалось у человека из-за потребности в кооперации и социальной интеграции и основывается на страхе быть отвергнутым группой, поэтому является мощным регулятором социального поведения человека [1, с. 207–212]. Это одна из самых сложных в распознавании человеческих эмоций (в отличие, например, от радости, которая понятна представителям разных национальностей). В-первых симптомы стыда не так явны, как, скажем, проявления радости или горя, а во-вторых, в процессе социализации люди учатся скрывать проявления стыда.

5. Отражение симптомов стыда в речи и языке. Судя по речевым описаниям, представленным в «Словаре языка жестов» Л. И. Дмитриевой, созданного на материале русской литературы, стыд заставляет человека *покраснеть, потупиться, отвернуться, сжаться, сгорбиться, опустить ресницы, опустить глаза, заморгать глазами, забегать глазами, не посметь поднять глаза на кого-нибудь, отвести глаза, коситься на потолок, потирать лоб и брови рукой, теревить руками что-либо, закрыть лицо, прикрыть нос рукавом, потупить голову, нагнуть голову к чему-либо, поникнуть головой, кусать губы, спрятать руки, ворочаться то в одну, то в другую сторону, не знать, куда глаза девать, смотреть под ноги, кусать ногти, поджать ноги под стол* и др. У человека, охваченного стыдом, *губы судорожно искривились, в губах произошло болезненное содрогание, пальцы судорожно заходили по бровям и по лбу* [4, с. 204–212]. Стыд, вероятно, является одним из самых «молчаливых» чувств. Человек как бы временно умирает, опускает голову, прячет глаза, закрывает глаза или лицо рукой, и только внезапное покраснение лица красноречиво свидетельствует о том, что происходит в душе человека. Собственно в языке (т. е. в лексике и фразеологии) нашли отражение лишь некоторые проявления стыда: *вгонять в краску, бросает в краску, залиться краской, кровь бросилась в лицо, прятать глаза, не знать, куда глаза девать, приводить в краску, словно кипятком обдало, сгорать со стыда*. Очевидно, что во фразеологии стыд связан с покраснением лица и желанием спрятать глаза, а жест «закрывать лицо рукой» оказался для наивного языкового сознания менее значимым и потому в языке

устойчивую номинацию не получил, хотя в Национальном корпусе русского языка [<http://ruscorpora.ru>] у этого жеста существует множество вариантов речевых описаний: *прикрыть лицо рукой/руками/ладонями, спрятать лицо в ладонях, мять лицо руками/ладонью, поднести руку ко лбу (чтобы потереть), отереть лицо ладонью, охватить лицо руками, стиснуть рукой лицо, собрать лицо рукой, сжать лицо в ладонях...*

В отличие от языка, в искусстве этот жест получил широкое распространение: фреска «Изгнание из рая» Мазаччо, статуя Каина в Париже в саду Тюильри (скульптора Анри Видаля), советский плакат «Стыдно! Напился, скандалил, сломал дерево и теперь ему стыдно смотреть людям в лицо», а также многочисленные эпизоды кинофильмов и мультфильмов, в которых герои изображают стыд и раскаяние. Именно эти изображения были взяты на вооружение многочисленными интернет-пользователями, которые не захотели ограничиваться вербальным выражением стыда (т. е. словами *фэйспалм, лицоладонь, челодлань, рукалицо*) и предпочли более наглядный и яркий невербальный образ.

Закключение. Обращение к жесту «закрыть лицо рукой» и к рожденному им мему позволяет проследить очень «извилистый» путь знакообразования. Жест, будучи по своей природе знаком-индексом (т. е. симптомом стыда), относится к семиотике поведения, преобразуется в знак-икону в семиотиках искусства (живописи, скульптуре, кино) и находит отражение в речи, но в языке сначала не закрепляется. Следовательно, для языкового сознания ладонь, закрывающая лицо, не стала определяющей приметой стыда (в отличие от покрасневшего лица и опущенных глаз). И только эпоха информационных технологий поспособствовала появлению мемов *facepalm / фэйспалм / рукалицо / челодлань / лицоладонь / челодлань / лобхлоп*. Правда, их значение оказалось уже своего невербального «родителя», т. к. жест «закрыть лицо рукой» обозначает стыд вообще (и по отношению к себе, и к другому), а мем выражает стыд не за себя, а за другого. Более того, есть тенденция к отрыву этих окказионализмов от компьютерно-интернетного употребления и превращения в обычное слово, обозначающее жест (см. *Чайковский в позе челодлани*).

1. Бутовская, М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М. Л. Бутовская. – М.: Научный мир, 2004.

2. Григорьева, С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах.

3. Дарвин, Ч. Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб.: Питер, [1872] 2001.

4. Дмитриева, Л. И. Словарь языка жестов: Более 1300 словарных статей / Л. И. Дмитриева, Л. Н. Клокова, В. В. Павлова. – М.: Издательства «АСТ», «Астрель», «Русские словари», 2003.

5. Кронгауз, М. А. Самоучитель олбанского / М. А. Кронгауз. – М.: АСТ: CORPUS, 2013.

6. Facepalm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lurkmore.to/Facepalm>. – Дата доступа: 23.10.2016.

7. Facepalm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Facepalm>. – Дата доступа: 23.10.2016.

Салими Абдолмалеки Косар (Баболсар)

ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ, СОЗДАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ЭКСПРЕССИЮ РУССКИХ ФРАЗЕМ С ОБОЗНАЧЕНИЯМИ ВРЕМЕНИ

Цель и материал исследования. Фраземы часто характеризуют как яркие, выразительные средства языка, специфические для каждого народа и тесно связанные с культурой. В данной работе мы продемонстрируем, какие языковые факторы создают национальное своеобразие и экспрессию особого класса русских фразем – оборотов, в состав которых входят лексемы с абстрактной семантикой, обозначающие время.

Материалом для исследования послужили воспроизводимые обороты русского языка, в составе которых присутствуют обозначения времени, его отрезков и промежутков. Общий объем корпуса рассмотренных фразем – 317 единиц. Фраземы извлекались методом сплошной выборки из словарей. Основной лексикографический источник – академический «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в 4 томах (далее МАС). Использовались также и другие словари русского языка.

Национальное своеобразие русских фразем с обозначениями времени. Как и словам, фраземам присуща кумулятивная функция: они накапливают в своих значениях опыт, значимый для общества [1, с. 92]. Категория времени, будучи когнитивной универсалией, по-разному представлена во фразеологии конкретных языков. Поэтому

исследование русских фразем с компонентами, обозначающими время, важно для понимания русской языковой картины мира.

Национальное своеобразие фразеологии ярко проявляется в образах, лежащих в основе фразем. Н. Б. Мечковская так определяет образность применительно к фразеологии: «Свойство образности фразеологизма состоит в его семантической двуплановости: помимо узувального (словарного) значения, оборот обладает «внутренней картинкой» – наглядным представлением, которое создается («рисуетя») сочетанием слов, составляющих оборот. Смысловая связь (в сознании носителей языка) узувального и дословного значения оборота делает фразеологизм образным; такие обороты относятся к фразеологическим единствам» [2, с. 77].

Из 317 фразеологических единиц с обозначениями времени 117 фразем (36,90 %) являются фразеологическими единствами. Процент образных оборотов во фразеологии с обозначениями времени крайне мал по сравнению с долей образных идиом в фразеологии с другой лексикой, менее абстрактной и менее терминологичной, чем обозначения времени. Как показано в работе [3], в русской, белорусской и немецкой фразеологии с высокочастотными нетерминологическими словами (объем исследованных корпусов равен 891, 1051 и 1860 фразем) образные идиомы составили соответственно 76,3 %, 79,3 % и 81,6 %. У фразем с обозначениями времени образность не только встречается реже, чем во всей фразеологии, но и является неяркой, не вполне представимой наглядно (визуально).

Абстрактность семантики темпоральных лексем приводит и к тому, что образность обычно создается в результате употребления в переносном значении не обозначения времени, а другого компонента. Ср.: *убить время* ‘заняться каким-л. случайным делом для того, чтобы время прошло быстро, незаметно’ (МАС, т. IV, с. 444), *мертвый час* ‘послеобеденный отдых в лечебных или детских учреждениях’ (МАС, т. IV, с. 563).

Тем не менее, в нашей выборке есть образные фраземы, по которым можно судить о том, как отражается время в русской фразеологии. В некоторых случаях время воспринимается как живое существо, которое может *терпеть* или *не терпеть* что-то, *ждать* чего-то, *работать* на кого-то, *показать свое* и т. п., время можно *убить*. Интерес представляют определения к обозначениям времени, которые создают яркие образы, в том числе зрительные, вкусовые и слуховые: *золотой*

век 'об эпохе расцвета наук и искусств в истории какого-л. народа' (МАС, т. I, с. 146); *медовый месяц* 'о первом месяце супружеской жизни' (МАС, т. II, с. 244); *тихий час* 'послеобеденный отдых в лечебных или детских учреждениях' (МАС, т. IV, с. 563) и т. п.

Образы рождаются на стыке пространства и времени. Так, в нашей картотеке представлено 6 оборотов с компонентом *склон*, связанных с семантикой конца, например: *на склоне дней* 'в конце жизни или к концу жизни' (МАС, т. IV, с. 110). Время концептуализируется как субстанция, которую можно *тянуть*: *тянуть время* 'медлить с осуществлением чего-л.' (МАС, т. IV, с. 440). Привлекают внимание образные обороты с глаголами движения. Например, во время *входят* (*вступают*) и *выходят*: *войти в года* (устар.) 'стать взрослым' (МАС, т. I, с. 204) и т. п.

Часть оборотов обладает стертой образностью. Это можно вслед за Н. Б. Мечковской продемонстрировать на примере обстоятельства времени (наше исследование показало, что данная синтаксическая функция наиболее характерна для фразем из нашей выборки [4]), ср.: *в одно прекрасное время* 'однажды' и т. п. (МАС, т. III, с. 377). По мнению Н. Б. Мечковской, «обстоятельственное значение времени в коммуникации как бы нужнее «картинки»; необходимую говорящему экспрессию он добавит по другим каналам» [2, с. 64].

Экспрессия русских фразем с обозначениями времени. Анализ словарных помет демонстрирует, что фраземы с обозначениями времени характеризуются широкой сферой использования и низкой экспрессивностью: в выборке представлено незначительное количество фразем с эмоционально-экспрессивными коннотациями (4,04 %).

Экспрессивность, как и национальная специфика, тесно связана с образностью. И одной из предпосылок преимущественной стилистической нейтральности фразем из нашей выборки является то, что среди оборотов со значением времени много необразных фразем. При этом важно, что в нашем корпусе широко представлены необразные фраземы, которые являются не вторичным, а первичным обозначением чего-либо, например: *Новый год* 'день 1-го января' (МАС, т. I, с. 324), *академический час* 'период учебных занятий от конца одних и до начала следующих летних каникул' (МАС, т. I, с. 324).

Большинство рассмотренных фразем с компонентами, обозначающими время, имеют темпоральную семантику: 276 оборотов (87,07 % выборки) имеет отношение ко времени. А низкая экспрессивность, как показала Н. Б. Мечковская, характерна в целом для обозначений вре-

мени – и в лексике и во фразеологии: «В поле темпоральности лексика определяет основные оппозиции и линии в структурной организации поля, фразеология дополняет лексику, при этом далеко не всегда вносит расцветивающие экспрессивно-образные краски. Здесь, как и во всей градуально-количественной фразеологии, множество необразных, не экспрессивных оборотов, нужных прежде всего как номинативные единицы, а не прагматические приправы» [2, с. 59–60].

Экспрессивность фразем создается наличием в их составе различных языковых средств, к примеру, таких как рифма, плеоназм, тавтология [5, с. 146]. Д. О. Добровольский отмечает, что если в состав фраземы входят такие маркированные компоненты, как архаизмы, имена собственные, названия специфических реалий и т. п., то это создает этнопрагматическое своеобразие оборотов [6, с. 52]. Данное обстоятельство указывает на связь экспрессивно-стилистической и национально-культурной маркированности во фразеологии.

Из языковых средств создания экспрессии для анализируемой выборки наиболее значима тавтология. Тавтологическая фразема – это оборот, «образованный повторением корня слова» [7, с. 48]. В нашем корпусе представлено 30 тавтологических фразем со словами, обозначающими время (9,46 % от всей выборки). В русском языке встречаются также фраземы, основанные на плеоназме (*пути-дороги* и т. п.), но в изученной нами фразеологии плеонастические обороты не представлены. При этом только 10 из 54 темпоральных лексем (18,52 %), входящих в состав фразем, образуют тавтологические конструкции: *век, год, день, час, время, минута, секунда, заря, неделя, ночь*. При этом удельный вес тавтологических фразем для некоторых слов достаточно высок. Например, 25 % фразем со словом *век* (6 оборотов из 24) и 22,73 % со словом *год* (5 из 22) имеют тавтологический характер. Приведем ряд примеров: *век вековать, во веки веков, год за годом, с году на год*.

Отметим, что 25 тавтологических фразем из 30 (83,33 %) образуют конструкции, выполняющие функцию обстоятельства времени, например, *час в час* ‘точно, в установленный, назначенный срок’. Тяготение тавтологических фразем к адвербиальной функции уже отмечали лингвисты в работах, выполненных на материале различных славянских языков [8].

Выводы. Национальное своеобразие и экспрессия русских фразем с обозначениями времени тесно связаны с таким языковым фактором,

как образность. А образность фраземы, в свою очередь, зависит от семантической организации оборота – от переносного использования словосочетания в целом или одного из его компонентов. Абстрактность семантики темпоральных лексем приводит к тому, что в рассматриваемой фразеологии образных оборотов не так много (как, например, во фразеологии с названиями явлений природы или с сома- тизмами), при этом образность обычно создается в результате употре- бления в переносном значении не лексемы, обозначающей время, а другого компонента. Тем не менее, существующие образные оборо- ты демонстрируют особенности концептуализации времени в русской фразеологии (персонификацию времени, связь времени и пространст- ва и т. д.).

Лексемы с темпоральной семантикой играют конституирующую роль во фраземе, что, в частности, проявляется в синтаксических осо- бенностях исследуемых единиц, а также в их денотативной отнесенно- сти: исследуемые фраземы в большинстве случаев используются в ро- ли обстоятельства времени и обозначают что-то, связанное с време- нем. При этом синтаксическая функция обстоятельства не является благоприятной для реализации экспрессивного потенциала фраземы. Из средств создания экспрессивности востребована тавтология, кото- рая также оказывается связанной с синтаксической функцией обстоя- тельства. Таким образом, данное исследование показывает тесную взаимосвязь различных характеристик русских фразем с обозначения- ми времени.

1. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеоло- гизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвостранове- дение: сб. ст. / под ред. Е. М. Верещагина. – М., 1982. – С. 89–98.

2. Мечковская, Н. Б. Образная концептуализация градуально-количест- венных представлений в русской фразеологии // *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung* / Н. Jachnow [et al.]; ред.: Н. Jach- now, Т. Dresler, Z. Idrizović. – Wiesbaden, 2005. – S. 58–153.

3. Мечковская, Н. Б. Опыт моделирования грамматической и семантико- образной структуры национальных фразеологий (на лексикографическом ма- териале русского, белорусского и немецкого языков) / Н. Б. Мечковская, Е. Г. Панфилова // *Słowo. Tekst. Czas XI: frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokuturo-logicznym i frazeograficznym* / pod red. M. Hordy [et al.]. – Szczecin; Greifswald, 2012. – S. 577–591.

4. Салими Абдолмалеки, К. Грамматические классы фразем с компонен- тами, обозначающими время (на материале русского языка) / К. Салими Аб- долмалеки // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология.* – 2016. – № 1. – С. 100–107.

5. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989.

6. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) / Д. О. Добровольский // *Вопр. языкознания*. – 1998. – № 6. – С. 48–57.

7. Ожегов, С. И. О структуре фразеологии. / С. И. Ожегов // *Лексикографический сборник*. – М.: АН. СССР, Отд-ние лит. и яз., 1957. – Вып. 2. – С. 31–53.

8. Иванов, К. И. Редубликаты в структуре болгарских и белорусских фразем / К. И. Иванов // *Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г.: сб. материалов / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]*. – Минск, 2008. – С. 75–78.

Т. Н. Савчук (Минск)

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Одним из существенных признаков зрелости научной теории является упорядоченность терминологического аппарата. Теория аргументации, начавшая формироваться в конце 60-х годов прошлого века как междисциплинарная область знаний, разрабатывающая проблемы аргументации (убеждающего способа рассуждения), до настоящего времени не имеет сложившейся терминосистемы. Свидетельство тому – терминологическая вариантность, относящаяся, в том числе, к базовым категориям этой области знания. Причем особенно актуальна эта проблема для русскоязычного сегмента научных исследований.

Причины, объясняющие такую ситуацию, можно разделить на три группы. Суть первой в следующем. Большая часть имеющейся на сегодняшний день специальной литературы по теории аргументации является англоязычной, что адекватно отражает географию исследовательского интереса к аргументативной проблематике (доминируют североамериканские и западноевропейские научные школы). Русскоязычные авторы при изложении своих концепций опираются на первоисточники, а значит, прибегают к переводу и неизбежно сталкиваются с трудностями, источник большинства из которых – многозначность английских слов. Одной из наглядных иллюстраций такого рода проблем может служить функционирование ключевого для теории аргументации термина *argument*. При переводе на русский язык он имеет четыре значения: 1) часть умозаключения – посылка вывода,

довод; 2) полное умозаключение, включающее посылку и вывод; 3) аргументативный дискурс, в котором участвует комплекс умозаключений; 4) спор, полемика. Подбор адекватного русского коррелята, очевидно, – дело непростое и ответственное. На это указывают переводчики одной из фундаментальных работ по теории аргументации «Crucial Concepts in Argumentation Theory» [3, с. 9]. Осознавая свою роль в формировании русскоязычного терминологического аппарата, они очень аккуратно подходят к выбору русских соответствий для термина *argument*, употребляя для значения (1) русские эквиваленты *довод*, *аргумент*, *суждение*, для значений (2) и (3) – *умозаключение*, *рассуждение*, *аргументация* [3, с. 10].

Использование лексических вариантов в русскоязычных работах по теории аргументации нередко сопровождается смешением смысловых значений употребляемых номинаций. Трудности перевода – лишь одна из причин терминологической путаницы, которая в данном случае имеет формальный, поверхностный характер.

Другой источник вариантности терминов – различие в понимании природы концептуализируемых понятий, что, в свою очередь, обусловлено приверженностью ученых разным исследовательским парадигмам. Теория аргументации характеризуется междисциплинарностью, поэтому неудивительно, что многие понятия заимствуются ею из других областей знания. Значительная часть таких терминологических заимствований вошла «в понятийный состав аргументации из категориального аппарата логики и методологии науки» [2, с. 269]: *тезис*, *аргумент*, *форма*, *посылка*, *заключение*, *вывод*, *доказательство*, *обоснование*, *истинность*, *правильность*, *доказанность*, *обоснованность* и др. Соответственно, если ученый разделяет логический подход к аргументации, он переносит указанные номинации в аргументативную область без каких-либо семантических модификаций.

Однако на современном этапе явно прослеживается тенденция к дистанцированию от логики, что закономерно ведет к обновлению терминологической системы. Здесь возможны два пути: либо существующие номинации наполняются новым смыслом (например, *тезис*, *аргумент* и *форма* приобретают аргументативное значение, закрепляемое соответствующей синтагматикой: *тезис/форма аргументации*), либо изобретаются новые именованья. В этом случае варианты многообразны. Так, терминообозначения структурных частей аргументации образуют многочленные парадигмы: аргументируемое положение –

тезис, точка зрения, выражаемое мнение, пропонируемое положение, вывод, заключение; аргументирующее положение – *аргумент, довод, посылка, основание, поддерживающее суждение/положение*; связь между конституентами аргументации – *форма/способ/схема аргументации*. Ситуация осложняется тем, что даже, казалось бы, устоявшиеся термины не отличаются последовательностью употребления. Так, номинации *аргумент, посылка* могут обозначать как одно аргументирующее положение, так и несколько; термин *основание* предлагается использовать лишь для доказательства, а структурный компонент аргументации называть только аргументом [10, с. 161] (причем тавтология **аргумент аргументации* автора, очевидно, не смущает).

«Стремление избавиться от логических коннотаций» терминов побуждает российских исследователей проявлять изобретательность. Так, Л. Г. Васильев предлагает «для ясности употреблять» заглавные буквы при написании ключевых терминов [4, с. 15]. В результате изложение выглядит так: «под аргументом мы здесь понимаем комплекс "Тезис + Доводы + Доказывание"» [4, с. 18]. К сожалению, вопрос о дифференциации терминов в устной речи автором не рассматривается.

Парадоксальным выглядит тот факт, что до сих пор в научном сообществе нет единства относительно статуса термина и концепта *аргументация*. Как следствие – регулярное смешение понятий *аргументация, доказательство* и *обоснование*. В логической парадигме аргументация и доказательство отождествляются, в неориторической – противопоставляются, в философских исследованиях между ними устанавливаются родо-видовые отношения, причем с нефиксированной структурой. Вот краткий обзор мнений: обоснование и доказательство – главные составляющие аргументации, обоснование – обязательная, а доказательство – желательная [5, с. 28–29]; обоснование – логическая форма аргументации, а доказательство – разновидность того и другого [11, с. 8–10]; доказательство и обоснование – логические категории, аргументация – коммуникативная, при этом доказательство – один из приемов аргументации [9, с. 170]; аргументация – сложный вид обоснования, доказательство – простой [7, с. 12]; доказательство – средство обоснования и способ аргументации [2, с. 216]; обоснование – это аргументация, направленная на позитивное изменение позиции субъекта [6, с. 24]. Среди представителей диалектической парадигмы есть тенденция сужать значение аргументации до диалогической коммуникации, как правило, полемического характера, соот-

ответственно, термины *аргументация* и *полемика* используют как синонимы [6, с. 6].

Не отличается единообразием и обозначение участников аргументативного дискурса. Для субъекта аргументации используются имена *аргументатор*, *пропонент*, *аргументирующий/производящий субъект*. Способы именования воспринимающей стороны не менее разнообразны: *реципиент*, *адресат*, *объект*, *воспринимающий субъект*, *оппонент*, *аудитория*. Исследователи подчеркивают активный характер двух сторон аргументативной деятельности, что позволяет считать приемлемыми все конкурирующие варианты, выбор которых – дело вкуса и традиции. Излишне категоричными в этом контексте представляются заявления, подобные следующим: «Понятия объекта и реципиента аргументации неоправданно <...> преувеличивают и абсолютизируют пассивный характер адресата аргументации» [10, с. 157]; «Учесть *многосторонность* адресата аргументации ни одно понятие, кроме понятий "аудитория аргументации", не в состоянии», остальные – «явно беднее» [10, с. 157]. Попытки придать внешним (терминологическим) различиям значение содержательных (концептуальных) здесь вряд ли оправданны.

Наконец, еще одной причиной терминологической вариантности является индивидуально-авторское словотворчество, вызванное, в свою очередь, естественным желанием исследователей творить, изобретать, обогащать традиционные понятийные системы новыми смыслами и, соответственно, именами. Стремление к новаторству, очевидно, заслуживает одобрения.

Результаты научного поиска ученых можно оценивать как удачные в той или иной степени. Так, введение В. И. Чуешовым в русскоязычный научный обиход термина *аргументология* (англ. *argumentology*) представляется вполне уместным вариантом общепринятого в западных исследованиях терминологического выражения *теория аргументации* прежде всего потому, что это позволяет избежать стилистических повторов, дублирования, тавтологических выражений. Однако попытка усложнить семантику этого имени некоей философской составляющей (аргументология – «философия теории и практики аргументации») [10, с. 145] не выглядит однозначной, равно как и мнение о предпочтительности именно этой номинации. Вызывает сомнение адекватность использования родственного термина – *аргументолог* – для именования сознательного пользователя аргументации, т. е. одно-

временно теоретика и практика аргументации [10, с. 183]. Основание для таких сомнений – закономерно возникающий ассоциативный ряд: *филолог, психолог, социолог* и т. п., члены которого содержат сему ‘специалист в определенной области научных знаний’.

К сожалению, некоторые из удачных терминологических новаций, как, скажем, термин А. П. Алексеева «аргументационная конструкция», введенный им для обозначения «логико-лингвистической структуры», реализующей аргументационный текст [1, с. 7], оказываясь в чужих контекстах, слегка видоизменяясь, приобретают содержание, далекое от прототипического. Для сравнения: «Аргументативная конструкция – это интегральная логико-языковая структура, комплексная репрезентация опорных компонентов конкретной реализации аргументативного дискурса: базы, стратегии и тактики аргументации, включающие конкретизированное элокутивное наполнение инвентивно-диспозитивного каркаса, репрезентирующее его особенности во внешней речи, синтезирующей все аспекты модели» [8, с. 55]. Если учитывать, что назначение дефиниции – раскрывать содержание понятия (а не затемнять его!), то подобное «терминотворчество» уместно рассматривать как «изобретение велосипеда», не пригодного для езды.

Подытоживая, отметим, что многовариантность именования базовых понятий теории аргументации имеет двойственную природу, являясь, с одной стороны, отражением проблем номинации, с другой – проблем концептуализации. Неупорядоченность терминологического аппарата – своеобразная «болезнь роста», преодоление которой видится в консолидации усилий ученых и активизации аргументологических исследований.

1. Алексеев, А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

2. Брутян, Г. А. Очерк теории аргументации / Г. А. Брутян. – Ереван: Изд-во АН Армении, 1992.

3. Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

4. Васильев, Л. Г. Аспекты аргументации / Л. Г. Васильев. – Тверь: ТГУ, 1992.

5. Герасимова, И. А. Искусство убеждения в традициях логической науки / И. А. Герасимова, М. М. Новоселов // Мысль и искусство аргументации. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 9–42.

6. Зайцев, Д. В. Теория и практика аргументации: учебное пособие / Д. В. Зайцев. – М.: ИД «ФОРУМ», 2013.

7. Оганесян, С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 09.00.01 / С. Г. Оганесян; Ереван. гос. ун-т, Ин-т философии и права НАН РА. – Ереван, 1997.

8. Протуренко, В. И. Советская аргументативная модель в передовых статьях газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны: монография / В. И. Протуренко, А. А. Ворожбитова. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012.

9. Свинцов, В. И. К вопросу о соотношении понятий «аргументация», «доказательство», «обоснование» / В. И. Свинцов // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. – С. 165–172.

10. Чуешов, В. И. Основы современной логики: учеб. пособие / В. И. Чуешов. – Минск: ООО «Новое знание», 2003.

11. Яскевич, Я. С. Аргументация в науке / Я. С. Яскевич. – Минск: Университетское, 1992.

Е. А. Тихомирова (Минск)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ В ФЕЙСБУКЕ

В прототипическом случае научная дискуссия – типовая коммуникативная ситуация научного сотрудничества, в которой в определенной обстановке и в определенной последовательности осуществляется совокупность речевых актов.

Жанр дискуссионного обсуждения предполагает, что «в единый речевой поток «объединяются монологи и диалоги, связанные одной темой и раскрывающие в рамках этой темы различные проблемы» [1].

Успешное участие в научной дискуссии опирается не только на предметные специальные знания коммуникантов, но и на их умения реализовать речевые тактики взаимодействия, на сформированность жанровой рефлексии у всех участников.

Представления о необходимости жанровой рефлексии коммуникантов основаны на «признании существования в речевом сознании типового проекта, канона», который Т. В. Шмелева обозначила как модель речевого жанра [2].

Самый важный конститутивный признак жанра – коммуникативная цель. Цель научной дискуссии – получение нового знания, приближение к истине.

Следующими по важности в текстообразовании являются признаки – образы автора и адресата. В научной дискуссии организатор обсуждения рассказывает участникам о цели и плане будущей дискус-

сии, рекомендует собеседникам выразить их мнения. Ведет научную дискуссию человек, авторитет которого в данной области знания не вызывает сомнений. Адресант учитывает прагматический фактор адресатов, их научный кругозор и специальные знания. Задачи коммуникантов облегчает личное знакомство собеседников и знание участниками дискуссии публикаций друг друга по данной проблематике.

Для любого жанра важны образы прошлого и будущего. Научная дискуссия – сложный жанр полилога, поэтому образ прошлого включает не только конкретные речевые акты данной коммуникативной ситуации, но и более ранние эпизоды общения и опубликованные по обсуждаемой проблеме научные работы, а образ будущего – ответы участников дискуссии, будущие публикации и возможность выяснения истины.

Обсуждая жанрообразующий признак «тип диктумного (событийного) содержания», Т. В. Шмелева акцентирует важность оценки диктумного события и характера взаимоотношений коммуникантов. Семантические границы полилога размыты из-за изменения коммуникативных намерений участников и высказываемых ими оценок.

Важным для формирования модели жанра является и признак языкового воплощения. В соответствии с традицией научного общения все участники дискуссии стремятся объективно излагать позицию, соблюдают этические и языковые нормы.

Прототипическая научная дискуссия проходит в устной форме, участники видят друг друга, используют невербальные средства общения и учитывают невербальные и вербальные реакции присутствующих на реплики в полилоге.

История любой науки знает множество примеров письменных научных дискуссий, осуществлявшихся в формах личной переписки или публикаций статей в одном журнале.

В связи с популярностью сети Фейсбук мы наблюдаем формирование жанровой разновидности научной дискуссии, которую отличают от традиционной дискуссии несколько параметров. Попробуем их показать на примерах дискуссий гуманитариев.

Пожалуй, самым заметным отличием является речевая свобода коммуникантов. Неформальность сетевого общения позволяет каждому участнику дискуссии максимально проявлять себя как языковую личность: демонстрировать риторическую компетенцию, речевые пристрастия, владение приемами языковой игры. Наиболее часто гумани-

тарии «играют» «коммуникативными фрагментами» (Б. М. Гаспаров), понятными участникам благодаря знанию ими истории русского литературного языка.

У дискуссии в сети нет необходимого для прототипической дискуссии организатора-ведущего. Количество участников и их реплик не ограничено временем. Иногда комментарии одновременно печатают двое участников. Некоторые дискуссии длятся часами. Любой пользователь может ответить на реплику, уже имеющую ответы и комментарии. Отсутствие зрительного контакта избавляет участников привязывать содержание своего комментария к предыдущему высказыванию.

Л. П. Клобукова классифицировала речевые действия в прототипической научной дискуссии по типам коммуникативных намерений ведущего: дескриптивные, директивные; когнитивные; кооперативные; экспрессивные; конвенциональные [1]. Обратим внимание на редкое использование в сетевых обсуждениях кооперативных речевых действий инициатором дискуссии. Взаимодействие с собеседниками выражают все участники. Вероятно, чаще желание совместно обсудить проблему проговаривают более молодые участники. Конвенциональные речевые действия выполняют в сетевой дискуссии, помимо фатической функции, задачу укрепить взаимодействие участников. Директивные речевые акты в сетевых дискуссиях не разнообразны: директивы выражают лишь призывы к определенным пользователям высказать мнение.

Неканоничность ситуации опосредованного общения обуславливает такую особенность, как употребление формы 3-его лица с целью привлечь к дискуссии: *Leonid Zhmud лучше знает*. Копирование имени пользователя делает обсуждение доступным для того, кто еще не присоединился к обсуждению, поэтому такие высказывания выполняют не только функцию научной ссылки, но и кооперации.

Инициатор дискуссии в сети сообщает о желании получить информацию и зачастую называет причину, вызвавшую необходимость что-либо уточнить. Директивное речевое действие инициатор маскирует под шутку: *А вот, братья-и-сестры-филологи, подайте мелочишки убогому*.

Инициальному вопросу обычно предшествует шутливая прелюдия: *Все по селам спят, по деревням спят... А вдруг какой латинист не спит?* Часто в соответствии с моделью личной устной беседы исполь-

зуется многословное вступление-рассказ о событии в личной жизни, просмотре спектакля, чтении книги и т. п., затем задается вопрос, требующий конкретного ответа. Иногда инициатор называет имена и ник-и людей, которые, по его мнению, могут знать ответ, или со ссылкой на специалистов называет возможные источники знания.

Ответные реплики обычно выражают не только знание коммуникантами проблемы, но и их личные взаимоотношения. Участники наряду с копированием имени-фамилии собеседника используют разговорные формы личных имен или обыгрывают ник-нейм. Например, профессор представляет себя как *Therese Philosophe*, а его друзья в дискуссиях ссылаются на его мнение: *Терезочка утверждала...*

Как вступление в дискуссию участники эксплицируют ироничную оценку собственных познаний: *Я не рискую авторитетно судить насчет оперы или не мне, убогому, писать об этом.*

По нашим наблюдениям, образы прошлого и будущего, характеризующие жанр научной дискуссии, совпадают в сети и в реальности, поскольку глобальная цель – приближение к истине. Форма сетевого общения дает больше возможностей развивать обсуждение. Фейсбук позволяет продолжить дискуссию спустя некоторое время, изменяя пространственное положение полилога: *«На стене» у Stefano Garzonio обменялись репликами с Сергей Николаев о прилагаемой картине Генриетты Браун (1829–1901). Оба мы далеки от искусствоведения и разговаривали не всерьез, но что-то показалось недосказанным, поэтому, так сказать, «выношу из комментов», добавляя дилетантских букафф без счету.*

На наш взгляд, жанрообразующий признак «тип диктумного (событийного) содержания», несмотря на явную интимизацию сетевой коммуникации, сближает сетевую и традиционную дискуссию о научной проблеме, поскольку участники соблюдают этические нормы, стремятся к объективности, доказательности изложения, предпочитают логические аргументы.

Жанр – важнейший фактор текстообразования. М. М. Бахтин полагал, что человек думает не при помощи языка, а при помощи речевых жанров, которые одновременно гибки и стабильны [3, с. 250].

Сложный, вторичный, по М. М. Бахтину, жанр научной дискуссии опирается на сформированную за годы научной деятельности жанровую рефлексивную, языковую память участников, их навыки формулиро-

вания научных положений, представления об этике социальной коммуникации, однако проведение научной дискуссии в неформальной обстановке позволяет ее участникам быть более искренними и эмоциональными.

1. Клобукова, Л. П. Научная дискуссия как акт коммуникации (лингвотодический аспект) / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов [Электронный ресурс]. – М., 1998. – Вып. 3. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_03_01klobukova.pdf. – Дата доступа: 12.09.2016.

2. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи: Сборник науч. ст. [Электронный ресурс]. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98. – Режим доступа: www.twirpx.com/file/505555/. – Дата доступа: 11.09.11.

3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250–296.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Ю. А. Василевская (Минск)

О СЕМАНТИКЕ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА И Б. ОКУДЖАВЫ

Инфинитивы в структуре художественного произведения выполняют различные функции: участвуют в моделировании эстетико-художественного, грамматико-синтаксического уровней индивидуально-авторской картины мира. Особым способом выражения художественного потенциала инфинитивов в поэзии является инфинитивное письмо (термин А. К. Жолковского).

Цель настоящей статьи – представить многообразие значений инфинитивных конструкций и показать их роль в организации коммуникативной структуры поэтических текстов. Материалом исследования послужили лирические произведения О. Мандельштама и Б. Окуджавы. Всего было отобрано и охарактеризовано 403 различные конструкции, выраженные инфинитивом.

При непосредственном анализе языкового материала мы установили, что инфинитивное письмо в поэзии О. Мандельштама и Б. Окуджавы представлено инфинитивными сериями и инфинитивными фрагментами.

Инфинитивные серии предполагают употребление минимум 3 инфинитивов в одном поэтическом тексте и (благодаря своей протяженности) развитие самостоятельной инерции. Примеры инфинитивного письма широко представлены в поэзии О. Мандельштама и Б. Окуджавы: 1) инфинитивная серия: *Только детские книги **читать**, / Только детские души **лелеять**, / Все большое далеко **развезать**, / Из глубокой печали **восстать*** (О. Мандельштам); 2) инфинитивный фрагмент: *Друзья, не надейтесь на чудо, / Не верьте в заморский Сезам. / Нам **плакать** и **плакать**, куда / Москва не поверит слезам* (Б. Окуджава).

Среди инфинитивных фрагментов особое место занимают отрицательно-инфинитивные предложения, которые вслед за Н. Е. Синичкиной мы делим на 2 группы: 1) инфинитив выражен глаголом совершенного вида; 2) инфинитив выражен глаголом несовершенного вида [1, с. 12].

Видовая оппозиция, по мнению Н. Е. Синичкиной, вносит различия в грамматическую и семантическую организацию отрицательно-инфинитивных предложений. К первой группе относятся собственно-инфинитивные предложения с глаголом совершенного вида: *Смерть прошла. Я не столкнулся с нею. / Где ее пути – не угадать; / Завела судьба на батарею, / Не рискуя время коротать* (Б. Окуджава).

Инфинитивы несовершенного вида, составляющие вторую группу, являются формой, удобной для выражения действия-состояния. Они выражают действие, неограниченное во времени и, как правило, нелокализованное. Однако оба автора отдают предпочтение формам совершенного вида (О. Мандельштам – 88, Б. Окуджава – 160). Такие формы выражают действие, ограниченное временным отрезком, и «создают в стихотворениях кинематографический эффект последовательно сменяющихся «кадров» – ситуаций, каждый из которых представляет собой конкретное зафиксированное действие» [2, с. 72]: *Как с ней быть? Куда укрыться, / Чужа гибель впереди?.. / Отвернуться? / Притвориться? / Или вырвать из груди?* (Б. Окуджава).

Некоторые исследователи (А. Вежбицкая, А. Богуславский) выделяют особый тип предложений с предикатом, выраженным инфинитивом, – конструкции, в состав которых не входят модальные слова, но значение которых связано с модальными категориями необходимости и невозможности.

А. Вежбицкая выделяет несколько типов таких инфинитивных конструкций. Одни из них передают значение ‘беспомощного хотения’, другие – значение ‘бессильного желания или неосознанного предчувствия’, третьи – ‘обязанности’, четвертые говорят о бесплодных раскаяниях или сожалениях, пятые – о необходимости. Данные конструкции исследователь разделила на четыре класса в соответствии с четырьмя модальными значениями: ‘я хочу’, ‘было бы хорошо/плохо’, ‘мне следовало бы’, ‘я обязан/должен’ [3, с. 60].

В поэтических текстах О. Мандельштама и Б. Окуджавы семантика инфинитивных конструкций шире. Вместе с семантическими клас-

сами, предложенными А. Вежицкой, в исследованном нами материале можно выделить структуры с семантикой желательности/нежелательности действия, необходимости/отсутствия необходимости действия, долженствования, возможности/невозможности действия, непреднамеренности и запрета действия.

1. **Желательность/нежелательность действия** (О. Мандельштам – 19/0, Б. Окуджава – 32/11): *О, если бы **поднять** фонарь на длинной палке, / С собакой впереди **идти** под солью звезд / И с петухом в горшке **прийти** на двор к гадалке. / А белый снег до боли очи ест.* (О. Мандельштам). Инфинитивы в сочетании с частицей *бы* выражают значение желательности действия, хотя вся конструкция в целом эксплицитно сожалеет автора о невозможности реализации в настоящий момент названных инфинитивами действий.

Значение нежелательности, выражаемое инфинитивными конструкциями, было обнаружено только в поэтических текстах Б. Окуджавы: *Где-нибудь на остановке конечной / Скажем спасибо и этой судьбе, / Но из грехов нашей родины вечной / **Не сотворить бы** кумира себе* (Б. Окуджава). Добавление к конструкции *инфинитив + бы* отрицательной частицы *не* актуализирует в тексте новые смыслы. Лирический герой не желает, опасается совершения действия, отсюда контекстуально обусловленные значения долженствования и внутреннего запрета: «ты должен не позволить себе сотворить кумира».

2. **Необходимость действия/отсутствие необходимости действия** (О. Мандельштам – 29/7, Б. Окуджава – 22/20). Ср. контексты: – *Наташа, как **писать**: «балда»? / – Когда идут на бал, – то: «да!»* (О. Мандельштам); *Можно вспомнить опять (ах, зачем **вспоминать**?), / Как ходили гулять по Фонтанке* (Б. Окуджава). Очевидно, что в первом случае опущена лексема *нужно/надо*, выражающая значение необходимости, во втором – *не нужно/не надо вспоминать*.

3. **Долженствование** (О. Мандельштам – 6, Б. Окуджава – 18): *Я с дымящей лучиной вхожу / К шестипалой неправде в избу: / Дай-ка я на тебя погляжу – / Ведь **лежать** мне в сосновом гробу!* (О. Мандельштам). Автор использует лаконичную конструкцию *инфинитив + датив*, заключающую в себе смысл грамматически более громоздкой и недостаточно выразительной конструкции «ведь я все равно должен буду лежать в сосновом гробу». Б. Окуджава также использует сочетание инфинитива и субъекта, на который направлено действие,

в форме дательного падежа, чтобы подчеркнуть неизбежность обязанностей: *Что ни случись: потоп, землетрясение, / Январский холод, листопад осенний – / А им висеть. Они пригвождены* (Б. Окуджава).

4. **Возможность/невозможность действия** (О. Мандельштам – 36/35, Б. Окуджава – 67/68). *Как удержат напрасное веселье, / Румянец твой, о нежная чума?* (О. Мандельштам). Пример интересен сочетанием модальных значений – возможности (основное значение) и желательности. Лирический герой желает удержать веселье и румянец и в то же время выражает сомнение: возможно ли их удержать? Ср.: *Здесь словно годы дни, / А там в окне – огни / горят, не позабытые в походах... / Когда б вам **знать**, / Как мне нужны они – / четыре года, четыре года!* (Б. Окуджава). Сослагательное наклонение в данном случае служит выражением двух модальных значений: с одной стороны, лирический герой хотел бы, чтобы вымышленная ситуация существовала в реальном мире (значение желательности), с другой стороны – «когда б вам знать» трансформируется в «если бы вы могли знать», где заложено значение возможности.

5. **Непреднамеренность действия** (О. Мандельштам – 3, Б. Окуджава – 9): *В Познани и Польше не всем **воевать** – / Своими глазами врага **увидать**: / и, слушая ядер губительный хор, / Сорвать с неприятеля гордый убор!* (О. Мандельштам). При прочтении явно ощущается опущенная лексема «суждено», содержащая значение непреднамеренности. Воевать, увидеть врага, сорвать с неприятеля гордый убор – события, возникающие в жизни человека под влиянием высших сил. *А все ведь та музыка удалая, / Мелодии знакомой благодать / Послышится, свиданье отдаляя, / Сближая с тем, чего **не миновать*** (Б. Окуджава). В данной инфинитивной конструкции значения непреднамеренности действия и невозможности уйти от предначертанного судьбой тесно переплетаются. Однако значение невозможности является вторичным: оно становится результатом подчинения человека силе судьбы, рока.

6. **Запрет действия** (О. Мандельштам – 4). Модальное значение запрета практически не представлено в поэтических текстах О. Мандельштама, у Б. Окуджавы – отсутствует вовсе. *Чур, **не жаловаться!** Цыц! / **Не хныкать** – / Для того ли разночинцы / рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?* (О. Мандельштам). Выбранная автором форма императива в сочетании с междометиями

реализует модальное значение запрета, то есть лирический герой за-
прещает просить, жаловаться и хныкать.

В целом в поэтических текстах обоих исследованных нами авторов преобладают инфинитивные конструкции с модальными значениями возможности/невозможности осуществления действия (О. Мандельштам – 36/35, Б. Окуджавы – 67/68).

Неактуальным для поэтических текстов О. Мандельштама является использование инфинитивных конструкций со значением нежелательности действия. Конструкции этого типа не были обнаружены нами в исследуемом языковом материале.

В то же время О. Мандельштам активно включает инфинитивы в риторические вопросы, когда вопросительное по функции предложение используется в функции повествовательного (нами отмечено 23 вопросительные конструкции). *Что **делать** нам с убитостью равнин, / С протяжным голодом их чуда?* (О. Мандельштам).

Для инфинитивных конструкций, создаваемых Б. Окуджавой, неактуальным является модальное значение запрета. Кроме того, в лирике Б. Окуджавы были обнаружены глаголы, у которых безличное значение реализуется исключительно формой инфинитива: *видать, плевать, слышать, миновать: А нам **плевать**, и мы вразвалочку, покинув раздевалочку, идем себе в отдельный кабинет* (Б. Окуджавы).

Основное отличие, отмеченное нами при анализе индивидуально-авторских систем О. Мандельштама и Б. Окуджавы, – это значительное преобладание, многообразии инфинитивных конструкций в поэтических текстах Б. Окуджавы. В то же время в идиостилях обоих поэтов инфинитив является наиболее частотным средством выражения категории безличности. Это обусловлено многими факторами, главный из которых, – способность инфинитивов представлять действие в чистом виде и выражать бесподлежность.

1. Синичкина, Н. Е. Конфигурация отрицательного грамматического предиката: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. Е. Синичкина; Новгород. гос. ун-т им. Я. Мудрого. – Новгород, 2000.

2. ИONOBA, И. А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии / отв. ред. С. Д. Ледаева. – Кишинев: Штиинца, 1989.

3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М.: Рус. слов., 1996.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

О специфике местоименных лексем в структуре поэтического текста одним из первых заговорил Р. Якобсон в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Рассуждая о «грамматичности» и «антиграмматичности» поэзии, Р. Якобсон отметил явную противопоставленность местоименных слов другим изменяемым частям речи и объяснил это обстоятельство тем, что местоимения являются насквозь грамматическими, чисто реляционными словами, лишенными собственно лексического, материального значения [1, с. 405]. Именно этим обусловлена та «существенная роль, которую в грамматической фактуре поэзии играют разнообразные классы местоимений» [1, с. 409]. На другую актуальную для поэтического текста грань местоименных слов указывал Г. А. Гуковский, заметивший при анализе лирики В. Жуковского, что местоимения в тексте могут приобретать лексическое, вещественное значение и функционально сближаться со значимыми словами, правда, с размытыми (до степени колеблющихся семантических пятен) смыслами [2, с. 66–67]. Это положение Г. А. Гуковского не осталось незамеченным в лингвистической среде. О процессе функциональной семантизации местоименных лексем, постоянно встречающемся в поэтическом тексте, заговорили и Ю. М. Лотман, и И. А. Ионова, и О. Н. Селивестрова, и О. П. Мурашова, и Е. В. Кисель [3, 4]. Однако в фокусе внимания лингвистов в основном оказались личные (*я, ты, мы, вы*) и лично-указательные местоимения (*он, она, оно, они*), непосредственно связанные с лирическим героем, лирическим адресатом и лирическим персонажем поэтического текста. Иногда попутно внимание уделялось и местоименным наречиям, в поле зрения обычно попадали лексемы *здесь, там, тут*, участвующие в структурировании пространственных отношений в тексте [3, 5, 6]. Но рассматривались они либо через призму коммуникативной оси «адресант (*я*) – адресат (*ты, он, она...*)», либо параллельно с другими стилистическими особенностями языков возможных миров.

Цель нашей статьи – определить востребованные в поэтических текстах В. Брюсова группы местоименных наречий и выявить специфику процесса их функциональной семантизации.

В ходе анализа языкового материала, извлеченного из поэтических текстов В. Брюсова, мы установили следующее.

1. Для идиостилия В. Брюсова актуальными являются лексемы *где, здесь, когда, там, тогда, навсегда, никогда, тут, где-то, когда-то, откуда, повсюду, всюду, так, зачем, почему, потому*. Из всего арсенала местоименных наречий автор в первую очередь отбирает те, которые участвуют в формировании пространственно-временного континуума, с разной степенью определенности фиксируя положение лирических героев во времени и пространстве. Затем следуют вопросительные местоименные наречия, указывающие на цель (*зачем?*), место (*где? куда? откуда?*), причину (*отчего?, почему?*), образ действия (*как?*), которые активно используются поэтом не столько в информативной, сколько в смыслоформирующей и текстообразующих функциях. Вопросительные конструкции с данными наречными лексемами в поэтических текстах В. Брюсова всегда находятся в сильной позиции – в начале или в конце стихотворения/строфы. С помощью этих конструкций автор либо развивает внутренний монолог лирического героя, либо выстраивает диалог с лирическим героем (или между лирическими героями), либо задает неудобные вопросы, противоречащие описываемой ситуации, звучащие тревожно и меняющие общую эмоциональную тональность текста с плюса на минус (см. «Предчувствие», «Песни в духе Г. Гейне» и др.). Замыкают список востребованных в творчестве В. Брюсова местоименных наречий лексемы *потому* и *почему*, необходимые автору для выражения причинно-следственных отношений.

2. Процесс функциональной семантизации затрагивает далеко не все местоименные наречные лексемы. В нем не нуждаются, например, лексемы *навсегда, никогда*. Связанные с абсолютным проявлением временной характеристики, они, как правило, не имеют своих конкретизаторов в тексте. Ср.: *По синеве катилась звезда, / Когда она шепнула на прощанье: «Твоя! Твоя! Опять и навсегда!»* («Встреча после разлуки») [7].

Очень редко семантизируются в тексте вопросительные местоименные наречия. Происходит это обычно в тех случаях, когда автор вводит в текст предполагаемый ответ на мучающий лирического героя вопрос. Ср.: *Качается лестница тише, / Мерцает звезда на мгновение. // Послышится ль голос спасенья: / Откуда – из бездны иль свыше?* («Свиваются бледные тени...»). Или: *Где я последнее желанье /*

Осуществлю и утолю? / Найду ль немислимое знание, / Которое, та-
 ясь, люблю? // Приду ли **в скит** уединенный, / горящий главами в лесу, /
 И **в келью** бред неутоленный / К ночной лампаде понесу? // Иль **в горо-**
де, где стены давят, в часы безумных баррикад, // Когда Мечта и
 Буйство правят, / Я слиться с жизнью буду рад? («Последнее же-
 ланье»).

Как правило, ситуативно обусловлен процесс семантизации местоименных наречий типа *всегда, повсюду, отовсюду*. Довольно часто они используются без семантических конкретизаторов в тексте: *Мой авто – везде гость, мой биплан – всюду дома* («Мысленно, да!») Или: *Слава Нилу, в мир сошедшему, / Слава Нилу, жизнь дающему. // Твой исток вовек неведом нам, / Твой поток всегда живет страну, / Твой разлив дарует жатву нам. // <...> Перст твой медлит – всюду бедствие; / Дух твой дремлет – меж богами страх; / Без тебя одни пески палимые* («Гимн Нилу»). Иногда автор очерчивает пространственно-временные границы для данных местоименных лексем: *Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду! / Бросаюсь в глубь веков – она горит на дне... / Бегу на высь времен – она кричит мне: буду! / Она над всем, что есть; она во всем, во мне!* («Жизнь»). Контекстуальные конкретизаторы у наречий типа *везде, повсюду...* возможны только в тех случаях, когда данные лексемы выступают в роли обобщающих слов либо вместе с местоименным наречием *там*. Ср.: **В сады** Украины, **в шум и яркий сон** столицы, / **К преддверьям** Индии, **на берег** Иртыша – **повсюду** долетят горящие страницы, / **В которых спит** моя душа («Памятник»). Или: *Пойду в поля, пойду в леса И буду там везде один я ...* («Мечтание»). В данном контексте лексема *везде* соотносится с семантическими конкретизаторами местоименного наречия *там* (*в леса, в поля*), сигнализируя о всеохватности пространства, о заполненности его Я лирического героя.

Неопределенные местоимения типа *некогда, когда-то*, связанные с выражением ирреальных временных отношений, употребляются в текстах В. Брюсова обычно без семантической расшифровки, однако в любом контексте они прочитываются как синонимы выражения «в далеком прошлом». Ср.: *Если б некогда гостем я прибыл, / К вам, мои отдаленные предки, – / Вы собратом гордиться могли бы, / Полюбили бы взор мой меткий* («Скифы»).

Регулярный процесс функциональной семантизации наблюдается в основном на уровне местоименных наречий *там, где, здесь, тут, тогда, туда, потом* и имеет различный характер.

Во-первых, в тексте могут устанавливаться эксплицитные отношения между местоименным наречием и отдельной лексемой – его прямым конкретизатором. В этом случае в текстовом пространстве одновременно присутствуют и местоименное наречие, и референт, нередко представленный либо в сложной, либо в уточняющей конструкции, либо в заглавии. Ср.: *Там, вот там, на закрытой террасе, / Надо мной наклонялись зажженные очи, / Дорогие черты, искаженные в страстной гримасе* («Туманные ночи»). *Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной, / Где Скерлингов остров, вновь грянут губящие битвы...* («Старый викинг»). *Принцессы, горожанки – здесь у всех / Веселость, острый ум, и взор лукавый, / И жажда ненасытная утех.* («Флоренция Декамерона»).

Степень семантической конкретизации местоименной лексемы может варьироваться в пределах одного контекста. Ср.: *Мы ехали долго, без цели, куда-то, / Куда-то далеко, вперед, без возврата... <...> Мы ехали долго. Нам дождь повстречался / И долго в оконные стекла стучался, / Угрюмо пророка печаль... // Но мы ускользнули за области бури, / И к чистой лазури мы ринулись вдаль!* («Мы ехали долго, без цели куда-то...»).

Во-вторых, в процесс функциональной семантизации может включаться весь контекст. В этом случае в тексте формируются семантические отношения между местоименным наречием и целой ситуацией, описанной в предтексте (или затексте). Ср.: *Звезды тихонько шептались, / Звезды смотрели на нас. // Милая, верь мне, – в тот час / Звезды над нами смеялись. // Спрашивал я: «Не мечта ли?» // Ты отвечала мне: «Да!» // Верь, дорогая, тогда / Оба с тобою мы лгали* («Звезды тихонько шептались...»). Или: *А потом, когда смели бичами / Это детское тело терзать, / Вся в крови поднята палачами, / «Я люблю», – ты хотела сказать* («В прошлом»).

Очень часто в этой ситуации оказываются местоименные наречия, указывающие на неопределенно очерченное пространство. Ср.: *Предвечерний час объемлет / Окружающий орешник. // Небо древним тайнам внемлет, / Где-то крикнул пересмешиник* («Папоротник»). Местоименное наречие *где-то* в данном контексте является сложно интерпретируемой в референциальном отношении лексемой. Оно явно не соотносится с пространством, обозначенным словосочетанием *окружающий орешник*. У данной лексемы другое функциональное назначение в тексте: она раздвигает границы пространства и соотносит его

с нездешними мирами. См. предтекст: *В этих листьях слишком внешних, в их точеном очертании, / Что-то есть миров нездешних... / Стал я в странном содроганы.*

Местоименное наречие *здесь* в определенном контекстуальном окружении может приобретать мерцающие смыслы, актуализируя в сознании читателя представления не только о пространстве, но и о времени. Так, в стихотворении «Братьям соблазненным», посвященном мечтателям, ищущим Красоту в этом мире, местоименная лексема *здесь* вводится в текст без семантического конкретизатора, однако в контексте она прочитывается как локализатор пространства и времени одновременно (*здесь* = ‘рядом с нами’ и *здесь* = ‘в нашем времени’). См.: *Разве есть предел мечтателям? / Разве цель нам суждена? / Назовем того предателем, / Кто нам скажет здесь она... <...> Жизнь не в счастье, жизнь в искании, / Цель не здесь – вдали всегда. / Славьте, славьте неустаннее / Подвиг мысли и труда!*

Художественное пространство, конструируемое местоименными наречиями, в ситуации ситуативного семантизирования может наполняться и весьма мистическим содержанием. Так, например, стихотворение В. Брюсова «Числа», где речь идет о могуществе числа и его влиянии на жизнь человека, переносит читателя в плоскость необычного мира, в большей степени связанного с высшими силами, нежели с реальностью. См.: *Мечтатели, сибиллы и пророки / Дорогами, запретными для мысли, / проникли – вне сознания – далеко, / Туда, где светят царственные числа. // Предчувствие разоблачает тайны, / Проводником нелицемерным светит: / Едва откроется намек случайный, / Объемлет нас непересказный трепет. // Вам поклоняюсь, вас желаю, числа! / Свободные, бесплотные, как тени, / Вы радугой связующей повисли / К раздумиям с вершины вдохновенья.*

3. Кульминационной точкой процесса функциональной семантизации местоименных лексем является образование семантических оппозиций, значимых для выражения авторских идей. Дейктические оппозиции местоименных наречий *здесь* и *там* были характерны для авторов конца XIX – начала XX века. Ю. М. Лотман отмечал их в поэтических текстах Ф. И. Тютчева [3, с. 320], Н. М. Томанова – у И. Анненского [6, с. 293–295], В. В. Виноградов – в лирике А. Ахматовой [8, с. 445]. Разъединение художественного мира на *здесь* и *там* непосредственно было связано с субстантивацией местоименных наречий и наполнением их конкретным содержанием: *здесь* – ‘в том месте, где

находится говорящий и где он мыслит себя в момент речи»; *там* – ‘в месте, отличном от места, где находится говорящий или где он мыслит себя’ [6, с. 293].

В поэтических текстах В. Брюсова функциональный потенциал местоименных наречий используется весьма активно. Один из циклов стихотворений автора называется «Из прежде в теперь». Семантической доминантой этого цикла является оппозиция времен (прошлое – настоящее). Интересно, что план настоящего у В. Брюсова может не иметь специальных маркеров, он может быть выражен в развернутом описании, но подытожен местоименной наречной лексемой *тогда*, которая вбирает в себя временные координаты прошедшего времени и устанавливает знак равенства между тем, что есть, и тем, что было. Ср.: *Электричество вспыхнуло, – полны и ясны, / Луны дрожат. Трамваев огни, там зеленый, здесь красный / Потянулись в ряд. // Предвесеннею свежестью дышится вольно, / Стерлись года, / И кажется сердцу, невольно, безбольно: Все – как тогда!* («Вечеровая песня»). В этом же тексте представлена и пространственная оппозиция (*Трамваев огни, там зеленый, здесь красный / Потянулись в ряд*), в основе которой – противопоставление языковых (системных) значений наречий *здесь* (‘в этом месте’) и *там* (‘в том месте, не здесь’). Однако В. Брюсов довольно часто видоизменяет содержание лексем *здесь* и *там*, наполняя их вполне конкретными смыслами. Так, в стихотворении «Опять – развесистые липы...» речь идет о мирной деревенской жизни, в тишину которой диссонансом врывается тревожный гул санитарных поездов. На фоне этого описания местоименное наречие *здесь* (в соответствии с семантически конкретизирующим контекстом) приобретает значение ‘это не только в дальнем селе, это в мирной жизни (во время мирной жизни)’, а *там* – ‘это на войне, во время войны’. Местоимение *там* автор не вводит в текст, пространственно-временное противопоставление имплицитно по своей сути, о нем сигнализируют строки *Здесь мир и век забыть возможно... / Но чу! Порой сквозь шум лесов / Со станции гудит тревожно / Гул санитарных поездов*.

Еще один вариант смыслового наполнения местоименных наречий *здесь* и *там* наблюдаем в стихотворении «Колыбельная», текст которого тоже пронизан имплицитным противопоставлением ситуаций. – *Только волки, только совы / По ночам гулять готовы, / Рыщут, ищут, где украсть, / Разевают клюв и пасть. Ты не бойся, здесь кроватка, /*

Спи мой мальчик, мирно, сладко. Здесь – значит, ‘дома, в безопасности’, там – это ‘вне дома, вне защиты, один на один с опасностью’.

При эксплицитном семантическом противопоставлении местоименные наречия *здесь* и *там* оказываются связанными с другими смыслами: *там* – это ‘в гуще жизни, среди людей’, *здесь* – это ‘в тишине и покое, в единении с природой, в состоянии самосозерцания’. См.: *Так близко Невский – грохоты трамваев, / Гудки авто, гул тысяч голосов... / А серый снег, за теплый день растаяв, / плывет, крутясь, вдоль темных берегов. // Так странно: там – кафе, улыбки, лица... / Здесь – тишь, вода и отраженный свет. / Все вобрала в водоворот столица, / На все вопросы принесла ответ («У канала»).*

Классический вариант семантической оппозиции местоименных наречий *здесь* и *там*, переносящих лирического героя из мира материального, реального (*здесь*) в мир высший, горний (*там*), тоже встречается у В. Брюсова, правда, не так уж часто. – *Там, в небе пламенном, я, малый, что я значу? // Здесь тихо дни ползут, а там века летят, / И небу некогда внимать людскому плачу («Рондо»).* В пространственной модели автора семантизированное наречие *здесь* (со значением ‘в этом мире’) чаще противопоставляется маркерам загробного мира: *Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили, / Гибли трагически, смели и петь, и любить, / Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле: / Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить! («Романтикам»).*

Новым семантическим содержанием наполняется оппозиция *здесь – там* в послереволюционном творчестве В. Брюсова. *Здесь* приобретает значение ‘в нашей стране, строящей новую жизнь’, *там* – ‘в другом мире, в других странах, народ которых с надеждой смотрит на вздыбленную революцией Россию’. Ср.: *Там – ждут, те – в гневе, трепет – с теми; / Гул над землей метет молва... / И зов над стоном, светоч в темень, – / С земли до звезд встает Москва! // А я, гость лет, я, постоялец, / С путей веков, здесь дома я. / Полвека дум нас в цепь спяли, / И искра есть в лучах – моя. // Здесь полнит память все шаги мне, / Здесь в чуде я абориген, / И я, храним, звук в чьем-то гимне, / Москва! В дыму твоих легенд! («У Кремля»).*

А в 1923-м году В. Брюсов пишет стихотворение «Невозвратность», в образной картине которого художественное пространство сливается со временем и разбивается на *теперь, прежде и потом*, с одной стороны, *сюда, здесь и там* – с другой. – См.: *Миг, лишь миг*

быть Земле в данной точке Вселенной! / Путь верши, ее сюда возвращаться ль, и как? / Звездной вязи, в уме ложью глаз впечатленной, / Не найдет он, грядущий, там, в новых веках. // Время, время, стой здесь! Полосатый шлагбаум / В череп мысль влети! Не скачи, сломая дни! / Гвоздь со шнуром в «теперь» вбить бы нам, и в забаву / Миллионам веков дать приказ отдохни! // Эх! Пусть фильму Эйнштейн волочит по Европе! / Строф не трать на обстрел: дробь праздный извод! // Все ж из «прежде» в «потом» кувыряться! И в тропе / Гераклита – все истины: жизнь – смена вод... – Наречные лексемы теперь, прежде и потом автор использует в именной синтаксической позиции как субстантивы, выполняющие номинативную функцию. Данные лексемы лишены референциальной соотнесенности и в тексте представляют определенные временные промежутки эпохи: теперь (настоящее) – прежде (прошлое) – потом (будущее). На их фоне местоименные наречия сюда, здесь и там прочитываются иначе: сюда (возвратиться) означает ‘в настоящее, в наше время’; (стой) здесь! – ‘в настоящем, в нашем времени’; содержание лексемы там конкретизируется в первой строфе (‘в новых веках’) и варьируется далее, расширяясь в контексте: Есть, быть может, ждут, будут – огни дальних станций / Там, где шаг человечества врежет свой след, / Чтоб в Коммуне Всемирной жить в музыке, в танце, / В песне славя радость предсказанных лет.

Итак, процесс функциональной семантизации местоименных наречий в поэтических текстах В. Брюсова идет весьма активно. Автор в полной мере использует возможности конситуативного преобразования семантической структуры данных языковых единиц и включает их в текст не только для указания на признак действия. В. Брюсов мастерски переводит местоименные наречные лексемы в разряд номинативных языковых единиц, варьируя их семантическое содержание в зависимости от авторских интенций, реализующихся при построении пространственно-временной модели поэтических текстов.

1. Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Poetiks. Poetyca. Poetika. – Warszawa, 1961.

2. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – М., 1965. – С. 66–67.

3. Лотман, Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 553–564.

4. Ионова, И. А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии / отв. ред. С. Д. Ледяева. – Кишинев: Штиинца, 1989; Селивестрова, О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селивестрова. – М., 1988; Мурашова, О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте / О. П. Мурашова. Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 1–2. – С. 38–44; Кисель, Е. В. Функциональная семантизация/характеризация личных местоимений как средство создания художественного образа в поэтическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.01 / Е. В. Кисель; БГУ. – Минск, 2014.
5. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М., 1986; Кашкарова, О. Н. Из стилистического арсенала ранней лирики А. Ахматовой / О. Н. Кашкарова // Вестник ВГУ. Серия: Филология, Журналистика. – 2010. – № 2. – С. 49–54.
6. Томанова, Н. М. Поэтика местоимений в лирике И. Анненского / Н. М. Томанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rastko.rs/cms/files/books/49c18b08b5239. – Дата доступа: 07.10.2016.
7. Здесь и далее цитируется по: В. Брюсов. Стихотворения. – Минск: Наука и техника, 1981.
8. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1976.

В. К. Голубева (Минск)

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ И СОМАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ АДВЕРБИАЛЬНОЙ ПЕРСОНИФИКАЦИИ

Метафорический и метонимический переносы признаются лингвистами универсальными семантическими законами, двумя основными типами смысловых переносов, которые «буквально пронизывают язык и речь» [3, с. 3]. Вместе с тем в языкознании сложилась устойчивая тенденция актуализировать если не конкретность и даже клишированность метонимии, то по крайней мере ее меньшую образность по сравнению с метафорой. Признавая логическую ясность переноса по смежности, исследователи уделяют ему значительно меньше внимания, чем переносу по сходству¹. Однако в поэтическом тексте в целом и в конкретном идиостиле в частности метонимия наравне с метафорой приобретает эстетическую значимость. Кроме того, в лингвисти-

---

¹ По замечанию А. К. Бириха, метафоре посвящено несколько тысяч исследований, а метонимии – лишь несколько десятков [3, с. 3].

ческой поэтике повышенный интерес не могут не вызвать и случаи контаминации метонимического и метафорического переносов в одной образной единице.

Цель данной статьи – выявить речевые метонимические конструкции, в которых реализуется персонификация, и определить их прагматическую роль в поэтических текстах.

Объектом нашего анализа стали нестандартные наречные сочетания, которые мы выбирали из лирики Б. Пастернака и Б. Ахмадулиной. В художественных системах каждого из поэтов метонимический перенос, иногда в сочетании с метафорическим, несет особую функциональную нагрузку. Так, по наблюдениям Р. Jakobsona и А. К. Жолковского, в области тропики важнейшие инновации Б. Пастернака состоят в акценте на связи по смежности, хотя обилие в его текстах сравнений и метафор не позволяет говорить об исключительном преобладании метонимий [4, с. 15]. Творческий эксперимент с метонимией так же, как и для Б. Пастернака, характерен для Б. Ахмадулиной (см. в [1]).

Метонимические конструкции обоих русских поэтов имеют следующие **структурно-семантические особенности**:

1) в них часто реализуется перенос «часть – целое», который характеризует сферу человека, прежде всего его психосоматику. Вербализация соматического кода в одних случаях осуществляется самими адвербиальными лексемами, а в других – субстантивами, однако в обоих случаях наречия выступают маркерами/усилителями образности семантического переноса: *Задраны к небу оглобли. / Лбы голубее олив. / Табор глядит **исподлобья**, / В звезды мониста впериw* (Б. Пастернак) – *табор глядит исподлобья* вместо *цыгане глядят исподлобья*; *...Доблестный твой голосок / **неоспоримо** и **смело** / падение снега предрек* (Б. Ахмадулина) – *голосок неоспоримо и смело предрек* вместо *диктор неоспоримо и смело предрек*;

2) среди метонимических сочетаний наряду с глагольными представлены безлично-предикативные: *И куда порываться еще нам? / Ах, наречье смертельное «здесь» – / **Невдомек** содроганью священному* (Б. Пастернак) – или: *Кто ей [колдунье] из веков отвечает кивком? / Чьим датам, сединам и ранам / **не жаль** и **не мало** пропасть мотыльком / в пленительном пекле багряном?* (Б. Ахмадулина) – подобного рода конструкции, в которых метонимический субъект характеризуется не более привычной глагольной формой, а безлично-предикатив-

ным наречием, в целом довольно редки. Их необычность объясняется спецификой состояния, выражаемого предикативными наречиями, которые «передают целостное, синкретичное ощущение субъекта, воспринятое "изнутри" [разрядка наша – В. Г.]» [7, с. 7], в то время как метонимия предполагает обозначение лица по отдельному наиболее существенному внешнему признаку;

3) метонимические сочетания и соматические конструкции как их разновидность часто нацелены на персонификацию объектов действительности. В таких случаях перенос по смежности осложняется метафорическими смыслами¹, и в результате реализуется комбинированная стилистическая фигура – метафтонимия (Л. Гуссенс) [10]. Совмещение в данных синтаксических единицах двух типов переноса вызвано тем, что гипонимические номинации субъекта (часть вместо целого) служат не столько для передачи качеств/состояния самой личности, сколько для одушевления отдельных частей человеческого тела или составляющих его психоментальной сферы.

Эстетический потенциал данных нестандартных конструкций у русских поэтов различается. Б. Пастернак в целом очень активно экспериментирует с количеством участников ситуации, с помощью метонимии увеличивая их число. Ср.: *А вскачь за громом, за четверкой / Ильи Пророка, под струи – / Мои телячьи бы восторги, / Телячьи б нежности твои* (1); *На ощупь, как пропойца, / Проходит тень во двор* (2). Выступая маркерами/усилителями персонифицированных объектов (*восторги, нежности, тень*), наречия актуализируют их самостоятельный статус. В результате с помощью метонимических конструкций приглушается роль человеческого «я» и личность растворяется в надличностном потоке жизни [4, с. 16]. Наиболее рельефно это проявляется в следующем поэтическом фрагменте: *Очам в снопах, как кровлям, тяжело. / Как угли блещут оба очага. / Лицо лазури пышет над челом / Недышащей подруги в бочагах, / Недышащей титолицы осок.*

Если в поэзии Б. Пастернака создание данных сочетаний направлено на минимизацию роли человека в огромном мире, то у Б. Ахмадулиной, наоборот, – на углубление в противоречивый и многоликий

¹ Персонификация рассматривается нами как подтип метафоры вслед за Т. В. Матвеевой, М. П. Брандесом, Э. Г. Ризель, Е. А. Гончаровой, В. К. Приходько, Н. М. Наер, Н. А. Богатыревой и др.

внутренний мир личности: *Минувший день, прости, я солгала! / Твой гений – добр. Сама простыла... / <...> / Хворь – боязлива. Ей **невмозготу** / терпеть окна красу... (1); Голос мой обольщает людей. / Это грех или долг – я не знаю. / Это **страх** так **отважно** поет, / обманув стадион бледнолицый (2).*

В сравнении с Б. Пастернаком Б. Ахмадулина не только значительно чаще, но и разнообразнее реализует соматический языковой код. «Поэтизация соматизмов – излюбленный художественный прием Б. Ахмадулиной» [8, с. 361] – на уровне адвербиальной синтагматики проявляется в семантической многоплановости и вариативности данных неузальных конструкций. В большинстве случаев поэт создает подобные сочетания в целях портретирования и автопортретирования, используя при этом адвербиальные лексемы, которые, во-первых, передают физическое состояние человека, а во-вторых, выступают в качестве эмотивов: *Жалею... / беленькую тоненькую **шею**, / которой так под мехом **горячо** (1); В час осени крайний – так **скушно**¹ **доктям** / опять ушибаться об угол сиротства (2).* В данных контекстах вторичность номинации субъекта (номинации через метонимический перенос) накладывает отпечаток на семантику безлично-предикативного наречия. Наречные предикативы в целом специализируются на выражении неконтролируемого, «инволютивного» (Г. А. Золотова) [5, с. 109] состояния. Используя предикативные наречия с партитивными соматическими номинациями, Б. Ахмадулина подчеркивает, что субъект еще в большей степени «снимает с себя ответственность за состояние». При этом «возникает некоторая отстраненность, переключение на взгляд со стороны» [9, с. 66]. Предельно выпукло двойственность субъекта проявляется при контекстуальном противопоставлении семантических компонентов конструкции «я-целое» и «часть тела», как в поэтических строках: *И отвернуться хочется уже, / вот отвернусь, но **любопытно глазу*** – где отчетливо передается противоречивость чувств лирической героини.

Противопоставление части и целого у Б. Ахмадулиной актуализируется не только средствами грамматической семантики безлично-предикативных конструкций, но и коннотативными компонентами в семантике самих наречий. Так, в ряде глагольно-адвербиальных сочетаний наречия передают признак, релевантный в эстетической си-

¹ Сохранено написание Б. Ахмадулиной.

стеме поэта, однако традиционно наделенный пейоративной коннотацией: *Глаз голубой... глядит **высокомерно** (1); Он [голос] так **испуганно** и **кротко** / является чужим очам (2); Кивает правой левая рука и говорит **надменно** ей... (3); ...И все-таки меня снедает ревность, / Когда творят иные мастера. / <...> / ...У меня в тбилисском том духане, / в картинной галерее и в кино / **завистливо** заходится дыханье (4); Но жизнь свежа и беспощадна: / в черемухи прощальный день / глаз безутешный – **мрачно, жадно** / успел воззреться на сирень (5).* Б. Ахмадулина, словно предвосхищая возможные негативные оценки в адрес своих лирических героев (*привередливый, высокомерный, испуганный, надменный...*), с помощью метонимического переноса мастерски переориентирует данные характеристики с номинаций субъектов на персонифицированные соматизмы.

Особую эстетическую релевантность приобретают те соматические конструкции Б. Ахмадулиной, в которых насыщенность метафорических красок оттеняется прямыми значениями лексем. Ср.: *...Холодный душ уже развесил розги. / <...> / Под гильотину ледяной струи / с плеч голова **покорно** полетела.* В приведенном контексте создается «мерцание» виртуального (рефлексивного) и реального обособления части от целого. В таких случаях в наречии усиливаются семы персонификации: названное им качество нейтрализует опосредованную связь с гиперонимом (*покорно – человек*) и начинает непосредственно коррелировать с потенциальным экс-соматизмом (*покорно – голова*).

В метонимических конструкциях Б. Ахмадулиной отразилась не только подчеркнутая авторефлексия поэта, но и специфический способ воссоздания мира, внешнего по отношению к лирической героине. В описаниях природы и интерьера у Б. Ахмадулиной, как и у Б. Пастернака, обнаруживается свойственная ей склонность к индивидуальному переосмыслению количественных параметров действительности – к детализации и членению образа на несколько составляющих. Ср.: *Опять в природе перемена, / окраска зелени груба, / и высится **высокомерно** / фигура белого гриба – фигура белого гриба вместо белый гриб.* Или: *Я с Ёлкой бедною прощаюсь... / <...> / На лампу смотрит **слабоумно** / возглавья полумесяц узкий – возглавья полумесяц вместо Ёлка.* Партиционирование описываемых объектов и их наречная персонификация подчеркивают особую чуткость лирической героини

ко всем проявлениям бытия и ее стремление лишиться зарисовки действительности внешней незамысловатости.

Таким образом, при анализе метонимических наречных сочетаний Б. Пастернака и Б. Ахмадулиной выявляется их структурная и смысловая разноплановость. Для реализации переноса по смежности авторы используют не только глагольно-адвербиальные, но и безлично-предикативные конструкции. Семантико-эстетическая особенность данных синтаксических единиц заключается в том, что у обоих поэтов они часто объединяют метонимию с метафорой (персонификацией) и служат для отображения как интросферы личности, так и внешнего мира.

Данные нестандартные конструкции отчетливо репрезентируют уникальность поэтической системы каждого из авторов. С их помощью Б. Пастернак нейтрализует важность отдельной личности в жизненном потоке, а Б. Ахмадулина, наоборот, усиливает авторефлексивное начало своей лирики. В творчестве Б. Ахмадулиной среди иных типов метонимических сочетаний концептуальную значимость приобретают именно соматические адвербиальные конструкции, которые автор не просто часто создает, но и мастерски обыгрывает в разных ракурсах.

1. Афанасенкова, Е. Н. Особенности творческой манеры Б. А. Ахмадулиной (поэзия, проза): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. Н. Афанасенкова; Ростовский гос. пед. ун-т. – М., 2005.

2. Ахмадулина, Б. А. Стихотворения / Б. А. Ахмадулина; сост. Б. Мессерер, Т. Алешка; авт. предисл. и коммент. Т. Алешка. – М.: Эксмо, 2008.

3. Бирих, А. К. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты) / А. К. Бирих. – München: Verlag Otto Sagner, 1995.

4. Жолковский, А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты / А. К. Жолковский. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

5. Золотова, Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретации / Г. А. Золотова // Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language, 2000. – Vol. 24. – № 2, Juli. – С. 103–115.

6. Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений в 5 томах / Б. Л. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 1–3.

7. Пименова, С. Я. Предложения с семантикой эмоционального состояния как проявление различных типов восприятия в русском художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Я. Пименова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2000.

8. Плужникова, Д. М. Фразеологизмы с соматическим компонентом в лексике Беллы Ахмадулиной / Д. М. Плужникова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III междунар. науч. конф. (г. Белгород, 19–21 марта 2013) / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2013. – С. 360–363.

9. Свистунова, М. С. Способы выражения субъекта в конструкциях со словами категории состояния / М. С. Свистунова // Русский язык в школе. – 2010. – № 1. – С. 64–66.

10. Goossens, L. Metaphor and metonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by Rene Dirven, Ralf Porings. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 349–377.

В. А. Закревская (Тюмень)

МНОГОПРИСТАВОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Объект нашего внимания – многоприставочные глаголы, предмет исследования – глагольные приставки: их семантика и функции в глагольном слове. Материалом для анализа послужили записи диалектной речи, осуществленные автором в разных районах Архангельской области, в последние несколько лет преимущественно в Каргопольском районе.

Само существование сложной приставки отнюдь не является феноменом. Так, в литературном языке [1] выделяют префикс *обез-* (*обезжирить*, *обезденежить*), префикс *недо-* (*недолюбливать*, *недооценить*). В именах и наречиях отмечают приставки *поза-* и *небез-* (*позапрошлый*, *позавчера*, *небезосновательный*).

О. Г. Гецова, автор и редактор богатейшего «Архангельского областного словаря», издающегося в МГУ им. М. В. Ломоносова, 16 выпусков которого уже увидели свет, описывая общеархангельские языковые черты, обратила внимание на широкое употребление в архангельских говорах двойных (и тройных) приставок. Они свойственны разным частям речи: существительным, прилагательным, наречиям, глаголам (*взабольной*, *взамужье*, *поподряд*, *заотбирать*). Наиболее частотны и интересны с точки зрения употребления данные приставки в глаголах. Например: *вза-* (*взавидеть*), *вына-* (*вынарвали*), *выпо-*, *выпере-*, *выс-*, *высо-*, *выза-*, *задо-*, *зана-*, *зао-*, *занеза-*, *наповы-* и др. (*задоходить*, *заналаживаться*, *заподъехать*, *занезаробывала*, *наповыкидать* и под.) [2, с. 145]. Правда, представляет ли каждая из этих

приставок единый морф – вопрос дискуссионный, требующий специального исследования. Наши наблюдения – только подступы к нему. Однако, анализируя исторический материал, саратовские исследователи О. И. Дмитриева и О. Ю. Крючкова отвечают на этот вопрос положительно, считая, что «редупликация глагольных префиксов... представляет собой удвоение формально различных, но семантически сходных префиксов», что приводит к формированию в современном русском языке определенных словообразовательных типов с удвоенными префиксальными формантами [3].

Как правило, обе приставки в глаголах с двойными приставками в наших говорах обладают своей собственной семантикой, не превращаясь в один общий формант. Но в некоторых случаях может происходить слияние двух приставок в одну. Это касается, в частности, префикса *неза-*, например, в глаголе *незамогчи*, очень частотном в архангельских говорах: *Раньше говорили незамок, а не заболел. Незамогла и фсё*. Однако этот глагол может восприниматься как диалектизм, которому в литературном языке соответствует *занемочь* (см. МАС: Устар. Почувствовать недомогание, заболеть).

Приведем другие примеры: *А ну-ко, незавидела бы* (= перестала видеть), *дак я куда бы? Замутили глаза-ти, а типерь тем-то незавидела* (= перестала видеть). *Теперь-то он незапил* (= перестал пить). *Незайездила боле* (=перестала ездить). *Незашевельил* (= перестал шевелить) *рукой*.

В пользу того, что здесь употреблены глаголы с частицей *не*, говорит тот факт, что существуют глаголы без *не* начинательного способа действия с приставкой *за-*: *замогчи, зашевелить, запить* и под. Но при присоединении к ним *не-* утрачивается значение начальной фазы действия, а формируется новое значение: прекратить действие; перестать делать то, что названо производящей основой. Возможно, *неза-* здесь синонимично приставке *от-* в литературном языке со значением завершения и прекращения действия (*отцвести*).

Если провести параллель с литературным языком, то в нем, как известно, есть приставка *недо-* со значением недостаточности действия: *недодать, недосыпать, недоварить* и под. Интересно, что здесь тоже глагол употребляется без *не* и имеет значение завершительного способа действия: *додать, досыпать, доварить*. То есть речь также идет о фазе действия, но конечной. Нам кажется вполне логичным, что если есть глаголы с приставкой *недо-* (возникшей на базе глаголов, значе-

ние которых обращено к конечной фазе действия), то вполне возможны и глаголы с приставкой *неза-*, сформировавшейся на базе глаголов с семантикой начальной фазы действия.

Может возникнуть вопрос по поводу корректности сопоставления разных систем языка – литературной и диалектной. Но дело в том, что с точки зрения грамматического строя, морфемики и словообразования диалектный язык не «экзотика», это устная речь, о которой мы еще очень мало знаем, поскольку фундаментальных исследований разговорной речи носителей литературного языка недостаточно. А процессы в устной речи идут общие и для литературного языка, и для диалектной системы. В данном случае наблюдения над диалектной речью дают толчок для поиска подобного феномена и в кодифицированном языке. Так, мы зафиксировали следующие употребления: *А что касается Курниковой, то она вовсе не из-за съёмок не заиграла. Это все придумали. Она не заиграла из-за травм, которых у нее было множество* (МК. № 8, 2006). *Сканер не захотел сохранять в Worde* (из устной речи). Как видим, здесь тоже речь идет о том, что действие (*не заиграла, не захотел*) перестало осуществляться. На наш взгляд, можно говорить о формировании приставки *неза-* в русском языке [4].

Обратимся к глаголам с другими формантами. Отметим, что полипрефиксальные глаголы – это глаголы совершенного вида, однако начальная приставка может присоединяться как к приставочному глаголу несовершенного вида (*Я потом до того доотстирывала. Мы с Васильичем науговаривались. Толокно назамешивала да назагбала пироги. Я до того дозамазывала тут печь*), так и к приставочному глаголу совершенного вида (*Алешка тоже попростыл. Она меня поднаучит. Ешче понаставиш крынок. Нонь-то будто немножко пообжились*). В первом случае приставка перфективирует глагол, одновременно сохраняя свое лексическое наполнение, то есть выступает в качестве синкретической; во втором – выполняет словообразующую функцию, внося дополнительный смысловой оттенок.

В качестве начальных обычно выступают следующие приставки: *за-*, *по-*, *из-*, *до-*, *на-*, *при-*, *вы-*, *о-*, *от-* и др.

Данные приставки участвуют в формировании способов глагольного действия. (Заметим, что авторы научной и учебной литературы почти не привлекают полипрефиксальные глаголы в качестве иллюстративного материала для характеристики способов глагольного действия). Так, приставки *за-* и *по-* встречаются в глаголах временных способов действия – начинательного и ограничительного. Например:

Хотели идти загорать, а дождичек захоходил. Потом Илюшка запро-сыпался. Я уж заподрыгивала (задрожала от страха). Второй-то заподскакивал (драться). Позвала, позаглядывала – никого нет. Девка-то то ли попростыла. У бабушки Лизаветы поосела могилка. Так попр-глядывала (огород). Потом поотлежалась.

Приставки *из-, до-, вы-, на-* отмечены в глаголах специально-результативных способов действия – интенсивного и кумулятивного. Приведем примеры: *Думаю, сильно-то не испотешилась. До того до-приступала: приходи да приходи. Мы придем, она нас наобнимает. Ни ветродуйка, хозяйственна така, наскопила, ни кредиту, ничего не брали. Там у нее много было назапасовано. Начистит, намоеет, нарежет звеньшиками, на корку наложыт, сметаной наполиват-наполиват. Воду-то выполивают такой котел (в бане). Краски-то назды-халась.*

Приставка *при-* употребляется в глаголах количественного способа действия: *Ночь будто немножко приобжились* (привыкли к горю). В некоторых случаях можно говорить о пространственном значении приставки: *Теперь я все выздынула* (подняла из погреба). *Облоки прокатился, потом он сюды выздынется. Не могу обуздать место.*

Вторые приставки, думается, сохраняют древнее пространственное значение (иногда оно затемнено из-за связанного корня). Присоединение еще одной приставки делает семантику глагола более емкой, зримой. Например, во фразе *Открыла учебник, понашла ответ на вопрос* появление как будто лишней приставки *по-* заставляет воспринимать глагольное действие как протяженное во времени.

Особый интерес представляют глаголы движения с двойной приставкой *по-*. Например: *Попоеду да попойду маленько – ноги зебнут. Дождик-то попошел бы, так и грибы выросли бы.* Первая приставка обозначает ограничение действия во времени, вторая перфективирует глагол и одновременно обозначает начало действия.

Таким образом, обе приставки в полипрефиксальном глаголе, как правило, обладают своей собственной семантикой (даже когда она затемнена), не превращаясь в один формант (за исключением *неза-*). В какой-то мере можно говорить о синкретизме значений приставок внутри глагольного слова, что требует дальнейших наблюдений с привлечением контекста.

2. Гецова, О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика / О. Г. Гецова // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. – М.: Диалог – МГУ. – 1997. – С. 145.

3. Дмитриева, О. И. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты / О. И. Дмитриева, О. Ю. Крючкова. – Саратов: Научная книга. – 2010. – С. 264, 298.

4. Закревская, В. А. Глаголы с приставкой *неза-* в русском языке (на материале архангельских говоров) / В. А. Закревская // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Междунар. конф. 23–25 октября 2006 г. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. – С. 61–62.

И. И. Минчук (Гродно)

ТИПОВАЯ СИТУАЦИЯ «НАГРАЖДЕНИЕ» В ТЕКСТАХ СМИ: ПРАГМАТИКА В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕНОТАТИВНЫХ РОЛЕЙ

Изучение медиатекста представляется особенно актуальным в условиях чрезвычайного влияния СМИ на развитие речевой практики отдельных носителей языка и языковой системы в целом. Для лингвистов сегодня ключевым вопросом является не то, как устроен язык, и даже не то, как он функционирует. Как отмечает М. И. Конюшкевич, сегодня на первый план для исследователей «выходит получение ответа на вопрос о том, как воздействует язык, каков его внутренний воздействующий потенциал, и какова внешняя мощь этого потенциала в отношении его отдельного носителя и языкового коллектива» [1, с. 700].

Воздействующая функция СМИ реализуется через формирование повестки дня, т. е. набора тем (ситуаций) и типичных способов их представления, которые обозначены прессой как значимые на текущий момент. Одной из таких ситуаций в материалах белорусских СМИ является типовая ситуация «награждение».

По мысли М. В. Всеволодовой, содержание любого предложения является отображением некоторой внеязыковой ситуации. «Опознать» ситуацию помогают одни и те же действующие лица (роли) и одинаковые отношения между ними [2, с. 122]. Каждая типовая ситуация – это пьеса, каждое предложение – это спектакль, сыгранный по пьесе. М. В. Всеволодова обращает внимание, что в самой типовой ситуации говорящий никоим образом не присутствует: в ней не отражаются

коммуникативные установки и субъективные смыслы. Они проявляются в бесконечном множестве предложений, которые автор строит, исходя из своих прагматических установок.

Анализируя районные издания Гродненской области, Т. А. Пивоварчик, обращает внимание на то, что «праздничный дискурс» (значительную часть которого составляют тексты, отражающие типовую ситуацию «награждение»), «является одной из тематических доминант (устойчивым медиатопиком) районной газеты» [3, с. 220]. Контент-анализ сообщений белорусского информационного агентства БелТА, а также материалов республиканских изданий «Советская Белоруссия», «Народная газета», «Рэспубліка» позволяет отметить, что типовая ситуация «награждение» – устойчивая доминанта белорусского медиапространства в целом. Так, на сайте БелТА ежедневно появляются (в зависимости от информационного повода) от нескольких единиц до нескольких десятков информационных текстов, в которых фокусным или фоновым событием является вручение наград. Контент-анализ сообщений БелТА с сентября 2015 по сентябрь 2016 г. показал, что за месяц среднее число материалов, содержащих слово *награда* или однокоренные слова, относительно стабильно: около 150.

В текстах белорусских СМИ может сообщаться о вручении а) государственных наград (система государственных наград страны включает 8 орденов, 7 медалей, 4 почетных звания «Народный», 36 почетных званий «Заслуженный», звание «Герой Беларуси») и б) наград за победу в конкурсах, фестивалях, состязаниях, первенствах, олимпиадах самого разного масштаба (от корпоративных – до национальных и международных) и сферы (искусство, наука, спорт, производство и т. д.). Вручение указанных наград становится частью белорусского медиапространства в виде сообщений, отражающих типовую ситуацию «награждение».

В основе типовой ситуации «награждение» лежит глагол-предикат *наградить*. *Наградить* – значит ‘отмечать чьи-либо заслуги особой благодарностью, почетным орденом’ [4, с. 296]; *наградить* – ‘дать, сделать что-нибудь в знак благодарности, признательности, в награду за что-нибудь’ [5, с. 924]. Здесь следует отметить различия в значении слов *награда* и *подарок*. Если подарок преподносят безвозмездно (даром), по случаю или без него, то награда дается за заслуги, в знак признательности за что-либо – службу, работу, успехи, верность.

Семантика глагола *награждать* диктует структуру типовой ситуации «награждение». С опорой на данные «Словаря сочетаемости слов» были выявлены возможные позиции: *награждать – кого (что) – чем – за что – в связи с чем – как* [4, с. 296]. В терминах функционального синтаксиса можно представить типовую ситуацию «награждение» следующими денотативными ролями: Донатор – Предикат – Реципиент – Донатив – Каузатив – Повод – Способ.

Анализ текстов показывает, что в современных белорусских СМИ реализация типовой ситуации «награждение» имеет свою специфику. Будучи ограничены рамками статьи, остановимся на особенностях реализации денотативных ролей Донатор, Реципиент, Каузатив.

1. В роли **Донатора** (награждающего) в текстах выступают высокопоставленные лица (президент страны, премьер-министр, министры, представители исполнительных комитетов, руководители предприятий и организаций), что закономерно: чем выше статус награждающего, тем более значим вклад награждаемого в процветание общества и государства в целом. Например, *Лукашенко вручил Виктору Дробышу орден Франциска Скорины* (БелТА, 24.10.2015); *Премьер-министр Андрей Кобяков вручил от имени Президента государственные награды представителям трудовых коллективов* (Советская Белоруссия, 03.03.2016); *Во время концертной программы председатель Гродненского райсовета депутатов Игорь Лебецкий наградил лучших работников СПК «Пограничный»* (Перспектива, 15.06.2015). В этом плане дискурс районной газеты не отличается от дискурса республиканских СМИ. А вот специфика его – в повышенном внимании к фигуре и статусу награждающего.

Так, желание обозначить донатора рождает сложные конструкции типа «кто (наградил) кого от имени кого»: *Заместитель начальника филиала № 400 Гродненского областного управления ОАО «АСБ Беларусбанк» Владимир Ломако от имени начальника областного управления наградил лучших работников центра банковских услуг № 401 Почетным грамотами и Благодарственными письмами* (Бераставіцкая газета, 12.11.2012). Приведем еще один пример. В пассивной конструкции позиция донатора традиционно исключается во избежание соседства двух творительных (**Боец награжден орденом (командиром)*). В то же время особый этикет районной прессы влияет на появление конструкций типа *За многолетний и добросовестный труд в отрасли сельского хозяйства и в связи с профессиональным праздни-*

ком ряд работников хозяйств, обслуживающих их организаций награжден райисполкомом Почетными грамотами, отмечен благодарностями председателя (Іўеўскі край, 27.11.2012).

2. Роль **Реципиент** в типовой ситуации «награждение» информативна в аспекте понимания ценностей белорусского общества. В роли награждаемых выступают многолетние матери, педагоги, деятели культуры (режиссеры, артисты, художники, литераторы, музыканты), журналисты, спортсмены, одаренная молодежь (школьники и студенты), аграрии, военнослужащие, врачи, строители: *Госнаград удостоены преподаватели и руководители белорусских вузов* (БелТА, 27.06.2016); *Дипломом II степени награждена Ивьевская вспомогательная школа-интернат за победу в областном конкурсе «Лучший сайт учреждения образования»* (Іўеўскі край, 31.08.2012).

Следует отметить, что в республиканской и районной прессе поразному профилируются главные участники анализируемой типовой ситуации Донатор и Реципиент: наблюдается конкуренция денотативных ролей за высший коммуникативный ранг в структуре высказывания. От автора текста зависит, кого – награждающего или награждаемого – поставить в центр внимания. Редакции на местах решают, каким образом следует подать информацию о награждении, профилирую в заголовках представителей своего города, района, области, т. к. главное преимущество районных СМИ – непосредственная близость к читателю и возможность поставить его в центр моделируемой медиареальности. Ср.: *Орденом матери награждены 19 многодетных женщин из разных регионов Беларуси* (БелТА, 30.08.2016) и *Жительница агрогородка Одельск Гражина Марцулевич Указом Президента РБ награждена орденом Матери за рождение и воспитание пятерых детей* (Перспектива, 31.08.2016).

В качестве награждаемых могут выступать не только люди, коллективы, но и предприятия, организации, населенные пункты, а также неодушевленные предметы со скрытой персонификацией. Под влиянием экстралингвистических факторов типовая ситуация «награждение» трансформируется. В примерах *«Савушкин продукт» получил высшие награды национального конкурса «Народная марка – 2016»* (БелТА, 07.12.2015); *Полгода назад эта же продукция была представлена на одной из выставок в Москве и награждена серебряной медалью* (Перспектива, 28.09.2012) роль Реципиент сдвоена: за товаром обязательно стоит его производитель и награду получает именно

он. В случаях, когда в качестве реципиента назван неодушевленный предмет, используется пассивная конструкция и не заполняется позиция донатора в высказывании: Ср: «*Савушкин продукт*» получил высшие награды, но не * *Председатель конкурсной комиссии вручил «Савушкину продукту» высшие награды.*

3. Изменения наблюдаются и в реализации денотативной роли **Каузатив**. Семантика слова *наградить*, как отмечалось выше, предполагает указание на определенные заслуги реципиента. Анализ показал, что денотативная роль Каузатив последовательно заполняется в сообщениях БелТА, когда речь идет о вручении государственных наград: *Лукашенко **наградил** телеведущую Елену Спиридович орденом Франциска <...> Елена Спиридович удостоена ордена за многолетнюю плодотворную работу, высокий профессионализм, личный вклад в развитие и популяризацию национальной культуры* (БелТА, 12.07.2016).

В то же время типовая ситуация «награждение» сегодня так частотна в СМИ, что глагол *наградить* в контексте праздничного дискурса сближается по своему значению с *одарить*: *На площадке возле Летнего амфитеатра жюри определит самых креативных барышень. Их **наградят** памятными призами. Самой стильной участнице один из партнеров велопарада **вручит** сертификат на бесплатную пару понравившейся ей обуви* (БелТА, 27.07.2016). Представляется, что в подобного рода ситуациях заполнение денотативной роли Каузатив является не только необязательным, но даже неуместным: *А спустя несколько минут **Дед Мороз приступил к награждению ребят, участвовавших в конкурсе на лучшую сказку и самодельную игрушку для новогодней елки.** <...> **За наградами последовали фотосессия и торжественное шествие всех героев новогодья в резиденцию*** (Народная газета, 24.12.2015).

Таким образом, типовая ситуация «награждение» – значимая составляющая белорусского медиапространства. Прагматика автора реализуется: а) на уровне экспликации участников типовой ситуации в тексте, б) в распределении коммуникативных рангов в структуре высказывания, в) в выборе номинаций. Тексты, в которых сообщается о вручении белорусам наград, помогают реализовать конструктивный потенциал СМИ и формировать позитивный эмоциональный фон. В то же время чрезмерное внимание прессы к типовой ситуации «награж-

дение» ведет к ее переосмыслению и выхолащивает содержание, что может негативно влиять на формирование общественного мнения.

1. Конюшкевич, М. И. О предмете медиалингвистики / М. И. Конюшкевич // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 18–21 марта 2014 г.): труды и материалы; сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 700–701.

2. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

3. Пивоварчик, Т. А. Праздничный дискурс в районной газете / Т. А. Пивоварчик // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. – Т. 20. – С. 214–221.

4. Словарь сочетаемости слов русского язык / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд. испр. – М.: Рус. яз., 1983.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1978.

Т. Н. Пермякова (Новосибирск)

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В ФОРМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИЦ *ВСЕ-ТАКИ*, *ВСЕ ЖЕ*, *ВСЕ РАВНО*)

Частица – «молодая» часть речи. Эту категорию слов впервые выделил А. Добиаш в конце XIX века, а первое описание их сделал В. В. Виноградов [1] только в середине XX века. Конечно, с тех пор появилось множество исследований как фундаментальных [3, 4], так и отдельных категорий этих слов [4]. Достижения языкознания последних лет: создание нового лексикографического аппарата, разработка проблем, связанных с коммуникативной организацией высказывания, его смысла и т. п. – позволили обнаружить такие особенности служебных слов, которым раньше не уделялось должного внимания. Исследование частиц осложняется их многозначностью, причем уже элементарный синтаксический анализ показывает, что реальная картина их функционирования подчас в очень малой степени связана с первичным значением и функциями.

Данная статья представляет собой сравнительное описание частиц *все-таки*, *все же*, *все равно* с точки зрения их функций в формальной организации высказывания.

С этой целью мы провели дистрибутивный анализ высказываний с данными частицами, который показал, что сферу употребления частиц составляют как сложные (мы рассматривали разные структурные типы предложений), так и простые предложения. Причем основная доля высказываний с частицами *все-таки*, *все же*, *все равно* приходится на сложные предложения. Результаты мы представили в таблице.

Таблица 1.

**Доля высказываний с частицами *все-таки*, *все же*, *все равно*
в зависимости от их позиционного положения (%)**

Частица \ Тип предложения	ПП	СП		
		ССП	СПП	БСП
все-таки	42,1	15,4	16,1	26,4
все же	37,7	27,9	22,9	11,5
все равно	36,8	26,5	17,5	19,2

Как видно из таблицы, среди сложных предложений преобладают сложносочиненные предложения (далее – ССП) с различными сочинительными союзами, которые расположены с частицами контактно или дистантно, например: *Я хотел закончить статью размышлением о первом января, но **все-таки** решил «убрать» его в сноску по причине излишней субъективности ощущений* (Отечественные записки 2003. НКРЯ); *Никаких настоящих ковбоев с пистолетами я так и не встретила в Техасе, но **все же** техасцы – народ более дикий (в смысле грубый, прямолинейный), чем все остальные американцы* (О. Панфилова. НКРЯ); *Потом вам дают сигарету, а вы некурящий..., но **все равно** машинально затягиваетесь и кашляете..., кашляете. Потом дают выпить рюмку коньяку. И в горле и в груди становится тепло. И вот уже гильотина* (Евгений Гришковец. НКРЯ).

Во всех приведенных выше высказываниях ярко проявляется специализация функций союза и частицы: союз выполняет связующую функцию, то есть соединяет предикативные единицы (далее – ПЕ), а частица – иную роль, является семантическим уточнителем. Чисто, неискаженно это проявляется в высказываниях типа: *Разговаривать ему со мной не хотелось, и **все-таки** он сдался* (НКРЯ).

В этом примере очевидно, что соединительный союз *и* в силу своего абстрактного значения выполняет роль связки, скрепы, не выражая определенных семантических отношений, а частица «берет на себя ответственность» выразить смысловые отношения между ПЕ.

Следовательно, мы наблюдаем явление, когда частица не выполняет формальные функции в высказывании.

Достаточно большую долю в выборке составляют сложноподчиненные предложения (далее – СПП), причем в большинстве примеров частица находится в придаточной части, например:

а) *Всего дважды в этом поединке ненадолго появлялось ощущение, что Агасси **все-таки** человек, а не совершенный механизм по добыванию очков* (Известия. НКРЯ);

б) *Метель хлестала в глаза доктору и покрывала печатные строчки газеты серой и хрустящей крупю. Но не это мешало его чтению. Величие и вековечность минуты потрясли его и не давали опомниться.*

*Чтобы **все же** дочитать сообщение, он стал смотреть по сторонам в поисках какого-нибудь освещенного места, защищенного от снега* (Б. Пастернак. НКРЯ). Здесь частица также связывает два высказывания, но связь смысловая;

в) *Она ничего не просила и ни о чем не спрашивала, и он ничего не обещал. Зачем было обещать, если он твердо знал, что **все равно** она не разлюбит его никогда* (Ю. Трифонов. НКРЯ).

Анализируя СПП, небезынтересно будет обратить внимание на то, в какой части СПП располагается частица. По нашим наблюдениям, если частица располагается во второй части предложения (как в примере в), то чаще всего она выполняет функцию связи двух ПЕ. Если же частица находится в первой части СПП, то она работает уже на смысловую, а иногда и формальную связь с предыдущим контекстом, то есть участвует в организации текста.

По нашим данным частицы *все-таки*, *все же*, *все равно* часто употребляются и в простом предложении (далее – ПП), например:

а) *Таков термитник! У социальных насекомых обнаружена сложная коммуникация, устойчивые иерархические отношения, а пребывание в коллективе для них – жизненная необходимость. Все это признаки социума. И **все же** их не считают истинной социальной группой* (Знание – сила. НКРЯ);

б) – *Димка. Ты только не должен на меня оборачиваться. Ты должен так решать, как будто меня нет. Потому что я **все равно** буду с тобой всегда. Что бы ты ни решил* (А. и Б. Стругацкие. НКРЯ).

На наш взгляд, высказывания *а* и *б* можно рассматривать как парцелляцию сложного предложения, где частицы выполняют важную смысловую функцию.

В простых предложениях, осложненных обособленными оборотами с полупредикативными отношениями, частица также важна в семантическом плане, например: *Авторитаризм еще не тождествен тоталитаризму и деспотии. Он может, сохраняя жесткость, **все же** уважать права человека, остатки прежней и зачатки новой демократии* (Комсомольская правда. НКРЯ).

Попробуем элиминировать частицу: *Авторитаризм еще не тождествен тоталитаризму и деспотии. Он может, сохраняя жесткость, уважать права человека, остатки прежней и зачатки новой демократии.*

Мы видим, что в результате элиминации частицы: а) формальная структура предложения не изменяется, следовательно, частица в данном предложении выступает как дополнительное средство связи, показатель вторичной союзной семантики; б) уступительно-противительные отношения между пропозициями *сохраняя жесткость* и *уважать права человека* становятся имплицитными.

Исследуемые частицы могут функционировать и в бессоюзных сложных предложениях (далее – БСП) с различными семантическими отношениями, например: *Кстати, если вы намерены иногда выезжать на проселок, вместо пластиковой защиты от грязи стоит заказать металлическую – в России **все-таки** живем* (А. Будкин. НКРЯ); *Можно показать, что в пространстве, у которого *n* дополнительных координатных осей, гравитация изменяется с расстоянием как $1/r^2 + n$ (пусть простит читатель – **все же** не удалось обойтись без простенькой формулы!)* (Знание – сила. НКРЯ); *А сейчас вечером домой идти не хочется – **все равно** дома никого нет* (Наши дети: Подростки. НКРЯ).

Данные БСП состоят как минимум из двух ПЕ, между которыми существует определенная логическая пропозиция – уступки. Исследуемые частицы являются показателями этой логической пропозиции, а в случае, если они находятся на границе ПЕ₁ и ПЕ₂, то выступают и

как функциональные аналоги союзов (уступительных, противительных).

Таким образом, рассмотрев сферу употребления частиц *все-таки*, *все же*, *все равно*, можно сделать вывод о том, что данные частицы употребляются в предложениях разной структуры без ограничений.

Итак, занимая определенную позицию в высказывании, частицы могут выполнять формальные функции: текстообразующую или конструктивную.

В результате дистрибутивного анализа исследуемых частиц мы выяснили:

- ♦ частицы *все-таки*, *все же*, *все равно* не выполняют формальную функцию связи в контекстах, где эту функцию по своему прямому назначению выполняют союзы и другие лексические средства;

- ♦ данные частицы выполняют текстообразующую функцию, если находятся в начале абзаца или высказывания (идет отсылка к предыдущему предложению);

- ♦ в некоторых случаях (преимущественно в БСП) частицы *все-таки*, *все же*, *все равно* могут выполнять функцию связи ПЕ в предложении, то есть выполняют союзную функцию, но эта функция не всегда является основной.

О конструктивной функции данных частиц мы говорить не можем, так как примеров на эту функцию в нашей выборке нет (может быть, пока). Таким образом, наш эмпирический материал показал, что эти языковые единицы не могут быть названы союзами.

На наш взгляд, основной функцией частиц *все-таки*, *все же*, *все равно* является семантическая функция, но это уже тема другой статьи.

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001.

2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 25.07.2016.

3. Николаева, Т. М. Функционирование частиц в высказывании (на материале слов русского языка) / Т. М. Николаева. – М., 1985.

4. Рогожникова, Р. П. О служебных частях речи / Р. П. Рогожникова // Изв. АН СССР. Серия литература и язык, 1972. – Вып. 4. – С. 340–348.

5. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке / Е. А. Стародумова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.

И. М. Цыпина (Москва)

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ
КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СУГГЕСТИИ
В ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

На рубеже XX–XXI веков привлечение СМИ к освещению официальной части дипломатических переговоров с целью информирования населения стран-участниц привело к проникновению суггестивного воздействия в политико-дипломатический дискурс. Под политико-дипломатическим дискурсом понимается сложное коммуникативное явление, нацеленное на борьбу за авторитет, влияние, приоритеты страны и включающее открытый корпус текстов, реализующийся в рамках коммуникативной ситуации.

Необходимо отметить принципиальное различие структур коммуникативной ситуации внушения и убеждения. Языковая суггестия базируется на межличностном компоненте общения – доверии к авторитету и власти суггестора, в то время как в процессе убеждения межличностный компонент оказывается иррелевантным. Последнее наблюдается в политико-дипломатическом дискурсе намного реже.

Языковая суггестия в политико-дипломатическом дискурсе реализуется через разные грамматические категории. Категория времени принимает активное участие в моделировании действительности текста и в связи с этим является мощным средством воздействия на психику аудитории [1].

Корпус исследованных 77 обращений показывает, что значительная часть временного континуума суггестивного текста в политико-дипломатическом дискурсе локализована в координатах «здесь и сейчас».

Свидетельство тому – высокий коэффициент повторяемости (соотношение между общим числом употреблений слова в корпусе исследованных текстов и средним арифметическим его показателем в текстах) темпоральных лексических маркеров «данного момента»: «сейчас» – 117, «сегодня» – 19, «в данный момент» – 23, «в настоящее время» – 49. Данные маркеры наиболее востребованы, так как они «примелькались» в повседневной речи, автоматически декодируются в режиме экономии когнитивных усилий и, соответственно, первыми попадают в сферу бессознательного.

«Сейчас» – перцептуальное время суггерендов – оказывается исходной точкой проекции декодирования. Наблюдаются также случаи, когда различные лексические единицы, выражающие данный кодирующий смысл, появляются в одном предложении. Приведем примеры:

♦ *Сейчас же* нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены – пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент [2, с. 398].

♦ *То, что произошло в Одессе 2 мая, – это чистый фашизм. Мы не позволим замести под ковер факты, как это сейчас пытается делать правящая коалиция, закрыв расследование от общественности* [3].

♦ *Но то, что происходит сейчас, это уже не просто марши с лозунгами, воспевающими нацистских преступников, – это уже проявление фашизма вживую* [3].

♦ *Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с разрушительной, варварской идеологией и не имеем права допустить, чтобы новоявленные мракобесы добились своих целей* [4].

В ряде случаев моделирование категории времени имеет своим назначением установление раппорта путем подстройки к текущему опыту суггерендов, апеллируя к их перцепции:

♦ *Как видите, мы с вами сейчас работаем в здании Дальневосточного федерального университета. Я думаю, что Вы тоже смогли оценить масштаб этого учебного заведения...* [5].

Наряду с этим, ритуальные перформативы создают ощущение сопричастности «избранному историей» моменту. Ощущение значимости настоящего момента создано целым рядом синтаксических единиц с участием слова «время»: «время пришло», «настало время», «нет времени на». Подобные конструкции вводят действия, требующие немедленного исполнения. Прагматическая направленность при этом реализуется имплицитно, императив же не теряет своей силы:

♦ *Параллельно самое время начинать диалог и о принципах, на которых могла бы выстраиваться более широкая и всеобъемлющая система общих пространств* [6].

♦ *Настало время нам, то есть сегодняшним поколениям российского народа, сказать свое слово, поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации* [7].

Другим важным механизмом суггестивного воздействия является моделирование категории времени при помощи эксплицитных средств уровня парадигматических связей. Суггестор стремится вписать момент «здесь и сейчас» в общую канву мировой истории, провести параллели с другими великими датами, возведя данный момент в ранг исторического:

♦ *Это были искренние чувства солидарности. Именно в такие переломные исторические моменты проверяется зрелость и сила духа нации* [8].

♦ *Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности* [2, с. 393].

Альтернативным суггестивным механизмом постановки акцента на данном моменте является выделение его в исторической цепи как «первого раза»:

♦ *Прежде всего нужно было помочь создать условия для мирного, свободного волеизъявления, чтобы крымчане **сегодня** могли сами определить свою судьбу **первый раз в истории*** [9].

♦ *Сегодня впервые в нашей истории у нас есть шанс доказать самим себе и всему миру, что Россия может развиваться по демократическому пути. Что переход страны на следующую, более высокую ступень цивилизации возможен* [10].

Если говорить о временных грамматических планах в суггестивных текстах политико-дипломатического дискурса, то формы настоящего времени, как обладающие наиболее сильным воздействующим эффектом, насчитывают до 70 % от общего числа грамматических форм. На втором месте будущее время – до 21 %. Прошедшее время – 12 %.

Междуплановая транспозиция временных форм (настоящее вместо будущего или прошедшего) создает временную позицию – «сейчас – сквозь время». Исследователи текстов инаугурационных речей К. Кэмпбелл и К. Джеймисон называют такое моделирование времени «вневременностью» (timelessness; time out of time) [11, с. 205]. Однако надо помнить, что время застывает «вокруг» суггерендов, создавая ассоциированную позицию восприятия. Более частое употребление форм настоящего времени объясняется суггестивной направленностью исследуемых текстов: все возможные функциональные разновидности

настоящего индефинитного (кратное, постоянное, проспективное, повествовательное, историческое [1]), осуществляя связь выраженных ими действий с моментом произнесения текста, фиксируют психически переживаемое время суггерендов.

Подобное распределение временных форм в политико-дипломатическом дискурсе с преобладанием реальных форм настоящего и будущего (индефинитного) демонстрирует, что тексты ориентированы на моделирование в психике суггерендов субсознательной программы «от настоящего к будущему», что свидетельствует о прагматической ориентации текстов на изменение целостной установки аудитории.

Таким образом, содержательная категория времени принимает активное участие в моделировании действительности текста. Корпус исследованных выступлений глав государств и представителей дипломатического корпуса показывает, что значительная часть временного континуума суггестивного текста локализована в координатах «здесь и сейчас». Наряду с этим, ритуальные перформативы создают ощущение сопричастности «избранному историей» моменту. Данные тексты прагматически ориентированы на моделирование субсознательной программы и, как следствие, на изменение целостной установки аудитории.

1. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное: на материале англ. яз / З. Я. Тураева. – М.: Высш. школа. – 1979. – С. 219.

2. Путин, В. В. Избранные речи и выступления / В. В. Путин; редактор-составитель: В. С. Чижевский. – М.: Книжный мир. – 2008. – С. 471.

3. Лавров, С. В. Речь, обращенная международным СМИ на церемонии возложения цветов по случаю Дня Победы. – 7 мая 2014 года / Лавров: Россия не даст «замести под ковер» о трагедии в Одессе – это «чистый фашизм» // Общероссийский электронный новостной ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/07may2014/lavrovodessa.html>. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

4. Путин, В. В. Послание Президента РФ Федеральному собранию, 3 декабря 2015 года / Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istanbul.mid.ru/poslanie-prezidenta-federal-nomu-sobraniu>. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

5. Путин, В. В. Интервью международному информационному холдингу Bloomberg, 2 сентября 2016 года / Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kremlin.ru/misc/52796. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

6. Лавров, С. В. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе встречи с руководителями компаний-членов Ассоциации европейского бизнеса в Российской Федерации, Москва, 14 октября 2014 года / Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/717046. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

7. Медведев, Д. А. Послание Президента РФ Федеральному собранию, 12 ноября 2009 года / Общероссийский электронный новостной ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/12/11/2009/5703d7899a7947733180c74d>. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

8. Путин, В. В. Речь перед жителями республики Крым и Севастополя в Кремле с участием международных СМИ. 18 марта 2014 года / Общероссийский электронный новостной ресурс / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ltv.ru/news/2015/03/18/21448-god_nazad_byl_podpisan_dogovor_o_vhozhdanii_kryma_i_sevastopolya_v_sostav_rossii. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

9. Путин, В. В. Послание Президента РФ Федеральному собранию, 18 марта 2014 года / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102367453&intelsearch=%EA%F0%FB%EC>. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

10. Медведев, Д. А. Обращение к нации, 10 сентября 2009 года / Общероссийский электронный новостной ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml. – Дата доступа: 16 октября 2016 года.

11. Campbell, K. K. Inaugurating the Presidency / K. K. Campbell, K. H. Jamieson // *Form, Genre and the Study of Political Discourse*. – Columbia (S. Car.): Univ. Of S. Car. Press. – 1986. – С. 203–225.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СТРОЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. Клангова (Брно)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КНИЖНЫХ ПРИЧИННЫХ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГАЗЕТАХ

Потребность объяснить причинную связь явлений любого рода проступает в область общения человека вне зависимости от функционального стиля. В связи с тем что публицистический стиль впитывает в себя лексику и терминологию разных областей знания, автор статьи обратил внимание на степень представления книжных причинных предлогов в современных русских и чешских газетах. Основой анализа стала база примеров автора, собранная из 4 русских газет («Деловой Петербург», «Metro Санкт-Петербург», «Петербургский дневник», «Советский спорт») и 4 чешских газет («Hospodářské noviny», «Metro», «Rovnost», «Sport»). Из каждой газеты было выписано 200 примеров вне зависимости от характера средства выражения причинного отношения, т. е. причинного предлога или союза. В настоящей статье подвергнем анализу только книжные причинные предлоги.

Книжные причинные предлоги являются производными, и классическая сфера их употребления – тексты научного стиля, официально-делового, а также публицистического. К русским книжным причинным предлогам принадлежат: *в результате, в связи с, в силу, ввиду, вследствие, по поводу, по причине, по случаю*. К чешским книжным причинным предлогам относятся предлоги: *následkem, v důsledku, v souvislosti s, vzhledem k, z důvodu, za příčinou*. Каждый из упомянутых книжных предлогов имеет свою узкую семантику, способствующую выражению причинных оттенков различной тонкости. Необходимо отметить, что чешский язык по сравнению с русским языком обладает меньшим количеством производных предлогов. Причина данного явления заключается в теориях языкового пуризма, следы которого можно наблюдать до сих пор. Производные предлоги имеются в чешском языке с XIX в., в русском языке уже с XVIII в. [1, с. 54].

Из приведенных выше русских газет было выписано в общем 410 примеров причинных предлогов. Книжные причинные предлоги были представлены 87 примерами. В чешских газетах было обнаружено всего 509 примеров причинных предлогов. К книжным относилось лишь 26 примеров. Из приведенных цифр вытекает, что русские и чешские журналисты предпочитают общеупотребительные причинные предлоги книжным, хотя у чешских журналистов наблюдаемая тенденция проявляется более отчетливо.

Больше всего книжных предлогов было использовано в статьях газеты «Деловой Петербург» (33 примера). Данная газета предоставляет деловые новости из области бизнеса, политики и культуры, часто с оценками экспертов. Центральное место в лексике занимает официально-деловая лексика. Из приведенной характеристики вытекает необходимость употребления книжных средств также на уровне выражения причинных отношений. Из перечисленных выше предлогов были использованы все; больше всех было примеров с предлогом *в связи с* (11 примеров). Данный предлог выражает отношения логической мотивации, возникающие в результате оценочной реакции говорящего [2, с. 23]. Ср.: «*Открыть рынок мы решили в связи с устойчивым спросом на автозапчасти и аксессуары*», – говорит Александр Уценко, заместитель генерального директора ООО «Автобург» (ДеП, 17.4.2012, 65 (3562), 24).

Газета «Петербургский дневник» является официальным изданием Правительства города Санкт-Петербург, включающим оперативные новости, городскую хронику, вести из Смольного, специальные репортажи и т. п. Статьи написаны официальным языком; их отличительная черта: лексика официально-делового стиля, терминология из сферы права, политики и бизнеса. В целом в этой газете было найдено 27 предложений с книжными причинными предлогами. Предлоги *в результате* и *в связи с* были представлены 9 примерами. Остановимся на предлоге *в результате*, выражающем непосредственную причинную зависимость. Данное предложно-падежное сочетание передает причинное значение как результат каких-то действий [3, с. 53–54]. Несмотря на то что предлог *в результате* может выражать также внутреннюю причину [4, с. 199], в наших примерах были обнаружены только примеры внешней причины. Ср.: *Изначально сообщалось, что взорвался бытовой газ, однако позже стало известно, что взрыв произошел в результате действий проживавших в доме мужчин* (ПД,

1.3.2012, 8 (374), 3). Из перечисленных выше причинных предлогов отсутствовали *в силу*, *ввиду* и *вследствие*.

Для газеты «Советский спорт» характерен несложный, более свободный стиль изложения информации. Значительную часть статей представляют интервью, которые проходили, как правило, в устной форме и впоследствии были записаны. В целом в выпусках данной газеты было обнаружено 15 примеров книжных причинных предлогов. Наиболее продуктивным стал предлог *в результате* (5 примеров), остальные предлоги, кроме отсутствующего *в связи с*, были представлены незначительно. Ср.: ***В результате*** потасовки, которую удалось остановить только с помощью полицейских, серьезно пострадал один из россиян, имя которого не называется (СС, 24.2.2012, 26 (18620), 2). Интересным примером является предлог *по причине*, который выражает неизбежную причину и может выступать также в модифицированном виде: *по причинам*. Данный предлог возможно разбить и использовать уточняющее местоимение, имя прилагательное или числительное, ср.: *Проблемы, что удивительно, возникли не у «Нижнего Новгорода», имеющего в заявке всего 18 игроков, а у «Мордовии», по разным причинам оставшейся без пятерых ключевых футболистов* (СС, 28.3.2012, 43 (18646), 8).

Для газеты «Metro Санкт-Петербург» типична несложность изложения статьями, короткие предложения, целью которых является доходчивость при соблюдении принципа максимальной экономии языковых средств. Книжные выражения не принадлежат к характеристическим чертам данного издания. Использование книжных причинных предлогов не принадлежит к образу выражения причинных отношений этой газеты. Несмотря на то было обнаружено 5 примеров с предлогом *в результате*. Данный предлог был использован для обозначения внешней причины, хотя способен передавать также внутреннюю причину (ср.: *серия взрывов, катастрофа*), ср.: ***В результате катастрофы*** погибли все 68 человек (М СПб, 3.4.2012, 57 (2425), 5). Предлоги *ввиду*, *вследствие* и *по случаю* представлены не были.

Как было упомянуто выше, книжные причинные предлоги в чешских газетах не были представлены так часто, как в русских. Из 26 примеров половина книжных причинных предлогов обнаружена в газете «Rovnost». Эта чешская газета выходит в городе Брно и информирует о местных событиях, в определенной степени напоминает

газету «Петербургский дневник», но «Rovnost» не является официальным изданием правительства г. Брно. Из книжных предлогов были представлены предлоги *z důvodu* (7), *v důsledku* (3), *vzhledem k* (3). Предлоги *z důvodu* и *v důsledku* очень близки друг другу. Предлог *z důvodu* сочетался главным образом со словами, отсылающими к отрицательным действиям и процессам (ср.: *nesouhlas, nedostatečná kapacita a technické řešení, zranění, souběžné konání*), хотя Р. Блатна на основании исследования многословных предлогов в современном чешском языке (на материале Чешского национального корпуса) отмечает, что отличительной чертой предлога *z důvodu* является выражение положительных причинных отношений. Сочетание слов с негативным значением характерно для предлога *v důsledku* [5, с. 66–67, 260]. Предлог *v důsledku* в двух случаях был употреблен с нейтральными словами, лишь в одном случае существительное имело отрицательное значение. Ср.: *V regionálních autobusech není přeprava jízdních kol z důvodu nedostatečné kapacity a technického řešení autobusů možná* (R, 16.2.2012, 40, 9). *V důsledku poklesu dodávek došlo v našich obchodech k výpadkům zásobování* (R, 1.3.2012, 52, 14).

В газете «Метро» было найдено 9 примеров книжных причинных предлогов: *vzhledem k* (4), *v důsledku* (2), *v souvislosti* (2), *z důvodu* (1). Предлог *vzhledem k* сочетался со словами, называющими причину, препятствующую осуществлению какого-либо действия или приводящую к изменению подлинных планов. Данные слова имели преимущественно отрицательный оттенок. Ср.: *Koncert Black Sabbath plánovaný na 6. června v Praze bude vzhledem ke zdravotním potížím Tonyho Iommiho nahrazen projektem Ozzy & Friends* (M, 21.2.2012, 37, 6). Предлог *v důsledku* сочетался в соответствии с правилами своего применения со словами отрицательного значения (ср.: *požár, stres, nesprávné stravování*), ср.: *Zvláště účinné je u žen při sezónním vypadávání vlasů (jaro, podzim) a při vypadávání vlasů v důsledku stresu nebo nesprávného stravování* (M, 27.3.2012, 62, 12).

В деловой газете «Hospodářské noviny» были, вопреки ожиданиям, использованы лишь 3 предлога (ср.: *v důsledku, vzhledem k, z důvodu*), и в газете «Sport» был обнаружен только один пример с книжным причинным предлогом *vzhledem k*. Для приведенных газет более характерно использование общеупотребительных причинных предлогов (ср.: *благодаря, из, из-за, от, по* и т. п.).

В настоящей статье сделана попытка проанализировать употребление книжных причинных предлогов в избранных русских и чешских газетах. Главная задача статьи – выявление частотности книжных причинных предлогов на фоне общеупотребительных средств выражения причинных отношений и сравнение положения в русских и чешских газетах. В соответствии со сложившейся языковой ситуацией, в чешском языке со столькими производными предлогами не встречаемся. Следовательно, чешский язык не обладает настолько разнообразными средствами выражения причинных отношений, включая книжные. Сделав анализ собранного языкового материала, мы выявили, что из общего количества 410 русских причинных предлогов к книжным причинным предлогам относилось 87 единиц. База чешских примеров содержала 509 предложений с причинными предлогами, но лишь 26 из них – книжные. Из русских предлогов наиболее часто употреблялись предлоги *в результате* (28), *в связи с* (21) и *по причине* (13). Из чешских предлогов были наиболее частотными предлоги *z důvodu* (9), *vzhledem k* (9) и *v důsledku* (5). Русские газеты «Деловой Петербург» (33) и «Петербургский дневник» (27) содержали наибольшее количество книжных причинных предлогов. В чешских газетах было самое высокое число книжных причинных предлогов найдено в газете «Rovnost» (13). Русские и чешские журналисты не прибегают к частому применению книжных причинных предлогов. В чешских газетах данная черта проявляется более отчетливо.

1. Jelinek, M. *Nové výrazy předložkové povahy v češtině a ruštině* / M. Jelinek // SPFFBU A 16. – Brno, 1968.

2. Камына, А. А. *Обстоятельственные обороты в структуре простого предложения* / А. А. Камына // Вестник Московского университета. – Серия 10. Филология. Вып. 5. – М.: Издательство МГУ, 1976.

3. Бранднер, А. *Каузальные отношения, выраженные в русском языке предложными конструкциями, их соответствия в чешском языке* / А. Бранднер // *Linguistica Brunensia* 62. – 2014. – № 2.

4. Калнберзинь, Р. Я. *Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке* / Р. Я. Калнберзинь // Рига: Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР, 1958.

5. Блатна, Р. *Víceslovné předložky v současné češtině* / Р. Блатна. – Praha. – Lidové noviny, 2006.

И. А. Нагорный (Белгород)

ОТВЕТНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ПРЕДЛОЖЕНИИ¹

В суждениях отражен ментальный процесс. Частицы как знаки авторской квалификативной мысли являются интеграторами мыслительного процесса на речевом уровне, то есть фактически – знаками и мыслительного, и языково-речевого процессов, знаками суждения субъекта на коммуникативном уровне. Отражая модально-квалификативную мыслительную операцию говорящего, частицы фиксируют процессуальность мышления индивида, а также ту грань, которая является интегрирующей ментальный и языково-речевой процессы в координатах «я – здесь – сейчас» [1].

Мыслительный процесс субъекта, отраженный в нечленимых ответных предложениях, образуемых частицами, темпорально локализован, осуществляется вкупе с модально-оценочной квалификацией события говорящим. В данных предложениях процессуальность мышления субъекта вербализована на формальном уровне служебным элементом, и в этом плане частицы служат сближению в семантическом пространстве речевой единицы мыслительного и языково-речевого процессов. Частицы, репрезентируя субъективно-авторскую квалификацию события как фрагмента действительности, выступают в роли элементов, при помощи которых говорящий оформляет результат данного осмысления ситуации на коммуникативном уровне.

Выполнение предположительными частицами ответной функции в речевом нечленимом предложении предполагает фиксацию данными модальными квалификаторами так называемого имплицитного (или синтетического) суждения [2, с. 122]. Подобные суждения предполагают невыраженность языковыми способами облигаторных логических компонентов – предмета и/или предиката: – *Как ты думаешь, он вернется?* – **Вряд ли** (В. Шишков); – *Ты уверена?* – **Как будто...** (В. Шукшин); – *Ну, вот вы, например, вы можете сделать так?* – **Где уж!** (Е. Иванов).

Ответные предложения, выражающие подобные суждения, характеризуются тем, что частица выполняет здесь, в принципе, нехарактер-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

терную для других служебных элементов языка логико-фиксирующую функцию. Свернутое, компрессированное суждение – это особое суждение, субъект и предикат которого дифференцированно не вербализованы на пропозитивном уровне предложения.

В нечленимых ответных предложениях, образуемых частицами, невыраженность, невербализованность логического субъекта и логического предиката суждения является нормой. Обусловлено это тем, что здесь имеется лишь семантическое представление о данных мыслительных компонентах, не прошедшее процесса вербализации [3, с. 39]. В подобных предложениях отражено представление, которое еще не стало логическим понятием на уровне формы своего выражения. Это возможно благодаря причинам прагматического характера, то есть таким, которые, несмотря на импликационное представление суждения, приводят в итоге к правильному пониманию адресатом мысли адресанта. В нечленимых ответных предложениях частицы – это те речевые средства, которые используют коммуниканты для ответной, порой спонтанной, реакции на предшествующую реплику-суждение.

Чтобы нечленимое ответное предложение состоялось и органично интегрировалось в коммуникативный процесс, в предыдущей реплике-суждении должен быть актуализирован некий параметр, который явился для субъекта стимулом, во-первых, генерирующим не просто ответную, а ответно-модализованную реакцию коммуниканта на сообщаемое, а во-вторых, побудившим коммуниканта выразить свою оценочную мысль именно таким способом – в виде нечленимого ответного предложения, включающего в свой состав лишь частицу как яркий, субъективно окрашенный и компрессированный репрезентатор мысли субъекта: – *Да вот, как хочу, так и живу...* – *Уж будто?* – *В ответ мальчишка выругался* (И. Солоневич); – *И что же, они счастливы?* – *Куда уж* (В. Валеева).

Предположительная частица в данном случае является продуктивным знаком, указывающим на возможность/невозможность, необходимость, долженствование или желательность установления каких-то связей и отношений между понятиями, представлениями, с одной стороны, и их качествами, свойствами, – с другой. Потенциально связи и отношения, подвергаемые модально-оценочной квалификативной характеристике в ответном предложении, уже намечены в предыдущем сообщении, которое предваряет модально-ответное предложение. Го-

ворящему предстоит среагировать на сказанное, оценить фрагмент действительности, емко и в то же время кратко высказать свое отношение к предмету коммуникативно-прагматической ситуации общения. Для такой ответной реакции частица как коммуникативный инструмент донесения авторской оценочной точки зрения до адресата подходит как нельзя лучше. В рассматриваемых языковых элементах, служебных по своей формальной сути, заключается огромный коммуникативно-прагматический потенциал, который локализуется в том числе и в нечленимом ответном предложении: – *Я – нет. – Уж будто бы!.. Не упрямитесь* (В. Маканин); – *Ты забыл ключ дома? – Вроде бы* («Новый мир»).

Частица, являясь выразителем комплекса квалификативных модусных смыслов, позволяет говорящему очень емко, оценочно и намеренно презентативно вербализовать собственную реакцию на сообщаемое, продуктивно – при минимуме речевых затрат – донести собственное мнение до адресата: – *Будет тебе нагоняй! – Вряд ли* (А. Казанцев); *Вопрос. – А мог Борман использовать в США контакты немецких банкиров и промышленников? Ответ. – Лично он – нет. Вряд ли* (Ю. Семенов).

При помощи частицы говорящий может квалифицировать связи и отношения между предметами и явлениями действительности как действительно существующие, возможные или вероятные, по его мнению. Естественно, что в нечленимых ответных предложениях, образуемых частицами, эти связи градуально квалифицируются субъектом – как вероятные, сомнительные, предположительные: – *Но ведь она обещала написать. – Разве?* (М. Шолохов); – *Я вернусь еще. – Вряд ли* (А. Толстой); – *Что, собрались уж? – Вроде как* (К. Чуковский); – *Любит он ее? – Как будто. А главное, что она счастлива* (В. Иванов); *Целесообразно ли такое понимание синонимии? Вряд ли* (Л. Васильев). Для нечленимых ответных предложений, образуемых частицами, всегда характерен параметр градуальности. Авторская реакция и степень ее проявления зависит от многих факторов – прагматических, бытийных, личностных. Поэтому ответное предложение достаточно редко фиксируется на каком-либо из полюсов модальной шкалы степеней достоверности. Подобное предложение, как правило, лишь тяготеет к какому-то полюсу. Это обусловлено подвижностью авторской квалификативной оценки, степенью ее мотивированности, личностными качествами субъекта, внеситуативными факторами. Ответное

предложение, образуемое предположительной частицей, не фиксируется строго на полюсе достоверности потому, что не выражает нейтрально-констатирующее суждение достоверности. На смысловом отрезке, занимаемом рассматриваемыми предложениями, нейтрально-констатационного подтверждения говорящим предполагаемого события не происходит. Это характерно как для высказываний, располагающихся на периферии между смысловыми полюсами (*– Я так и знал! – Неужели?* (В. Шукшин); *– Ты забыл ключ дома? – Вроде бы* (журн. текст)), так и для высказываний, активно смещающихся к полюсу, противоположному тому, на котором зафиксирована предыдущая реплика диалога (*– Ты думаешь именно так? – Вряд ли* (В. Шукшин); *– Вот сегодня-то я и не приду. – Уж будто!* (В. Шукшин)).

В ответных нечленимых предложениях, образуемых частицами, оценка отношений между логическим субъектом и предикатом суждения, то есть отношений, уже актуализированных в предшествующем ответному сообщению, хотя и осуществляется на концептуальном уровне, однако переосмысливается говорящим с модально-кваликативной позиции в аспекте их конечного результирования. Конечным же результатом произведенной ментальной операции говорящего, отраженной в ответных предложениях, является выражение субъективного мнения, направленного на квалификацию фрагмента действительности: *– Сам хочет. – Уж будто бы?* (В. Маканин); *– Ты нал об этом. – Едва ли* (А. Иванов); *– Я сам догадался. – Неужели?!* (В. Шаламов). Детализируем признаки, характерные для ответных предложений, образуемых предположительными частицами. Во-первых, данные предложения выражают свернутое суждение, семантическая структура которого задается в предшествующем высказывании или нескольких высказываниях, то есть в речевом или текстовом контексте. Во-вторых, связь между субъектом и предикатом мыслится в таком предложении на ассоциативно-концептуальном уровне – уровне психических восприятий и представлений субъекта. В-третьих, частицы могут считаться фиксаторами такого предложения, отражающего свернутое суждение, и реализаторами данного суждения на коммуникативном уровне. В этом случае частицы имеют статус языковых средств выражения результата переосмысления говорящим связи между предметом и предикатом суждения, которая представлена в ракурсе модальной квалификации события. При этом результат модальной квалификации, выраженный частицей, всегда скорректирован в приложении на «точ-

ку зрения» говорящего. Частицы в этом случае фиксируют грань, за которой предшествующее суждение осмысливается говорящим с позиции «я – здесь – сейчас».

Способность предположительных частиц фиксировать имплицитное суждение, выражающееся в ответном нечленимом предложении, является их важной функцией в языке и речи. Частицы не могут быть охарактеризованы именно как специализированные средства, применяемые для обозначения такого вида суждения. Это обусловлено не языковым рангом частицы, а причинами иного рода, в частности, тем, что имплицитное суждение является лишь вариативной мыслительной формой, обусловленной факторами прагматического характера, такими, как, например, речевая ситуация общения, коммуникативная обстановка, разного рода пресуппозитивные факторы. Однако то, что частицы способны выражать такое суждение, несомненно, является их важной логико-языковой функцией. В этом аспекте рассматриваемые субъективно-модальные квалификаторы должны быть определены не только как речевые знаки суждения, но и как языковые структурообразующие средства. Соответственно их ранг как экспликаторов обязательных компонентов суждения здесь существенно повышен по сравнению с суждением развернутого типа.

Подведем итог сказанному. Описание предположительных частиц как репрезентаторов авторского мнения в нечленимых ответных предложениях подтверждает мысль относительно того, что рассматриваемые языковые средства должны быть охарактеризованы как динамичные, прагматически сориентированные элементы, в процессе коммуникации проявляющие себя в роли продуктивного инструмента донесения авторской точки зрения до адресата, элементы, отвечающие актуальным требованиям коммуникативного процесса и предназначенные для решения поставленной перед говорящим актуальной коммуникативной задачи. В этом плане систематизация параметров актуализации частицами субъективно-модальных смыслов в коммуникативном пространстве диалога представляется актуальной и перспективной.

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974.
2. Лосский, Н. О. Логика. В 2-х частях / Н. О. Лосский. – Берлин: Обелиск, 1923. – Ч. 1.
3. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Издательство МГУ, 1958.

Н. Н. Скворцова (Минск)

**ВСТАВНЫЕ СЛОВА И КОНСТРУКЦИИ
В ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА
(СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ И СПОСОБЫ ОФОРМЛЕНИЯ)**

Словосочетание *политический портрет* полисеманлично. В его толковании выделяется несколько аспектов. Политический портрет (далее ПП) может рассматриваться как публицистический жанр (очерк), тип печатного воплощения информации о политическом деятеле (лингвистический интерес представляет сама литературная форма политического портрета, воплощение образа политика в очерковой форме, портрет как повествование). ПП может рассматриваться в отвлечении и обособлении от жанров газетной журналистики (но не самого понятия жанра) как сложная, многомерная текстовая форма в ряду определенных дискурсивных практик; как отдельный жанр, разрабатываемый в системе координат жанров политического дискурса. Под ПП понимается также особый жанр политической рекламы, являющий собой листовочный, плакатный вариант публичного образа лидера. ПП выступает как метод создания необходимого образа политика; ПП – это и сам публичный образ («политический имидж»), который формируется/сформирован из многочисленных фрагментов, представленных в различных средствах массовой информации и коммуникации. Наконец, ПП определяется как целостное, объективное и достоверное знание о личности политического деятеля, результат, продукт так называемого «политического портретирования», выступающего, в свою очередь, исследовательской стратегией (совокупность различных методик и инструментов), методом анализа политической элиты. Многовекторность рассмотрения *политического портрета* предопределяет выбор одного из аспектов в соответствии с поставленными исследовательскими задачами.

В данной статье ПП рассматривается как один из публицистических жанров, как тип печатного воплощения информации о политическом деятеле, имеющий конкретного автора-очеркиста и выступающий в качестве особой текстовой среды функционирования вставок, или вставных слов и конструкций (в других терминах – парентезы, парентетических конструкций).

Феномен вставок по-прежнему остается в поле зрения синтаксистов. Интерес к нему не угасает (несмотря на глубокое исследование

структурной организации, функций вставок и формально-синтаксических отношений вставных слов и конструкций с предложениями), а, наоборот, поддерживается необходимостью разработки содержательной типологии вставок, исследования коммуникативно-прагматического потенциала парентезы, определения ее роли в авторском синтаксисе и в организации жанровых форм.

Принято считать, что содержательная типология вставок неисчерпаема, выявление содержательно-информационных типов вставок в известной мере проблематично: тот или иной содержательный тип дополнительного сообщения реализуется в условиях конкретного контекста, притом что парентеза есть всегда «вмешательство автора в основную линию повествования» [4, с. 19]. Действительно, вставки весьма разнообразны по своему содержанию и функциям, и любая их «семантическая» классификация не может быть ни вполне удовлетворительной, ни вполне исчерпывающей. Вместе с тем именно малоизученный содержательный аспект вставных слов и конструкций наиболее ярко иллюстрирует связь жанрово-стилистических параметров и заключенной во вставках информации, с необходимой полнотой раскрывает специфику парентезы как средства смыслового структурирования предложения и текста.

Анализ более 300 вставок, функционирующих в текстах двадцати исследуемых нами политических портретов [1]¹, показал, что за исходный пункт содержательной дифференциации вставок целесообразно принимать объект речевого приложения, своего рода «валентность», понимаемую как приложимость (или неприложимость) вставки к главному персонажу очерка – основному объекту политического портретирования (описания). Исходя из этого критерия предельно обобщенная содержательная классификация вставок выглядит следующим образом: 1) вставки, приложимые только к главному персонажу очерка (далее персонажу); 2) вставки, приложимые к персонажу и автору-очеркисту; 3) вставки, непосредственно неприложимые к персонажу (в этом типе парентез представлены вставки, в которых речь

---

¹ Выбор данного источника обусловлен двумя факторами: во-первых, политические портреты зарубежных деятелей написаны разными авторами; во-вторых, данные очерки представляют собой образцы «качественной» публицистической прозы, в которой гармонично сочетаются документальные материалы и художественные формы, стереотипное и творческое.

идет о членах семьи и родственниках персонажа; о друзьях, соратниках, соперниках, политических сторонниках и противниках, разных людях из политического окружения персонажа; о людях, не имеющих прямого отношения к персонажу). Данные типы вставок характеризуются бóльшим или меньшим содержательным разнообразием. Количественный состав тематико-семантических групп, выделенных внутри каждого типа, неодинаков.

Так, первый тип парентез (вставки, приложимые только к главному персонажу очерка) включает – в зависимости от степени содержательно-смысловой конкретизации – от 10 до 15 тематико-содержательных групп: «Полное имя, фамилия персонажа»; «Возраст»; «Место рождения»; «Учебное заведение, факультет; форма получения образования»; «Квалификация (квалификационная характеристика)»; «Материальное положение»; «Вехи карьерного роста»; «Характеристика политических взглядов, политической ориентации»; «Ораторские и другие способности»; «События частной жизни». Например: *Корасон Акино (девичья фамилия Кохуангко) родилась 25 января 1933 года [1, с. 321]. Взойдя совсем молодым человеком (ему тогда не исполнилось еще 18 лет) на трон небольшой страны, расположенной в одном из взрывоопасных районов земли, король Хусейн [Хусейн Бен Талал] взвалил на свои плечи тяжелые заботы [1, с. 98].*

Показательно, что в числе вставок этого типа нет таких, в которых сообщалось бы о социальном происхождении политического деятеля. Обращает на себя внимание и тот факт, что в исследуемых ПП не представлены вставные слова и конструкции, характеризующие внешний облик политического деятеля: черты лица, цвет волос, глаз, особенности телосложения, рост и т. д. В ПП эти содержательные типы информации переведены на основной уровень, т. е. представлены в основном сообщении, а не в дополнительном (не в парентезе).

Вставки второго типа – с двунаправленной «валентностью» – крайне нерегулярны, и единичные иллюстрации не могут составить соответствующей классификации. Например: *Его [Леха Валенсу] интересует кино, классическая музыка, красивые девушки («Правда, грешу я только глазами, что нам еще остается!») – сказал он скорее не мне, а ксендзу, присутствовавшего при разговоре) [1, с. 200].*

В результате анализа вставок, относящихся к третьему типу (вставки, непосредственно непрiloжимые к главному персонажу очерка), установлено, что диапазон тематико-содержательных групп

намного шире в сравнении с парентетическими конструкциями первого типа: 25–30 в зависимости от степени содержательно-смысловой дифференциации. В выделенных тематико-содержательных группах вставок этого типа представлена информация о семейном положении и составе семьи; родителей; родственников; политических предшественниках и преемниках; исторических вехах, времени важнейших исторических событий и событий общественно и политически значимых; географическом положении и геополитических факторах; административно-территориальном делении страны; населении (количественном, национальном или конфессиональном составе); политических формах правления; законодательстве; составе и деятельности правительства; политических партиях, союзах, ассоциациях, альянсах, различных общественно-политических организациях; векторах внешней и внутренней политики, внешнеполитическом курсе; политических программах и платформах; военных силах (внешних и/или внутренних); конфессиях, религиозных объединениях, сектах; духовных санах, церковной иерархии; СМИ (преимущественно названия газет); деятельности представителей разных профессий; бытовой жизни граждан; природных условиях страны, региона; оборонном бюджете государства; принятых иноязычных обращениях к человеку; наконец, о конкретных людях (имена и/или фамилии, возраст, моральные и поведенческие характеристики; занимаемые государственные посты). Преобладающей в количественном отношении является группа «*Политические партии, союзы, ассоциации, альянсы, различные общественно-политические организации*»: *В Нью-Йорке Сэм Нуйома встретился с другими лидерами движения ОПО (Народная организация Овамболенда), которое вскоре было переименовано в СВАПО* [1, с. 142]. Вставки этой тематико-содержательной группы представлены двумя разновидностями: вставки-аббревиатуры и вставки, поясняющие (расшифровывающие) аббревиатуры в основном содержании.

Специфика функционирования в ПП вставных слов и конструкций проявляется не только в содержательных и коммуникативных (сообщение, вопрос, оценка) типах информации, но и в предпочтении способов оформления вставок – включения вставок в предложение.

Как известно, вставки «иногда резко выпадают из синтаксической структуры целого» [2, с. 124], вместе с тем специфическим свойством таких конструкций является все же их «коммуникативная несамостоятельность, обязательная прикрепленность их содержания к содержа-

нию конкретного предложения» [3, с. 311]. Степень их коммуникативной несамостоятельности во многом определяется способами выделения вставок в предложениях. Так, скобки являются «более сильным выключающим знаком» [2, с. 125], в отличие от тире, которое позволяет не ослаблять внимания читателя при переходе от основного блока информации к неосновному, заключенному в парентезе. Сравните:

Политика Озала в отношении кризиса в Заливе (недвусмысленная поддержка всех резолюций Совета Безопасности ООН, строгие экономические санкции против агрессора) позволила Турции спасти «западный профиль», а самому президенту существенно повысить престиж руководителя и государственного деятеля международного масштаба [1, с. 310].

Если какой-нибудь иорданец вдруг решится выбиться из колеи добропорядочности – скажем, примет участие в неразрешенной встрече запрещенной писательской ассоциации, – то скорее всего за этим последует не избиение в полицейском участке, а предупреждение по телефону о недопустимости такого поведения [1, с. 101].

В рассматриваемых ПП преобладает вставка, резко выключенная из содержания предложения: более 85 %. Иначе говоря, авторы-очеркисты отдают явное предпочтение «более сильному выключающему знаку» – скобкам, а значит, тем вставкам, которые менее отягощены коммуникативной нагрузкой. Рецепция содержания вставки, заключенной в скобки, в значительно большей мере регулируется читателем.

Не характерным для ПП является нанизывание вставок двух видов: *Правительство Озала – кстати, самое молодое в истории страны (средний возраст – 40 лет) – решительно проводило политику привлечения иностранного капитала* [1, с. 294].

В анализируемых очерках отмечены не только вставные слова и конструкции, включаемые в предложения (297, или 98,7 %), но и вставные предложения в текстах (4, или 1,3 %).

Анализ вставок в политических портретах позволяет установить закономерности функционирования вставок в выбранном жанре, выявить особенности парентезы как смысло- и структурообразующего компонента политического портрета, определить, насколько жанровая специфика ограничивает, сужает (или, наоборот, расширяет) свободу выбора способов оформления, позиционного варьирования и содержа-

тельного наполнения вставок, влияет на реализацию их функционального потенциала.

1. О них говорят: 20 политических портретов / Г. Каменский [и др.]. – М.: Политиздат, 1991.

2. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. – М.: Московская международная школа переводчиков, 1994.

3. Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. Стилистика / П. П. Шуба [и др.]; под ред. П. П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Плупресс, 1998.

4. Шишкова, Л. В. Синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / Л. В. Шишкова, Т. Ю. Смирнова. – М.: Академия, 2003.

М. А. Степанчиков (Москва)

БИСУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАТИКОЙ ПРЕВРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Взгляд ученых на явления действительности фокусируется через призму научной парадигмы. В настоящее время главенствующей парадигмой языкознания является антропоцентрическая, которая ставит на первый план изучение языка в совокупности с его носителем – человеком. Так, текст изучается не только как связь элементов языковой системы, но и как продукт производства языковой личности. Сегодня ученых интересует не только языковая личность видных деятелей культуры, искусства, науки, но и авторов, проявляющих свои творческие способности в особом пространстве – медиадискурсе, ведь такие тексты «выступают в качестве мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества» [1, с. 6]. Важная роль при изучении текстов СМИ отводится исследованию мыслительной деятельности журналиста, которая находит свое отражение в составе бисубстантивных предложений [2].

Под бисубстантивными предложениями (БП) понимается самостоятельный тип неглагольного двусоставного предложения, предикативное ядро которого представлено двумя именами существительными (или их эквивалентами) при участии связки. Бисубстантивные предложения активно функционируют в современном русском языке, что

привлекало и привлекает внимание многих лингвистов. Так, бисубстантивным предложениям уделяли внимание еще А. А. Шахматов [3] и А. М. Пешковский [4]. Но, несмотря на активный интерес ученых к неглагольным типам предложения, термин «бисубстантивное предложение» впервые был введен Н. А. Герасименко [5].

Цель данной статьи – проанализировать бисубстантивные предложения с семантикой превращения, которые функционируют на страницах современных газет («Ведомости», «Известия», «Комсомольская правда» («КП»)), «Московский комсомолец» («МК»)), а также проиллюстрировать разновидности семантики превращения, реализуемой в бисубстантивных предложениях.

Значение превращения в современной лингвистике принято считать разновидностью семантики глагольного предложения, так как оно передается глаголом *превратиться*. Однако языковой материал показывает, что отдельная группа бисубстантивных предложений обладает всеми средствами для обозначения превращения. В таких конструкциях глаголы превращения выступают не как предикат, а как часть предиката: *Скандалы, связанные с деятельностью бывшего когда-то министром финансов Московской области Алексея Кузнецова, давно уже превратились в бесконечный криминальный сериал* («МК», 21.12.2012); *Культовый роман «Лед» в постановке польского Национального театра обернулся сеансом психотерапии* («Известия», 06.03.2014); *Ведь, привыкнув к сервису, клиент становится его постоянным пользователем* («Ведомости», 18.02.2016). Из приведенных примеров видно, что обязательной частью предиката становится имя существительное, называющее объект действительности, в который превращается предмет, выступающий в функции субъекта высказывания. В глагольном предложении превращение происходит не с субъектом ситуации, а с другим актантом – объектным, ср.: *Хотя был вариант залить туда какое-нибудь химическое вещество, которое превратит воду в лед* («КП», 10.09.2013); *Четыре жидкости превратились в лед* («КП», 04.02.2013).

Семантика превращения в бисубстантивных предложениях, встречающихся на страницах газет, неоднородна. Вслед за Н. А. Герасименко различаем несколько разновидностей семантики превращения: собственно превращение; превращение, представленное как изменение; превращение, представленное как перенос фокуса внимания; оценка, представленная как превращение.

1. Семантика собственно превращения в бисубстантивных предложениях на страницах газет встречается реже, чем другие разновидности. Это связано с тем, что такое значение отражает магическое или реально произошедшее превращение конкретного предмета.

Магическое превращение – это специфический вид семантики превращения и встречается только в соответствующих текстах (сказки, фантастические произведения и др.), которые не характерны для СМИ. Однако такие предложения могут встречаться в качестве иллюстрации или сравнения: *Известна древняя легенда о юноше, который так увлеченно любовался своим отражением в воде, что превратился в цветок нарцисс* («КП», 24.05.2012).

Бисубстантивные предложения со значением реально произошедшего превращения встречаются в газетах, как правило, в аналитических жанрах, цель которых не просто сообщить информацию, а проанализировать, исследовать, истолковать происходящие события, процессы, ситуации. Так, авторы аналитических статей, связанных с научными открытиями, достижениями, могут использовать бисубстантивные предложения с данной семантикой: *Солнце превратится в малого белого карлика* («МК», 21.12.2012); *Когда оно в конце концов превратится в красного гиганта, его расширившиеся внешние слои смогут достигнуть земной орбиты* («МК», 21.12.2012). В выражении значения реально произошедшего превращения принимают участие соответствующие лексико-грамматические группы существительных: физические объекты, химические вещества: *От взрыва БМП разворотило, а все бетонные постройки на холме превратились в развалины* («Известия», 10.04.2014); *При взрыве снаряда 80 процентов превращается в пыль, и ветер разносит оксид урана на сорок километров* («КП», 10.06.2014); *Он, в свою очередь, при помощи фруктозы переводится в уксусную кислоту, сжигаемую во время нормального процесса метаболизма, и трансформируется в диоксид углерода, выдыхаемый человеком* («КП», 30.12.2013).

2. Превращение как изменение – представляет собой такой тип превращения, когда объект действительности не становится другим объектом, но теряет или приобретает какие-то не присущие ему свойства: *Из жесткой бизнеследи она превратилась в святую* («КП», 11.07.2014); *Женский крик периодически переходил в жуткий визг* («КП», 14.04.2013). В приведенных примерах она (бизнеследи) и крик не утрачивают свою сущность, а претерпевают изменение, приобре-

тают новые качества, которые позволили охарактеризовать их как *святая и визг*. В основе такого превращения лежит метафора, продуктивный прием в текстах СМИ, поэтому подобные конструкции часто встречаются в информационных и аналитических жанрах газет.

3. Превращение как перенос фокуса внимания – разновидность превращения, близкая предыдущей: сущность объекта не изменяется, но фокус внимания (Е. В. Падучева [6]) переносится на признаки, которые говорящий актуализирует, выносит в позицию информативного центра высказывания: *Музей превратился в настоящий дворец Джеймса Бонда* («Известия», 15.06.2014). Высказывание приобретает метафорический смысл, если фокус внимания переносится на результат ситуации, названной именем существительным в функции субъекта, а не на какие-либо признаки этой ситуации: *Роман «Жизнь и судьба» стал его реквиемом по матери* («КП», 11.10.2012).

Бисубстантивные предложения со значением превращения как переноса фокуса внимания продуктивны на страницах аналитических жанров, таких как аналитическая статья, рецензия и обзор. Это связано с тем, что автору данных текстов важно показать событие, ситуацию со всех сторон, фокусируя внимание на их отдельных свойствах, признаках.

4. Оценочное значение, являющееся неотъемлемым компонентом семантики БП, может быть представлено и как превращение. В таком случае предложение будет иметь значение оценки в качестве основного: *Стоило детям покинуть отчий дом, как животноводческая жизнь для жены превратилась в бесконечную рутину* («Известия», 23.06.2014); *Прокурор превращается в свинью и в черта* («КП», 12.09.2015); *СССР после войны стал сверхдержавой* («КП», 16.07.2015). Именная часть связочно-субстантивного сказуемого в данных примерах представлена именами существительными, имеющими яркую оценочную семантику (*рутина, свинья, черт, сверхдержава*), что позволяет различать разновидности БП со значением изменения или переноса фокуса внимания и БП со значением оценки. Как и предыдущие разновидности семантики превращения, такие предложения продуктивны в аналитических жанрах СМИ, в первую очередь в аналитических статьях, в которых журналист анализирует явления, сопоставляет факты и делает теоретические обобщения.

Таким образом, бисубстантивные предложения с семантикой превращения продуктивны на страницах современной прессы. Обладая

особой структурой, такие конструкции способны выражать значение превращения в его четырех разновидностях: собственно превращение; превращение, представленное как изменение; превращение, представленное как перенос фокуса внимания; оценка, представленная как превращение. Границы между названными разновидностями семантики превращения проницаемы, наблюдается взаимосвязь и взаимовлияние значений. Как правило, подобные конструкции встречаются в аналитических жанрах СМИ, ведь одной из наиболее примечательных черт таких жанров традиционно является нацеленность не столько на сообщение новостей, сколько на «анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов, ситуаций» [7].

Во всех приведенных примерах видно, что для выражения семантики превращения в БП важную роль играют связки. Наиболее продуктивные среди них следующие: *превращаться, превратиться, стать, становится*. Реже в текстах СМИ используются связки *обернуться, трансформироваться, переводиться, переходить*. Бисубстантивные предложения со значением превращения занимают периферийное положение в системе именных предложений, они находятся на границе между глагольными и неглагольными предложениями, объединяя в себе свойства тех и других.

1. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011.

2. Герасименко, Н. А. Жанр и синтаксис: к проблеме использования бисубстантивных предложений в газетном тексте / Н. А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2014. – № 6. – С. 45–49.

3. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

4. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 2001.

5. Герасименко, Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография / Н. А. Герасименко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15>

6. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

7. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тertyчный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm>

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ж. Э. Бычковская, В. Л. Леонович (Минск)

ОБ УСТНОМ ЭКЗАМЕНЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Контроль знаний, умений и навыков – один из важнейших элементов учебного процесса, позволяющий определить уровень усвоения обучаемыми программного материала.

В результате различных видов контроля (предварительного, текущего, тематического, итогового, итоговой аттестации), проводимого в устной или в письменной форме с применением или без применения компьютерных технологий, устанавливается соответствие/несоответствие уровня владения студентами языковыми и речевыми знаниями и умениями, предусмотренными программой и стандартом. Задачи контроля определяются характером обучения данному предмету и его содержанием, а вид контроля – его целесообразностью. Контроль должен быть целенаправленным, всесторонним, системным и объективным.

В практике работы высшей школы утвердились разные формы, методы и приемы проверки результатов учебной деятельности студентов. Традиционно используются следующие измерители качества обученности: опрос; анализ языкового материала; доклад на лингвистическую тему; зачет; экзамен и т. д.

Устный экзамен, реализующий информационно-констатирующий подход к организации процесса контроля как способа получения информации о результатах обучения студентов, выявления достигнутого ими уровня знаний, умений и навыков и соотношения между реальным и запланированным уровнем усвоения учебной программы, направлен на фиксирование итоговых результатов обученности путем оценивания студентов за определенный период и выставления соответствующей конкретной отметки.

На экзамене студенты должны показать:

1) теоретические знания основ различных разделов языкознания (фонетики, лексикологии, словообразования, морфологии, синтаксиса и др.) в объеме программы;

- 2) практические умения и навыки анализа языкового материала;
- 3) умение соблюдать нормы русского литературного языка в устной речи, а также навыки связной речи.

Рассмотрим эти показатели более подробно.

1. На экзамен, как правило, выносятся узловые вопросы того или иного раздела либо разделов русского языка, предусматривающие характеристику основных явлений, относящихся к разным сторонам языковой системы, раскрытие присущих им свойств, а также тенденций развития.

Экзаменационные билеты включают вопросы, позволяющие контролировать усвоение нужных знаний в первую очередь понятийного и фактологического характера. Раскрывая теоретические вопросы билета, студент должен не только правильно, точно, полно воспроизводить теорию, показывать знание отдельных положений, но и демонстрировать свободное владение своими знаниями, а именно умение осмысленно пользоваться языковедческой терминологией; отбирать и систематизировать материал в соответствии с указанной темой; объяснять, сопоставлять факты языка, определять их место в языковой системе, устанавливать между ними связи, находить в них сходство и различие, осуществлять их классификацию по тем или иным признакам.

Для характеристики ответа показательна и его структура. В идеальном устном ответе есть теоретическое положение (правило, определение и т. д.) и доказательная часть, включающая примеры и их объяснение.

Отметка за устный ответ, таким образом, должна отражать оценку качества воспроизведения теории, а также качества его доказательной части.

Умение привести корректный и уместный пример, соответствующий содержанию того теоретического положения, которое выдвигается, и помогающий его раскрыть, убедительно, аргументированно, достаточно полно объяснить его суть, является демонстрацией самостоятельности в суждениях студента, критерием действенного, сознательного усвоения воспроизводимого материала. Такое умение должно рассматриваться как важнейшая составляющая оценки содержания устного ответа.

Оценивая ответ студента, преподаватель также должен учитывать различную степень «трудности» излагаемого материала: он может

предполагать либо только воспроизведение отдельных теоретических положений, либо самостоятельный поиск, предусматривающий анализ, сопоставление языковых явлений, обобщение. В этом случае следует оценивать элементы ответа дифференцированно. А для проверки глубины усвоения изученного можно использовать дополнительные вопросы, содержание которых составляет раскрытие научных понятий и языковых закономерностей. Такие вопросы не только апеллируют к памяти студента и позволяют проверить, как он понял и насколько хорошо запомнил сообщенную ему в лекционном курсе информацию, но и стимулируют мыслительные процессы.

2. Вопросы экзаменационных билетов по русскому языку ориентированы на проверку знаний в единстве с умениями и навыками. Понимание теоретического материала студентами проверяется их умением применять знания в практике анализа языкового материала. Поэтому в билеты для устного экзамена, как правило, включаются не только теоретические вопросы, но и задания практического характера. Они предусматривают, например, частичный или, наоборот, полный анализ данного языкового материала с точки зрения фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса и т. д. (перед студентом ставится задача транскрибировать текст, разобрать слово по составу, определить способ его образования, выполнить морфологический разбор слова, построить схему предложения и т. д.).

Языковой материал для практических заданий может состоять из отдельных слов, словосочетаний, предложений, а также из связных текстов. При его подборе следует ориентироваться в первую очередь на требования вузовской программы.

3. Экзамен – традиционно устная форма проверки знаний. Ответ студента – это монологическое высказывание на лингвистическую тему. В его основе – усвоенная студентами научная информация. Экзамен позволяет выявить, насколько сформировано у них это умение (соответствует ли содержание высказывания теме, достаточно ли полно тема раскрыта, достоверно и правильно ли высказывание, композиционно ли оно стройно и законченно, последовательно и логично ли изложен в нем материал); насколько студент овладел языком науки, научным стилем изложения материала. Важен и уровень речевого оформления ответа (точность, богатство, правильность, разнообразие, выразительность речи).

Связная речь служит внешним показателем развития умственных способностей студента, т. е. интеллекта, и его важнейших компонентов – мышления, сознания, памяти.

Проверка знаний студентов проводится в вузе в первую очередь для того, чтобы оценить успешность овладения предметом.

Как показывает опыт работы, уровень усвоения теоретических сведений, сформированности учебно-языковых и коммуникативно-речевых умений и навыков, который демонстрируют современные филологи на экзаменах, у многих из них, к сожалению, довольно низкий.

Назовем наиболее распространенные недочеты их устных ответов:

- поверхностность, неполнота ответа (объяснение ограничивается обозначением, называнием понятия; раскрываются не все части выдвинутого положения, не все признаки определяемого понятия);

- многословность (перегруженность объяснения материалом, не имеющим отношения к выдвинутому положению);

- замена обобщенной формулировки примерами (вместо теоретического положения студент приводит пример);

- отсутствие примеров, иллюстрирующих теоретические положения;

- отсутствие связности при построении высказывания (студент предпочитает отвечать на вопросы, предлагаемые преподавателем по ходу экзамена);

- нарушение стиля, соответствующего предмету высказывания;

- нарушение основных норм речи.

Такое положение дел можно объяснить несколькими причинами, и прежде всего общим низким уровнем языковой и речевой культуры студента; слабой, недостаточной степенью развития логического мышления. Среди других причин – отсутствие времени для обобщающего повторения и недостаточность времени для непосредственной подготовки к экзамену. Кроме того, следует учитывать и то, что экзамен в определенной степени отражает всю ту работу, которую вел преподаватель на протяжении всего периода обучения, а именно: использовал ли он в полном объеме развивающий потенциал языкового материала для работы над логическим мышлением и речью студентов, вниманием, памятью, эмоциональной сферой; была ли такая работа систематичной и целенаправленной.

Идеальный устный ответ – это результат «совместного труда» и преподавателя, и студента. Оценивая этот труд, преподаватель должен быть внимателен, корректен и объективен. Следует использовать дифференцированный подход к каждому студенту и его ответу и стремиться к тому, чтобы итоговый балл был достаточно мотивирован. Студент вправе знать критерии оценки и при необходимости получать аргументированный комментарий качества своего ответа.

Ж. Э. Бычковская, В. Л. Леонович, О. А. Облова (Минск)

ТЕСТОВЫЙ КОНТРОЛЬ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ЗАОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ

Тестирование – одна из самых распространенных современных форм контроля языковой и речевой подготовки по русскому языку.

Представляя собой фиксированный набор стандартизированных заданий, тест позволяет установить посредством специальной шкалы результатов уровень усвоения обучаемыми теоретического материала по предмету и сформированности определенных учебно-языковых умений и навыков.

Опыт проведения экзаменов на заочном отделении филологического факультета БГУ в виде тестирования и анализ их результатов подтверждают преимущество такой системы оценки учебных достижений студентов перед испытаниями, проводимыми в традиционной форме, в частности перед устным экзаменом.

Этот метод позволяет измерять и интерпретировать результаты обучения с большой долей объективности, которая достигается в первую очередь путем стандартизации процедуры проведения и проверки теста, обеспечивающей единые требования к оценке знаний студентов и исключаяющей влияние проверяющего на ее характер. Объективность обеспечивается также тождественностью тестовых материалов, единой последовательностью проверочных заданий, их одинаковой «трудностью» для всех студентов независимо от уровня их подготовленности. К числу достоинств тестовых технологий можно отнести также оперативность, рациональность, результативность аттестации.

Основной целью разработанных нами тестов является установление факта владения или не владения студентами языковым материа-

лом и соответственно выставление объективной экзаменационной оценки.

Для итоговой проверки знаний студентов нами применяется набор тестовых заданий разных типов, которые охватывают основные вопросы соответствующего курса, а именно задания закрытой формы, задания открытой формы, задания на установление соответствия, задания на установление правильной последовательности. Выбор формы задания определяется назначением и характером теоретических сведений, их участием в формировании умений и навыков.

Приведем примеры заданий в тестовой форме, в основе разработки которых лежит тематический принцип.

1. Раздел «Фонетика».

Артикуляционные особенности: язык сильно продвинут вперед, кончик языка касается нижних зубов, средняя и передняя части спинки языка высоко подняты к твердому небу, губы не вытянуты вперед, головные связки колеблются – соответствуют звуку:

1) [ы], 2) [у], 3) [и], 4) [а], 5) [э].

2. Раздел «Лексикология».

Укажите, в каких случаях значение слов определено верно.

1. Викинг – древнескандинавский воин.

2. Дактиль – трехсложная стихотворная стопа с ударением на последнем слоге.

3. Этнография – наука, изучающая материальную и духовную культуру народов.

4. Композиция – построение произведения, расположение его составных частей, порядок изложения событий.

5. Менталитет – словарный запас нации.

3. Раздел «Фразеология».

Учитывая значение устойчивых сочетаний, найдите «лишний» фразеологизм.

1. Во все лопатки.

2. Во весь дух.

3. Во что бы то ни стало.

4. На всех парусах.

5. Сломя голову.

4. Раздел «Морфемика».

Определите, в каких рядах все слова имеют одинаковое строение.

1. Осадочный, изготовленный, удаление.
  2. Болезненный, любительский, случайность.
  3. Жалобщик, бритвенный, сквозняк.
  4. Разлив, перестроечный, дыхательный.
  5. По-черепашьи, набок, сразу.
5. Раздел «Словообразование».

Установите соответствие между производными словами и типом реализуемого в них словообразовательного значения.

А. Шалунья.	1. Модификационное.
Б. Воспитатель.	2. Мутационное.
В. Заплыв.	3. Транспозиционное.
Г. Бодрость.	

6. Раздел «Морфология».

Определите правильные варианты продолжения высказывания.

Слова категории состояния...

- 1) относятся к служебным частям речи;
- 2) по происхождению восходят к наречию, прилагательному, местоимению;
- 3) употребляются в функции единого главного члена безличного предложения;
- 4) имеют аналитические формы времени и наклонения;
- 5) являются абсолютно неизменяемыми.

7. Раздел «Синтаксис».

Укажите, в каких примерах вид придаточной части в сложноподчиненном предложении установлен правильно.

1. [...глагол.], (*как...*). Придаточная сравнительная.
2. (*Как ни ...*), [...]. Придаточная уступки.
3. [...сущ., (*где...*), ...]. Придаточная определительная.
4. [...], (*перед тем как...*). Придаточная времени.
5. [...], (*так что...*). Придаточная образа действия.

Выполнение тестовых заданий требует от экзаменуемых не только знаний, но и определенных мыслительных, исследовательских умений, а также в какой-то степени и интуиции. Тесты способны стиму-

лировывать активность познавательной деятельности студентов и служить эффективным средством повышения их учебной мотивации.

Тестирование как форма проверки знаний, на наш взгляд, способствует выработке реальной системы оценки знаний студентов и реализации главной задачи образовательного процесса – обеспечения высокого качества подготовки будущих специалистов-филологов.

Е. Е. Долбик (Минск)

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАДАНИЙ ИГРЫ-КОНКУРСА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ «ЖУРАВЛИК»

В Республике Беларусь в рамках государственной программы по работе с одаренными учащимися под эгидой Министерства образования проводится целый ряд мероприятий по выявлению филологически одаренных учащихся и развитию их способностей: олимпиады по учебным предметам, научно-практические конференции, конкурсы исследовательских работ и под.

Активную позицию в этом вопросе занимает и общественное объединение «Белорусская ассоциация "Конкурс"», которое ежегодно, начиная с 2006 года, организует конкурсы по различным учебным предметам. Конкурс по русскому языку и литературе получил название «Журавлик».

В основу конкурса положены правила популярного международного математического конкурса «Кенгуру». Эти мероприятия имеют свою специфику. Во-первых, участником конкурса может быть любой желающий – учащийся 3–11 классов (отдельно по возрастным группам). В отличие от олимпиад, конкурс не предполагает предварительного отбора, нескольких этапов и последующего отсева участников. Во-вторых, конкурс проводится непосредственно в тех учреждениях образования (школах, гимназиях, лицеях), где обучаются участники. В-третьих, в конкурсе нет проигравших: независимо от результата, каждый участник получает от организаторов поощрительный приз. В-четвертых, необходимо отметить массовость конкурса. Так, в 2015 году в конкурсе «Журавлик» приняли участие 111255 человек из всех регионов республики. В-пятых, организаторами конкурс позиционируется как разновидность игровой деятельности, поэтому основной задачей конкурса является не выявление победителей (хотя итоги, ра-

зумеется, подводятся и 20 % участников, показавших лучшие результаты, получают дополнительные призы), а развитие и поддержка интереса школьников к изучению русского языка и литературы. (Подробнее с условиями проведения игры-конкурса можно ознакомиться на сайте оргкомитета в Интернете: <http://www/bakonkurs.by>).

Все вышесказанное обуславливает особые требования к составлению заданий для игры-конкурса. Задания должны отличаться по степени сложности (с учетом различной филологической подготовки участников), носить оригинальный, занимательный характер, иметь развивающую, обучающую и познавательную ценность, побуждать к поиску самостоятельного ответа на вопрос, последующему обращению к филологической литературе, справочникам, словарям, энциклопедиям. Вместе с тем жестко определена форма заданий – задания тестового характера.

Попытаемся продемонстрировать дидактические возможности заданий, которые предлагались участникам игры-конкурса в 2006–2015 гг.

Формулировка задания может актуализировать и обобщать знания учащихся по тому или иному разделу русского языка.

Существует два способа определения спряжения глагола: по инфинитиву и по личным окончаниям. У каких глаголов спряжение определяется по инфинитиву?

1) Кричать, 2) гореть, 3) бороться, 4) гадать, 5) краснеть.

Известно, что двойной подчинительный союз состоит из двух компонентов, которые располагаются в разных частях сложноподчиненного предложения. В каких предложениях есть такой союз?

1) Что было, то прошло. 2) Как аукнется, так и откликнется. 3) Чем дальше в лес, тем больше дров. 4) Когда в хвосте начало, то в голове мочало. 5) Чем богаты, тем и рады.

В задании могут вводиться новые для учащихся термины, сопровождающиеся расшифровкой, пояснением, комментарием:

К каким географическим названиям правильно подобраны перифразы – образные синонимы?

1) Австралия – Зеленый континент, 2) Америка – Новый Свет, 3) Санкт-Петербург – Третий Рим, 4) Корея – Страна утренней свежести, 5) Киев – мать городов русских.

Познавательный характер заданий может реализовываться путем ввода интересной (не только в филологическом плане, но и в плане

общей эрудиции) для учащихся информации в преамбуле к заданию. Например:

Город каналов – это Венеция, город ангелов – Лос-Анджелес, город дождей – Лондон, город ветров – Чикаго, а вечный город – это...

1) Париж, 2) Рим, 3) Вашингтон, 4) Вена, 5) Стокгольм.

Ознакомься с высказыванием Гете, в котором заключена мудрая мысль: «Оригинальнейшие писатели новейшего времени оригинальны не потому, что что они преподносят нам что-то новое, а потому, что умеют говорить о вещах так, как будто это никогда не было сказано ранее». К какому виду сложных предложений можно отнести это высказывание?

1) СПП с однородным подчинением, 2) СПП с параллельным подчинением, 3) СПП с последовательным подчинением, 4) СПП с однородным и последовательным подчинением, 5) СПП с параллельным и последовательным подчинением.

Подобным образом может быть совершаться экскурс в историю слова, его этимологию, могут сообщаться сведения о происхождении той или иной лексемы, интересные факты из истории русской графики, пунктуации:

*В современном языке слово **щепка** означает тонкую мелкую пластинку, отколотую от дерева. В древности это значение имели слова **щепя**, **чепя**. Какие из приведенных слов современного языка этимологически родственны этим древнерусским словам?*

1) Расщеплять, 2) отщепить, 3) чепуха, 4) отщепенец, 5) щепильный.

*Знаменитый путешественник Марко Поло, посетивший в XIII веке Китай, чтобы передать свое восхищение его несметными богатствами, придумал слово **миллион**, которому в русском языке соответствует: 1) миллионице, 2) множице, 3) тысячица, 4) тьмуца, 5) сотница.*

О какой букве русского алфавита идет речь?

*По начертанию восходит к букве кириллицы «ерь», которая числового значения не имела. В памятниках до середины XII века означала фонему, представленную редуцированным гласным звуком, к XIII веку перешедшим в гласный **е** или исчезнувшим. Это один из знаков славянской азбуки, не имевших прототипа в греческом письме.*

1) й, 2) ъ, 3) ы, 4) ь, 5) э.

Обращение к первоисточникам (данным словарей, отрывкам из научных и научно-популярных статей), ознакомление с трудами и идеями известных русских ученых-филологов не только расширяет и углубляет лингвистические знания учащихся, но и ставит своей целью приобщение к нормам научного изложения, выработку умений подавать информацию в жанрах научного стиля, научно-популярного и учебного подстилей:

*В. И. Даль – автор «Толкового словаря живого великорусского языка» – считал, что почти всегда можно найти русское слово, равнозначное иноязычному. Какое иноязычное слово Даль предлагает заменять словом **ловкосил**?*

1) Атлет, 2) гимнаст, 3) спринтер, 4) стайер, 5) голкипер.

По мнению Л. Успенского, «суффиксы обладают способностью, так сказать, нанизываться или, вернее сказать, прислоняться друг к другу, образуя довольно длинные цепочки, или комки, внутри слов». В каком слове цепочка суффиксов самая длинная?

1) По-формалистски, 2) озлобленно, 3) вредительствовать, 4) ориентировочный, 5) примечательность.

Из какого словаря взята представленная ниже статья?

Нарцисс, -ы, м. Травянистое многолетнее луковичное растение. Известно в русском языке с 1-й половины 18 века. Восходит к греческому: имя сына бога Кефиса и нимфы Лириопы, отвергшего любовь Эхо и за это превращенного в цветок. В русском языке из голландского или немецкого.

1) Из толкового словаря, 2) из словаря ботанических терминов, 3) из словаря иностранных слов, 4) из историко-этимологического словаря, 5) из фразеологического словаря.

Известный русский языковед А. А. Реформатский писал: «Насколько ноль плох в жизни, настолько он важен в мысли. Без нуля мыслить нельзя. В лингвистике нули – необходимый инвентарь системных отношений». В каких выделенных словах есть нулевые окончания?

1) Воздух **свеж**, 2) цвет **беж**, 3) **распахнуть настезь**, 4) **хоть режь**, между наделами нет **меж**.

Наблюдение над функционированием устойчивых оборотов в языке художественных произведений способствует обогащению фразеоло-

логического запаса учащихся, формированию таких качеств речи, как образность и выразительность.

Он на большую ногу жил, затем что руки были длинны (Ф. М. Достоевский). Впоследствии данный фразеологизм заменили на... 1) одна нога здесь, другая там; 2) земля горит под ногами, 3) сбиться с ног; 4) жить на широкую ногу; 5) на дружеской ноге.

Вперяю взор, бессильно жадный: / Везде кругом сырая мгла. / Как путем нить Ариадны меня до бездны довела? (В. Брюсов)

Синонимом к фразеологизму является... 1) проходит красной нитью; 2) на живую нитку; 3) путеводная нить; 4) висеть на ниточке; 5) промокнуть до нитки.

Выявление соответствий или несоответствий между устойчивыми выражениями в разных языках – один из эффективных приемов формирования лингвокультурологической и социокультурной компетенций учащихся (этим направлениям в процессе развития языковой и речевой личности уделяется особое внимание в концепции обучения русскому языку в Республике Беларусь, стандартах и учебных программах).

Определите, какие пары сходных по смыслу русских и белорусских пословиц подобраны правильно.

1) Праца і горы раўнуе. – Терпенье и труд все перетрут. 2) Печанья галубы не ляцяць да губы. – Без труда не выловишь и рыбку из пруда. 3) Гэты пра воз, а той пра коз. – Что на уме, то и на языке. 4) І нож іржавее, калі ім не рэзаць. – Жернова мхом не обрастают.

Немецкому фразеологизму Собаку за жареными колбасами посылать в русском языке соответствует фразеологизм 1) собаку на чем-нибудь съесть, 2) запахло жареным, 3) ездить в Тулу со своим самоваром, 4) пустить козла в огород, 5) только за смертью посылать (кого-либо).

Какая русская пословица соответствует восточной пословице Своих ресниц глаз не видит?

1) Яблоко от яблони недалеко падает; 2) Каждый кулик свое болото хвалит; 3) Чужая сторона – мачеха; 4) Не та собака кусает, которая лает; 5) В чужом глазу сучок видит, а в своем и бревна не замечает.

Таким образом, задания игры-конкурса, как правило, носят интегрированный характер, обращены не только к лингвистической, филологической эрудиции участников, но и к их общей культуре, гуманитарным познаниям, направлены на формирование лингвистической, коммуникативно-речевой, социокультурной и лингвокультурологической компетенций. Занимательность заданий призвана реализовать идею «учения с увлечением», сделать процесс обучения привлекательным для школьников.

1. Игра-конкурс по русскому языку и литературе «Журавлик»: задания и ответы. 2006–2015 гг. 3–8 классы / Е. Г. Бальнина [и др.]; под общ. ред. О. Я. Орловской. – Минск: Белорус. ассоц. «Конкурс», 2016.

2. Игра-конкурс по русскому языку и литературе «Журавлик»: задания и ответы. 2006–2015 гг. 7–11 классы / Е. Г. Бальнина [и др.]; под общ. ред. О. Я. Орловской. – Минск: Белорус. ассоц. «Конкурс», 2016.

О. Е. Елисеева, С. С. Маевский (Минск)

ИНСТРУМЕНТАРИЙ РАЗРАБОТКИ БАЗЫ ЗНАНИЙ АДАПТИВНОГО ЭОР ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Одним из важнейших требований к любой технологии обучения является ее возможность удовлетворять одновременно и современным образовательным тенденциям, и потребностям и возможностям обучающихся. Ввиду данного обстоятельства все больше внимания уделяется внедрению технологий *адаптивного обучения*. Достаточно точное определение адаптивному обучению, на наш взгляд, предложил доктор педагогических наук, профессор Вадим Сергеевич Аванесов, охарактеризовав его «как технологическую педагогическую систему форм и методов, способствующую эффективному индивидуальному обучению». Данная система, по его мнению, «лучше других учитывает уровень и структуру начальной подготовленности, оперативно отслеживает результаты текущей подготовки, что позволяет рационально подбирать задания и упражнения для дальнейшего быстрого продвижения» [1].

С нашей точки зрения, особенно важным аспектом адаптивности представляется в вопросе обучения языкам. Как отмечают исследователи категории содержания обучения в преподавании языков, «на современном этапе развития методики обучения иностранным языкам

у ученых нет единой точки зрения на некоторые вопросы отбора содержания обучения, его компонентов, а также последовательности отбора» [2]. В то же время, как заметил, в частности, известный методист П. Хэгболдт, применение какого-то одного метода в обучении языку также не решает всех возникающих в образовательном процессе проблем [7]. Применение адаптивных электронных ресурсов, позволяющих сочетать различные методы и технологии обучения, по нашему мнению, может стать решением многих методических трудностей, в частности, дистанционного обучения языкам. Решая проблему выбора технологии для последующего ее применения в электронном образовательном ресурсе, мы остановили свой выбор на технологии **баз знаний (БЗ)** как современной, удобной, расширяемой и предполагающей возможности интеграции в адаптивные электронные образовательные ресурсы (ЭОР), разработанные на различных платформах.

Предварительным этапом разработки базы знаний является создание экспериментальных макетов. Одним из подходов в проектировании БЗ является использование в качестве основы баз данных и создание так называемых метаданных («данных о данных»). К числу классических моделей представления данных относят иерархическую, сетевую и реляционную модели. Каждая из указанных типов моделей имеет как достоинства, так и недостатки [4]. Поскольку элементы языковой системы находятся между собою в самых разных взаимосвязях, а продукт проектируется под разноплановые задачи, иерархическая и сетевая модели видятся недостаточными для описания всех взаимодействий, в то время как реляционная модель отвечает основным потребностям проекта.

Для первоначального проектирования графической нотации реляционной модели базы знаний нами был выбран инструмент Microsoft Visio. Данный редактор предоставляет обширные возможности по созданию графических моделей самых разнообразных проектов, включая ER-модели (модели «сущность-связь») баз данных. Преимуществом использования Microsoft Visio является его поставка в составе стандартного пакета Microsoft Office для семейства операционных систем Windows, поэтому в сравнении с известными мощными аналогами – например, программным продуктом ERwin [9], – исключает проблему с лицензией на использование. Однако многими важными возможностями (например, возможностью непосредственной разработки баз данных) Microsoft Visio не располагает [8], поэтому вероятно, что

при разработке базы знаний на высоком уровне понадобится более мощный инструмент.

Более прогрессивным для решения поставленных нами задач по сравнению с реляционным подходом моделирования, на наш взгляд, является объектно-ориентированный подход, позволяющий отображать информацию о гораздо более сложных взаимосвязях объектов. Однако подход ресурсоемкий, и вопрос о его использовании сейчас остается опциональным; возможно также применение данного подхода для разработки моделей лишь отдельных модулей БЗ.

Выбор Microsoft Access в качестве инструмента разработки также не является окончательным. Хотя работа базы знаний для адаптивного ЭОР по русскому языку не предполагает взаимодействия с непрерывающимися потоками новых данных, для ее разработки в законченном виде, возможно, имеет смысл применение отдельных технологий Big Data. Это диктуется несколькими факторами, по своей сути совпадающими с первыми двумя из основных признаков Big Data – Volume, Variety и Velocity [10]:

1) материал, которым будет наполнена база знаний, разноплановый, разноформатный и значительный по объему: это текстовые данные (отдельные слова, словосочетания, предложения, тексты), изображения (как небольшие иконки, так и масштабные иллюстрации и схемы), аудио, видео, анимации и т. д. Разумеется, общий объем данных не достигнет той отметки, какой достигают проекты, для реализации которых применение Big Data – необходимое условие. Однако, как отмечают специалисты в области IT, технологии Big Data призваны обрабатывать большие по сравнению со «стандартными» сценариями объемы данных [6]. Разработка базы знаний для адаптивного ЭОР, на наш взгляд, является такой задачей;

2) разрабатываемая база знаний не предполагается как «завершенная» во всех аспектах, т. е. она может быть расширяемой;

3) часть данных (например, иллюстрация какого-либо языкового правила) в базе будет четко структурирована, в то время как другая часть (например, лексико-тематические блоки слов) может не иметь однозначной, жесткой структуры.

Одной из современных технологий, обеспечивающих работу с Big Data, является технология PostgreSQL – свободная объектно-реляционная система управления базами данных (СУБД). Применение техноло-

гии PostgreSQL позволит реализовать на практике как реляционную, так и объектно-ориентированную модель данных.

Для первоначального сбора как лингвистического (примеры употребления лексем, оригинальные тексты), так и экстралингвистического (иллюстрации, аудиозаписи произношения и др.) материала предполагается применение технологии корпоративных сетей. Преимущества использования корпоративных сетей для организации распределенного сбора материала заключаются прежде всего в предоставлении ими социальных инструментов для совместной работы: инструментов для публикации контента и его организации, для обсуждения, для контроля и мониторинга [5]. Также осуществляется автономный сбор материалов различного типа: словарный материал, распределенный по уровню владения языком (с опорой на существующие глоссарии), примеры употреблений (как самостоятельная разработка, так и поиск с помощью популярных корпусных технологий), справочная информация (адаптированные и неадаптированные тексты грамматических и синтаксических правил, представленные в авторитетных справочниках), графический иллюстративный материал (осуществляется как самостоятельная разработка с помощью популярного графического редактора Adobe Photoshop, так и поиск изображений, распространенных по лицензии Creative Common), аудиоматериалы (записываются самостоятельно и обрабатываются с помощью возможностей аудио-редактора).

Для разработки электронных упражнений применяются возможности популярного продукта Hot Potatoes и приложений LearningApps. Кроме того, для этой цели, а также для разработки иных учебно-методических материалов (презентаций, электронных «мини-лекций», «иллюстрированных руководств» по использованию того или иного правила) в виде отдельных html-страниц планируется применение возможностей популярной библиотеки JQuery – в частности, реализованных в open-source технологии Shower.

Отдельно стоит вопрос об организации использования материалов базы знаний в адаптивном ЭОР. Выбранная нами технология PostgreSQL для работы над базой знаний на продвинутом этапе предусматривает возможность написания алгоритмов извлечения данных из базы на классических С-подобных языках (С, С++, Java). Однако, как отмечают Т. А. Гаврилова и В. Ф. Хорошевский [3], применение данного подхода уменьшает гибкость системы и потому наилучшим

образом проявит себя в системах, которые сохраняют все знания проблемной области, если эти знания не будут изменяться в ближайшем будущем. «Устойчивыми знаниями» в базе знаний по русскому языку являются теоретические, «справочные» сведения о языке (фонологическая система, грамматические правила, основные принципы словообразования, правила пунктуации и т. д.). Для работы с расширяемой частью базы знаний (словарная часть, сбор упражнений, аудио- и графические иллюстративные материалы) данный подход представляется менее удобным, чем использование более легких «скриптовых» языков – в частности, языка Python, применение которого также предусматривается технологией PostgreSQL.

Общая концепция разработки базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку может изменяться в процессе работы, а также в процессе изучения стандартов систем управления обучением (LMS). Общий же инструментарий разработки, вероятнее всего, не претерпит каких-либо изменений, кроме случаев необходимости замены инструмента более современным и/или более мощным аналогом.

1. Аванесов, В. С. Адаптивное обучение и адаптивный тестовый контроль [Электронный ресурс] / В. С. Аванесов // Сайт научно-методической поддержки слушателей курсов В. С. Аванесова. – Режим доступа: <http://testolog.narod.ru/Theory41.html>. – Дата доступа: 25.08.2016.

2. Волкова, Е. А. Категория «содержание обучения» в системе преподавания профессионально ориентированного иностранного языка и культуры / Е. А. Волкова // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 772–775.

3. Гаврилова, Т. А. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб: Питер, 2000.

4. Информатика: учеб. пособие. Ч. 2 / С. Ю. Кацко [и др.]. – Новосибирск: СГГА, 2010.

5. Корпоративные социальные сети [Электронный ресурс] / Интранет системы: Корпоративные порталы, Wiki, Социальное ПО. – Режим доступа: http://www.intranetno.ru/tags/korporativnye_social'ny_e_seti/. – Дата доступа: 24.08.2016.

6. Протасов, С. Что такое Big Data? [Электронный ресурс] / С. Протасов // Постнаука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/46974>. – Дата доступа: 21.08.2016.

7. Хэгболдт, П. Изучение иностранных языков. Некоторые размышления из опыта преподавания / П. Хэгболдт. – М., 1963.

8. Черняков, М. Моделирование баз данных в Visio 2010 [Электронный ресурс] / М. Черняков // oszone.net – компьютерный информационный пор-

тал. – Режим доступа: http://www.oszone.net/11675/Visio2010_DB_Modeling. – Дата доступа: 21.08.2016.

9. Data modeling | data modeling tool – ERwin [Electronic resource]. – Mode of access: <http://erwin.com/>. – Date of access: 21.08.2016.

10. Preimesberger, C. Hadoop, Yahoo, 'Big Data' Brighten BI Future [Electronic resource] / Chris Preimesberger // Technology News, Tech Product Reviews, Research and Enterprise Analysis – eWeek.com. – Mode of access: <http://www.eweek.com/c/a/Data-Storage/TBA-Hadoop-Yahoo-Big-Data-Brightens-BI-Future-254079>. – Date of access: 21.08.2016.

Т. В. Игнатович (Минск)

ОСНОВЫ РИТОРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (V–IX КЛАССЫ)

Риторическое развитие человека можно представить как постепенное накопление человеком культуры общения на основе анализа своего речевого поведения и саморегуляции. Это, а также выраженная потребность в общении с разнообразными людьми, богатое содержание, множественность целей и широкий выбор средств общения отличает психологически высокоразвитого человека от менее развитого.

Риторическая подготовка в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь предполагает освоение ключевых вопросов теории риторики, развитие коммуникативных умений; овладение видами деятельности, реализуемыми в разносторонних ситуациях устного и письменного общения; создание текстов различных речевых (монологических и диалогических) жанров.

В систематическом курсе русского языка в V–IX классах учреждений общего среднего образования Республики Беларусь заложены возможности формирования риторических знаний и умений. Этот этап обучения риторике обеспечивают два содержательных блока – «Общение» и «Речевые жанры». Основными понятиями для освоения в первом блоке являются: общение, его сущностные признаки; речевая ситуация, виды общения; речевой этикет; речевая деятельность и ее разновидности; типы речи и стили текстов; этапы предтекстовой деятельности; языковые нормы и коммуникативные качества речи [1, 2].

Содержание коммуникативно-речевого блока направлено на формирование языковой, речевой и коммуникативной компетенции, так как понятия данного блока осваиваются учащимися последовательно

в тесном единстве с содержанием второго блока обучения риторике «Речевые жанры». В речеведческое содержание первого блока включаются и виды деятельности – создание вторичных текстов (тезисов, конспектов, сообщений, докладов, рефератов), в основе которых лежат исходные тексты различного характера.

Содержание, структура и порядок изучения языковых и речевых тем в V–IX классах позволяют

1) **последовательно освоить информацию о речевых ситуациях и текстах, обслуживающих каждую из них**; о тексте, его содержании, строении и речевом оформлении; о текстовых признаках; о типах структурной и семантической связи предложений в тексте и средствах выражения этой связи; о текстообразующей роли каждой части речи;

2) дать инструментальные знания, используемые для реализации пропедевтического направления обучения (алгоритмы, правила, рекомендации);

3) **овладеть системой базовых терминов речевой культуры, отражающих ситуацию общения**: адресант, адресат, акт речи, говорить «на разных языках», диалог, коммуникативные качества речи, крылатое слово, культура речи, речевая ситуация, речевое общение, речевой этикет, речь, текст и др.; **терминов, позволяющих освоить определенные жанры речи**: акцент, афоризм, беседа, богатство речи, вежливость, вы-общение, выразительность речи, высказывание, замысел высказывания, ключевое понятие высказывания, задача высказывания, цель высказывания, речевой голос, дикция, доказывать, жанр речи (загадка, рассказ, сказка, учебное сообщение, поздравление, портретная характеристика человека, путевые записки, аннотация, отзыв, реферат), композиция, спор, тезис, тезисы, убеждение и др.; **терминов, описывающих стилистические ресурсы языка**: анафора (единоначатие), антитеза (противопоставление), асиндетон (бессоюзие), простой повтор, инверсия (нарушение обычного порядка слов), эпифора (единоокончание), аллегория (иносказание), антономасия (замена нарицательного имени собственным), гиперболола (преувеличение), ирония, литота (преуменьшение), метафора, метонимия, олицетворение, символ, сравнение, эпитет;

4) освоить **правила речевого поведения, предписывающие и нецелесообразные**, которые рекомендуют: не перебивать собеседника, не перешептываться, не поддакивать, приветствовать собеседника, проявлять почтительность, слушать ответ на заданный вами вопрос и

др. и не рекомендуют: возмущаться, грозить, грубить, ехидничать, капризничать, обещать то, что не можешь выполнить, обижать и др. [2].

Все содержательные компоненты обучения риторике в V–IX классах учреждений общего среднего образования Республики Беларусь [2] позволяют сформировать базовые речевые, коммуникативные и риторические умения – находить информацию, заданную в явном и неявном виде, формулировать простые выводы, интегрировать и интерпретировать информацию; анализировать и оценивать содержание текста, что дает возможность обеспечивать содержание собственных текстов при их создании; оценивать речевую ситуацию и ее компоненты; определять тему и основную мысль текста, а также выбирать тему для собственного выступления и формулировать его основную мысль; определять цель речевого воздействия чужой и собственной речи; квалифицировать тип речи текста, его стиль и жанр; создавать композицию текстов различных типов речи; формулировать тезис и подбирать для его обоснования аргументы; определять текстообразующую функцию разных частей речи и использовать эту информацию при создании собственных текстов; использовать возможности оттенков значений слов, сочетаний слов, синтаксических конструкций для синонимической замены в тексте с целью усиления выразительности речи или реализации авторского замысла; отбирать наиболее подходящие для текущей речевой ситуации лингвостилистические речевые средства, наилучшим образом реализующие цель речевого воздействия; формировать качества ораторского голоса, правильное речевое дыхание, интонационный рисунок речи, соблюдать нормы литературного произношения; формировать естественную манеру невербального поведения в момент произнесения речи; развивать умение оценивать успешность публичного выступления и совершенствования материалов в соответствии с обнаруженными недостатками.

В соответствии с принципами последовательности и перспективности обучения и формирования речевых и коммуникативных умений знакомство с необходимой информацией и выполнение упражнений и заданий осуществляется по пути усвоения необходимой информации в форме, понятной учащемуся, оформленной в виде текста, адекватного его восприятию (например, правило формулируется в виде рассуждения, схемы, алгоритма, таблицы, способ изложения выбирается учеником), постепенного усложнения информации, постоянного ее включения в коммуникативную деятельность учащегося, причем сами фор-

мы этой деятельности необходимо максимально приблизить к реальным.

Так, теоретические основы раздела «Текст» в учебных пособиях по русскому языку для V–IX классов – это система речеведческих понятий: текст, основные признаки текста (тематическое единство, последовательность, связность (виды связи: цепная, параллельная; средства связи предложений, частей в тексте: местоимения, лексический повтор, синонимы, союзы, одинаковый порядок одних и тех же членов предложения), развернутость (подтемы, ключевые предложения подтем), завершенность текста) [2]. Методические основы в разделе представлены дидактическим материалом (тексты для анализа, система упражнений, формирующая умения создавать тексты различных типов, стилей, жанров речи).

Обязательным условием формирования речеведческих знаний и умений является их прикладной характер, направленность на практическое применение. Содержание раздела базируется на современных знаниях в области риторики, речеведения, функциональной и практической стилистики, теории текста и культуры речи, что способствует повышению общей культуры обучаемых.

Цель изучения раздела «Текст» – формирование у учащихся речевой и коммуникативной компетенций. Задачи изучения раздела – овладение речеведческими знаниями и умениями; усвоение норм и правил построения текстов разных стилей, типов, жанров речи; формирование речевых и коммуникативных умений, связанных с анализом и оценкой вторичного и самостоятельно созданного текста; формирование взглядов, суждений, вкусов, правил поведения, имеющих нравственно-речевую, общекультурную ценность.

Последовательность работы над основными признаками текста во всех классах идентична: читаем определение признака текста → объясняем → наблюдаем → фиксируем → запоминаем → формируем умения: определять тему и основную мысль текста, озаглавливать текст (если есть необходимость), определять виды связи предложений, частей в тексте, выявлять лексико-грамматические средства связи, устанавливать тип и стиль текста, устанавливать композиционную схему и пересказывать текст по плану.

Работа по изучению признаков текста проводится в той последовательности, которая представлена в учебном пособии VI класса: 1) овладение признаком «тематическое единство»; 2) усвоение сведе-

ний о признаках «связность» и «последовательность» и о цепной и параллельной связи предложений и частей в тексте; 3) ознакомление с признаками «развернутость» и «завершенность»; 4) закрепление в процессе выполнения домашней работы сведений о признаках текста – составление учебного текста на тему «Основные признаки текста» на основе составленной предварительно схемы и публичное представление его одноклассникам [3].

В процессе подготовки собственного текста необходимо показать учащимся последовательность действий: выбор темы и основной мысли текста, стиля и типа речи, подбор подтем для раскрытия темы текста, составление плана, отбор сведений и языковых средств, необходимых для раскрытия темы.

1. Русский язык // Учебные программы по учебным предметам для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания. V класс. – Минск: НИО, 2015. – С. 29–42.

2. Русский язык. V–XI классы: учеб. программа для общеобразоват. учреждений с бел. и рус. яз. обучения. – Минск: НИО, 2012.

3. Русский язык. Учебник для 6 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языком обучения / Л. А. Мурина [и др.]. – 2-е изд. – Минск: НМУ «Национальный институт образования», 2015.

И. П. Кудреватых (Минск)

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЛИГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Язык является мощным средством межкультурной коммуникации, устанавливающим своеобразный диалог культур. М. М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с. 335]. «Человек живет в контексте культуры, – отмечает Н. Д. Арутюнова. – Она является для него «второй реальностью». Он создал ее, и она является для него объектом познания» [1, с. 3]. С этой точки зрения, фактом культуры становится богатейший фразеологический фонд языка, как сквозь призму отражающий не только реальные условия жизни человека, но и обще-

ственное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира [7], а потому именно фразеологизмы, как и метафоры, символы, стереотипы и пр., становятся своеобразным кодом культуры. Кроме того, знание фразеологических единиц, воспроизводимых в речи в готовом виде, обеспечивает большую адекватность как монокультурного, так и межкультурного общения.

Национальная культура неразрывно связана со спецификой конкретного языка, который играет важнейшую роль в плане интернационализации культур, глобализации межкультурной коммуникации, диалога культур. По словам Ю. М. Лотмана, другая культура – это память, закодированная реальным языком: «Язык – это код плюс его история» [6, с. 13]. Фразеология – душа национального языка, выступающая связующим звеном между языковыми знаками и семантикой знаков культуры. Поэтому методика преподавания русского языка как иностранного уделяет большое внимание практическому овладению фразеологическими единицами, в которых представлена лингвокультурная идиоматика, с одной стороны, и лингвострановедческая специфика изучаемого языка – с другой. Приобщая инофонов к языковой сокровищнице русского языка, в частности к фразеологии как культурному коду, мы способствуем воспитанию у них чувства языка и формированию определенных компетенций. Установить лингвокультурные коннотации идиоматических единиц, их ассоциативные признаки, использовать фразеологию для отработки и закрепления грамматических знаний и навыков иностранных учащихся – одна из задач методики преподавания РКИ.

Культурная идиоматика, лежащая в основе фразеологического кода, позволяет установить экстралингвистические предпосылки возникновения культурно-образной информации, которая, по словам В. Н. Телия, является «второй природой» для человека. Изучение культурной семантики фразеологизмов как фактов взаимодействия языка и культуры – это установление функционально-семантического, контекстуального, экспрессивного, эмоционально-оценочного и др. компонентов данных единиц языка. Поэтому все большее значение сегодня приобретают исследования фразеологического состава языка как необходимого условия приобщения инофонов к культурной сокровищнице народа. Богатейшая палитра значений фразеологических единиц и закономерности их употребления в процессе построения

связного высказывания способствуют углублению коммуникативных навыков иностранных учащихся, делают их речь живой, выразительной, эмоциональной, создают предпосылки для более высокой степени восприятия художественной литературы, публицистических текстов, а также разговорной речи.

Ярко выраженная национальная специфика фразеологизмов, как указывает В. Г. Гак, определяется объективными и субъективными факторами: 1) природными культурными реальностями конкретного народа и 2) произвольной избирательностью слов, отражающих одинаковые реалии, но по-разному представленных во фразеологии разных языков [4, с. 260], что может отразиться на межкультурной коммуникации, в частности спровоцировать коммуникативные неудачи. В связи с возросшим интересом к изучению иностранных языков, связанных с процессами глобализации и расширением межкультурных отношений широкое распространение получило понятие аккультурации инофона, т. е., как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [3, с. 11].

Лингвокультурные коды фразеологии как способ познания мира и языка основаны на культурных коннотациях, заключенных во внутренней форме образных единиц, определить которые сегодня не всегда представляется возможным. Однако при изучении языка очень важно установить его связь с историей и культурой страны с целью выработки у обучающихся определенных компетенций, позволяющих инофонам строить связные высказывания в соответствии с коммуникативными целями и ситуациями общения. Л. П. Клобукова выделяет несколько видов компетенций [5], из которых, на наш взгляд, в практике преподавания иностранного языка наиболее актуальными являются следующие:

1. **Языковая компетенция**, т. е. способность воспринимать и продуцировать правильные в языковом отношении предложения. Примерные задания:

1) распределите фразеологические единицы по тематическим группам – эмоции человека, свойства и качества человека, характеристика явлений и ситуаций: *как с гуся вода, под горячую руку, носить на руках* и т. д. Установите с помощью словаря ассоциации образного значения; указанные слова употребите в составе фразеологизмов;

2) замените выделенные в предложении слова соответствующими фразеологизмами из приведенных ниже, например: *Извините за мою резкость, просто вы **пришли не вовремя** (попасть под горячую руку);*

3) установите прямое значение слова и переносное его употребление в составе фразеологизма, например: *прилетел воробей – ты стреляный воробей*; установите его коннотации;

4) сгруппируйте фразеологизмы по признаку изменяемости/неизменяемости: *пропускать мимо ушей* (ФЕ имеет полную морфологическую парадигму), *вертеться на языке* (имеет неполную морфологическую парадигму: употребляется только в форме 3-го лица ед. ч.), *белая ворона* (употребляется только в форме ед. ч.) и т. д.;

5) среди указанных установите фразеологизмы, используемые для характеристики общественной деятельности людей или их творческих способностей: *играть первую скрипку, заблудиться в трех соснах, пальма первенства, несóлоно хлебавши* и мн. др.

II. Дискурсивная компетенция как способность строить связное сообщение, дискурс. Примерные задания:

1) прочитайте текст; передайте его содержание, выбрав соответствующие фразеологизмы, данные после текста;

2) по названию текста, представляющего фразеологизм, определите его основное содержание, например: *водой не разольешь*. Установите его культурные коннотации. Разверните фразеологизм в связное высказывание;

3) найдите в тексте фразеологизмы и замените их синонимами или антонимами. Установите происхождение фразеологических единиц, например: *Тебе учиться надо, не покладая рук учиться, тогда ты за-сверкаешь как золото* (А. Перегудов) (*работать в поте лица, засучив рукава* и т. д.);

4) выделите в тексте фразеологизмы и определите их модальные оттенки значения (пренебрежение, ирония, симпатия, испуг, радость и т. д.), например: *Как работник ты гроша медного не стоишь, Она чувствовала себя на седьмом небе*;

5) по предложенной модели из указанных ниже подберите фразеологизмы и установите их культурные коннотации. Употребите в ситуации по предложенным моделям: 1) имя прилагательное + имя существительное; глагол + имя существительное; 3) глагол + наречие; 4) конструкции с сочинительными союзами и т. д. (*ни то ни се, первая ласточка, яблоко раздора, брать за душу, видеть насквозь*).

III. Иллокутивная компетенция, т. е. умение реализовывать коммуникативные намерения. Примерные задания:

1) употребите в диалоге (ситуации поздравления, знакомства, приветствия) вместо слова соответствующий фразеологизм: *как давно мы с вами не виделись (сколько лет сколько зим), ты работаешь здесь недавно (без году неделя), а уже чувствуешь себя хозяином (как рыба в воде)*;

2) определите ситуацию употребления фразеологизмов (книжная, разговорная);

3) ответьте на вопросы, используя фразеологизмы со значением большого количества, со значением выражения эмоций, чувств и т. д.

IV. Страноведческая компетенция, учитывающая реалии изучаемого языка. Задания:

1) замените слова в предложениях соответствующим фразеологизмом;

2) ознакомьтесь с моделями употребления фразеологизма: *что идет / катится под гору / горку; кто катится под гору / горку*. Чем отличаются эти модели? В каком значении и по какой модели функционирует фразеологизм?

V. Социокультурная компетенция как знание норм и условий общения. Задания на формирование социокультурной компетенции:

1) составьте диалоги, употребив фразеологизмы;

2) расспросите собеседника, уточните информацию с помощью вопроса. Используйте фразеологизмы *сыр-бор загорелся, идти в гору, молочные реки и кисельные берега*;

3) какими глаголами можно дополнить фразеологизмы в данных высказываниях? Укажите как можно больше возможных вариантов. Отметьте, в каких случаях употребление глагола обязательно, а в каких – факультативно: *Почему вы так шумите? Из-за чего сыр-бор ...*

VI. Предметная компетенция как знание предмета речи. Задания на формирование предметной компетенции:

1) к выделенным фразеологизмам подберите фразеологизмы-синонимы/антонимы;

2) познакомьтесь с моделями употребления фразеологизма и найдите в упражнении примеры, соответствующие этим моделям. Чем различаются эти модели: а) *где (у кого, в ком / в чем, на чем) что + бьет / кипит ключом*; б) *откуда (из кого / из чего) что + бьет ключом*;

3) по грамматической модели фразеологизма установите, какой фразеологизм соответствует данной модели;

4) ответьте на вопросы, используя фразеологизмы, обозначающие большое количество, объем: *У вас много друзей? У вас есть свободное время?* и т. д.

Задания, направленные на формирование компетенций, должны строиться с опорой на тексты, что позволяет учащимся не только проявить свое лингвистическое творчество, но и расширить страноведческие возможности.

1. Арутюнова, Н. Д. От редактора. Логический анализ языка. Культурные концепты / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991.

2. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Наука, 1994.

3. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1983.

4. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. Фразеология в контексте культуры / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1999.

5. Клобукова, Л. П. Структурный анализ коммуникативной компетенции с учетом особенностей реальной коммуникации. Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков / Л. П. Клобукова. – Шумен: «Епископ Константин Преславски», 2002.

6. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М., 1992.

7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000.

А. А. Лазуркин (Минск)

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Обучение языку во всей полноте его компетенций является важнейшей задачей школьного обучения. Первый помощник учителю здесь Словарь. Поскольку количество информации в мире удваивается за каждые 5 лет, словари хоть как-то облегчают трудности в ее поиске. Не случайно словари названы «вселенной в алфавитном порядке». Словарь показывает, какие формальные (традиционные) правила следует соблюдать в процессе продуктивной речевой деятельности, т. е. при говорении и при письме. С помощью словаря происходит актив-

ное обогащение словарного запаса школьников. Знакомство с лексикой предполагает обращение к толковым словарям, лучшим из которых является словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Это незаменимый справочник для изучения русского языка. Современный универсальный однотомный справочник по современному русскому языку – «Большой толковый словарь русского языка», составителем и редактором которого является С. А. Кузнецов. Словарь издан в 1998 г. Особенностью этого словаря является соединение академической (исчерпывающей) полноты описания с лаконичной формой однотомного издания. Включает около 130000 слов. Именно в толковых словарях слово раскрывается во всей совокупности свойственных ему признаков. В отличие от энциклопедических словарей, в которых определяются сами предметы, реалии мира, дается научное определение понятий, в толковых словарях дано толкование лексического значения слова. Еще один словарь, который должны знать учащиеся, – «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (под редакцией Г. Н. Складаревской), изданный в 2006 году. В нем нашли отражение важнейшие языковые процессы рубежа XX–XXI вв., сформировавшие языковое сознание носителя русского языка.

Одной из тенденций современной лексикографии является стремление к включению в словарную статью толкового словаря дополнительных сведений о слове. Составитель новейшего «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» (2007 г.) Н. Ю. Шведова включила в словарную статью сведения о происхождении слова и его соответствия в других языках. Это изменило жанр словаря: из толкового он превратился в толково-этимологический. Среди других особенностей данного словаря – включение в него 3 тысяч новых слов и сочетаний, относящихся к различным сферам современного общества: высоким технологиям, политике, религии, деловой жизни, науке. Автором уточнены значения отдельных слов и отражены новые значения, отсутствующие в предыдущих редакциях. На базе названных новых толковых словарей должны быть созданы небольшие по объему, но добротные по содержанию толковые учебные словари.

Для формирования языковой компетенции в области правописных навыков на уроках русского языка необходимо обращение к орфографическим словарям (В. В. Лопатин. «Учебный орфографический словарь русского языка» 2006 г.; И. И. Лапуцкая. «Новейший орфографи-

ческий словарь для школьников» 2008 г.; М. Т. Баранов. «Школьный орфографический словарь русского языка. 5–11 классы» 2016 г.; В. В. Бурцева. «Орфографический словарь с правилами» 2014 г. и др.). Нужно показать учащимся, что, казалось бы, чисто формальные знания структуры слова имеют огромную практическую пользу. Так, умение членить слова на морфемы способствует верному определению места орфограммы в слове (например, правописание *з/с* в приставках зависит от согласной корня: *избить* и *испыт*). Но часто правописание зависит от семантики (ср. *выберите*, но *вы выберете*).

Особенно активно в учебную деятельность на современном этапе развития образования входят комплексные словари-справочники, которые включают не только орфографически правильные написания, но и акцентологические трудности, варианты произношения, образования грамматических форм, морфемное членение и другие сведения о слове. Одним из таких комплексных словарей может служить «Объяснительный словарь русского языка» под ред. В. В. Морковкина (2003 г.) и «Краткий справочник по современному русскому языку» Л. Л. Касаткина [2]. Так, в справочнике Л. Л. Касаткина для словарных статей предусмотрены сведения из всех разделов курса современного русского языка, что делает его удобным для поэтапного изучения на уроках. Оба названных словаря относятся к жанру учебных.

Сейчас в лексикографии России и Беларуси разрабатывается и издается целый ряд новых учебных словарей. Например, с 2006 года создаются словари для элективных курсов 10–11 классов школ гуманитарного профиля [4]. Для образовательного процесса в учреждениях образования нашей страны создан региональный лингвокультурологический словарь-справочник (авторы В. А. Маслова и С. В. Николаенко) [3]. Разработка таких словарей-справочников позволяет придать лингвокультурным подходам к обучению языку продуктивный характер. Здесь просматривается и смена культурных ориентиров, и приобщение к богатейшему культурному наследию своей страны, и воспитание средствами языка духовно богатой личности, что в конечном итоге и формирует национальный характер. Такая интеграция лингвистики, культурологи, социолингвистики, прагматики, аксиологии (а ученые уже в конце XX века пришли к выводу, что консервативность чисто лингвистического подхода не позволяет осуществляться процессам вхождения новых явлений в лексику и грамматику, а значит, долгим будет путь их фиксации в словарях) будет способствовать

усвоению знаний синтезирующего уровня. И снова на первый план выдвигается такой вид деятельности, как обучение работе со словарями.

Академическая лексикография не стоит на месте. Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН работает над программой «Словари XXI века», в рамках которой почти 10 лет создается система словарей, учитывающих как традиционные, так и современные лингвистические подходы. Наиболее нужными и учителю, и ученику можно назвать «Фразеологический словарь русского языка. 5–11 кл. 1000 фразеологизмов. Значение, употребление, история происхождения» [1]. В названном словаре не только содержатся фразеологизмы, входящие в обязательный фразеологический минимум, но и объясняются их значения, демонстрируются особенности их употребления в речи, приводятся исторические сведения о происхождении наиболее интересных по значению единиц. Все это иллюстрируется цитатами из русской классической литературы, литературы конца XX – начала XXI века, из прессы. Поскольку инновации в языке идут непрерывно, работа по составлению словарей – процесс практически бесконечный. Объектом описания в них является слово, которое должно быть охарактеризовано с самых разных сторон: со стороны фонетики, словообразования, морфемики, семантики, стилистической отнесенности, происхождения, функционирования в культуре и т. д.

Таким образом, словарь – неисчерпаемая сокровищница, способствующая восприятию и познанию мира. Наша задача – привить учащимся привычку к обращению за справками в словарь, где отражены самые разные нормативные критерии устройства и функционирования языка.

1. Баско, Н. В. Фразеологический словарь русского языка. 5–11 кл. 1000 фразеологизмов. Значение, употребление, история происхождения / Н. В. Баско, В. И. Зимин. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2012.

2. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку [Текст]: компакт. излож. основ. науч. сведений о соврем. рус. яз. в соответствии с вузов. программами для студентов-филологов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.

3. Маслова, В. А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины / В. А. Маслова, С. В. Николаенко. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011.

4. Словарь. Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: АСТ, 2006.

С. С. Маевский (Минск)

ПРОЕКТИРОВАНИЕ БАЗЫ ЗНАНИЙ АДАПТИВНОГО ЭОР ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Все более актуальным трендом современного образовательного процесса становится *адаптивное обучение*. Данный вид обучения позволяет любому человеку не только сократить время на самоподготовку, но и сделать ее значительно эффективнее за счет подстраивания содержания обучения под свои собственные нужды и способности. В условиях постоянного расширения межнациональных контактов, а также бурного развития информационных технологий, неслучайно то, что все более востребованными становятся электронные образовательные ресурсы (ЭОР) адаптивного типа, предлагающие возможности обучения языкам. Одной из технологий, позволяющих значительно расширить возможности адаптивных ЭОР, является технология *баз знаний*. Цель нашей работы – разработка базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку – предусматривает предварительное создание ее экспериментального макета. Для макета выбрана *реляционная модель*. Формат статьи не позволяет представить проектируемую базу знаний наглядно, поэтому далее дается описание структуры и принципов взаимодействия отдельных ее компонентов.

Верхний уровень структуры базы знаний представляет собою точку входа, дающую доступ к пяти разделам базы знаний: «Справочник», «Словарь», «Практика», «Мультимедиа» и «Статистика». Разделение базы знаний на данные подразделы продиктовано прежде всего утилитарными потребностями: материал, различный по своей структуре, объему занимаемой памяти и востребованности в процессе обучения, отделен друг от друга и распределен по таблицам базы знаний различной степени вложенности – что, теоретически, должно обеспечить и удобство наполнения базы, и быстроту работы с ней. В данный момент структура базы знаний предполагает 5 уровней вложенности. Наиболее близко к верхнему уровню расположены материалы разделов «Словарь», «Справочник» и «Практика», на более глубоких уровнях – мультимедиафайлы и статистические данные, собираемые системой.

Работа адаптивного ЭОР предполагает адаптацию материала под нужды обучающегося, в том числе и формирование заданий необходимым образом. По этой причине само формирование заданий плани-

руется осуществлять с помощью алгоритмов, составляющих задание по каждой конкретной теме из отдельных упражнений или их элементов. Для того чтобы это было возможно осуществить, все элементы базы знаний, отвечающие за «практику», снабжаются разметкой, сигнализирующей об их «уровне сложности». Для обеспечения возможности вызова алгоритмом каждого отдельного элемента базы знаний ему присваивается индекс, образующийся по формуле: $l(n)-x_1-x_2-\dots-x_X$, где l – уровень вложенности таблицы, к которому принадлежит данный элемент, n – принадлежность к разделу (значение l соответствует разделу «Справочник», 2 – «Словарь», 3 – «Практика», 4 – «Мультимедиа», 5 – «Статистика»), x_1 , x_2 – порядковые номера полей таблиц предыдущих уровней, x_X – порядковый номер элемента в текущей таблице. Например, индекс элемента упражнения $2(3)-1-87$ означает, что данный элемент находится на 87-й позиции первой таблицы второго уровня вложенности раздела «Практика».

Раздел «Справочник» состоит из подразделов «Графика», «Фонетика», «Орфоэпия» и «Грамматика». Раздел «Графика» содержит в себе начальные сведения о русском алфавите и принципах русской графики, «Фонетика» – общие сведения о русской звуковой системе, гласных и согласных звуках, понятии «слог» и «ударение»; раздел «Орфоэпия» содержит сведения о правилах русского произношения и особенностях русского ударения.

Традиционно языковую грамматику разделяют на две составляющих: морфологию и синтаксис. В структуре нашей базы знаний «Грамматика» состоит из 4 подразделов: морфология, орфография, синтаксис и пунктуация. Продиктовано это, прежде всего, учебно-методической целесообразностью: более теоретизированные разделы «Морфология» и «Синтаксис» отделены от более практических орфографии и пунктуации. Общая структура разделов в данный момент находится в разработке и в целях возможности практической работы с ней повторяет структуру, предложенную в популярном справочном издании Д. Э. Розенталя [2], а также некоторых других бумажных и электронных справочных изданиях по русскому языку. В дальнейшем данная структура, естественно, будет изменена с учетом опыта анализа других авторитетных справочных изданий. Также по итогам этого анализа будет сформировано фактическое компилятивное и адаптированное наполнение раздела «Справочник».

Информация, содержащаяся в разделе «Справочник», разноформатна: это и текстовые документы со ссылками на мультимедийные

файлы или без них, и html-страницы, организованные в виде интерактивных лекций или «мини-гидов» по правилам. Для того чтобы пользователь мог выбрать нужные или сложные для него материалы из «справочника» и не искать их в базе знаний повторно, для него предусматривается возможность отметить материал как «Избранный». Выбор пользователя сохраняется в статистике – таким образом, связь адаптивного ЭОР со статистическими данными системы позволяет организовать для пользователя «личный кабинет». В каждом материале раздела «Справочник» после изложения основных сведений располагаются инструкции, позволяющие адаптивному ЭОР предложить пользователю отработать свои знания на практике. Лингвистический материал, из которого формируются практические задания, находится в разделе «Практика». Сам раздел содержит как «готовые» упражнения, созданные в среде Hot Potatoes и LearningApps, так и «элементы упражнений» – отдельные части заданий или готовые задания, снабженные разметкой, сигнализирующей об их уровне сложности, о том, как именно они должны быть применены при составлении упражнения, и о том, к какой части раздела «Справочник» они принадлежат. Когда пользователь приступает к практическому заданию, система формирует это задание по отдельным шаблонам (файлам html-страниц, содержащихся в базе) и инструкциям по их заполнению.

Помимо этого, раздел «Практика» содержит тексты диктантов и ссылки на их аудиозаписи, а также подраздел «Словарная работа». Данный подраздел предлагает учебные тексты, снабженные стандартной «разметкой» в виде выделения предлагаемых к изучению слов и лингвистическим комментарием, а также подраздел «Лексические темы». Материал, предложенный в данном подразделе, организован в виде своеобразных фреймов, имеющих вид презентации с последовательным показом слайдов, интерактивной лекции, презентации с триггерами и т. д. Способ представления словарного материала в виде фрейма был опробован нами ранее, и результаты апробации в целом оказались положительными [1].

Раздел «Словарь» в базе знаний разделен на два подраздела – «Лексика» и «Фразеология». Сделано данное разделение исходя из структурного удобства: содержание любого элемента подраздела «Лексика» предполагает пункты «Лексема», «Транскрипция», «Иллюстрация», «Аудиозапись произношения», «Изменение» (парадигмы склонения или спряжения), «Синонимы», «Антонимы», «Паронимы»,

«Примеры употребления»; у элементов подраздела «Фразеология» по очевидным причинам некоторые элементы отсутствуют. Каждый элемент раздела «Словарь» содержит внутреннюю гипертекстовую разметку, позволяющую быстро перейти к другим элементам. В обоих разделах словаря, так же, как и в разделе «Справочник», в содержании каждого элемента встроена возможность отметить как избранный; с помощью этой функции адаптивный ЭОР может сформировать словарь пользователя в его «личном кабинете».

Раздел «Мультимедиа» содержит в себе все аудиозаписи, изображения и видео, используемые в элементах разделов «Справочник», «Словарь» и «Практика», которые получают мультимедийные материалы посредством ссылки на индекс файлов. Для организационного удобства мультимедийные файлы большого объема хранятся отдельно от малых (например, аудиозаписи произношения слов отделены от объемных аудиозаписей диктантов) и изначально распределены по принадлежности к тому или иному разделу. Тем не менее при необходимости адаптивный ЭОР всегда может сослаться на нужный элемент посредством его индекса.

Раздел «Статистика» предназначен для хранения регистрационных данных пользователей (порядковый номер в системе, имя и фамилия, пароль), сбора статистических данных об активности пользователей (время работы), а также о востребованности тех или иных элементов базы знаний. Сохраняются сведения о количестве просмотренных материалов конкретным пользователем и пользователями вообще, о материалах, добавленных в раздел «Избранное» (для формирования «записной книжки» и словаря пользователя), для элементов упражнений – о количестве использования в адаптивном ЭОР и о том, сколько раз упражнение было выполнено верно или неверно. Подробный анализ статистики позволит улучшить базу знаний с точки зрения адаптивности, более четко определив уровень сложности тех или иных правил, готовых упражнений или их элементов.

Описанная нами структура представляет собою реализацию общей концепции базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку. Тем не менее данная структура не является завершённой. В зависимости от изменения общей концепции, особенностей технологии реализации, практических потребностей адаптивного ЭОР, выбранного для интеграции базы знаний, а также от результатов апробации ее эксперимен-

тального фрагмента, структура может быть как лишена отдельных компонентов, так и расширена.

1. Гербик, Л. Ф. Работа по лексической теме «Филологический факультет» в системе лингводидактической адаптации иностранных студентов / Л. Ф. Гербик, С. С. Маевский // Сборник научных статей по материалам IX Международной конференции «Карповские научные чтения». Выпуск 9. В 2 ч. – Минск: РИВШ, 2015. – Ч. 1. – С. 159–162.

2. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. – 3-е изд., испр. – М.: Айрис-пресс, 2006.

С. В. Махонь, Р. Г. Четет (Минск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

Существование норм признается необходимым на любом этапе развития языка. Как известно, языковые нормы не просто стихийно складываются в ответ на коммуникативные потребности определенного общества, но и вполне сознательно формируются данным обществом путем нормативно-кодифицированной деятельности, включающей подготовку и издание словарей, справочников, учебных пособий. Предполагается, что именно печатные издания помогут овладеть действительно непростыми нормами русской литературной речи.

В условиях колебания и обновления произносительных норм, размывания границ литературной нормы под влиянием разговорных, просторечных, жаргонных и заимствованных вариантов особую роль играют орфоэпические словари, в которых фиксируется *именно* литературная произносительная норма, а также варианты, существующие в ее пределах. Важно, чтобы в словарях были представлены не только начальные формы слов, но и их различные морфологические модификации, особенно если формообразование сопряжено с изменением места ударения.

В современном литературном языке не существует единой, универсальной причины изменения места ударения. В научной и учебной литературе факторы, определяющие акцентный сдвиг, принято делить на две группы – внешние и внутренние.

Влияние внешних факторов в настоящее время признается ослабленным и недостаточным для формирования новой акцентологической нормы. Безусловно, влияние диалектов и профессиональной речи можно признать слабо действующими факторами, однако влияние иноязычных акцентных систем иногда дает совершенно неожиданный эффект (для примера можно вспомнить акцентологическую историю слова *колледж* с ударением на первом слоге, как в английском языке, и с ударением на втором слоге, как во французском языке).

К наиболее результативным причинам изменения места ударения принято относить действие закона формальной аналогии, проявляющееся в унификации места ударения у слов одной грамматической категории, в стремлении к уподоблению места ударения у формально сходных слов, а также действие закона произносительной аналогии в ущерб словообразовательной зависимости, при котором побеждает ассоциация по внешнему совпадению в фонетическом оформлении слов, но не по словообразовательным связям. Весьма активно влияет на акцентные варианты грамматическая система русского языка, которая пытается с помощью перемещения ударения на окончание укрепить флективный строй русского языка.

В последнее десятилетие наметилась тенденция выражения авторских взглядов на место ударения в слове и стремление наиболее полного отражения явления вариантности. По этой причине данные разных орфоэпических словарей нередко противоречат друг другу в оценке и подаче того или иного варианта, что затрудняет выбор предпочтительной формы произношения. Такое положение дел создает весьма значительные лингвистические затруднения для людей, чья профессиональная деятельность тесно связана с устной литературной речью. Для этой категории носителей языка крайне важным является оперативное указание на один из акцентных вариантов как предпочтительный, наиболее соответствующий современным нормам и в то же время не противоречащий сложившимся языковым традициям.

Прежде всего это касается преподавателей русского языка как в школах, так и в вузах. Постоянно растущее количество допустимых вариантов, отраженное в словарях, затрудняет процесс усвоения учащимися, студентами, специалистами тех или иных норм.

Так, акцентологические варианты в трех наиболее популярных орфоэпических словарях нередко разнятся и даже противоречат друг другу.

Глагол *гранить* в Словаре правильной русской речи Н. В. Соловьева представлен двумя вариантами *гра́нить* и *гранить*. Оба варианта соединяются союзом *и*, что говорит об их одинаковом статусе в орфоэпической системе языка. Однако в Новом орфоэпическом словаре Т. Ф. Ивановой и в Орфоэпическом словаре русского языка Р. И. Аванесова вариант *гра́нить* вообще не указывается.

Такой же разницей наблюдается и в отношении других слов, например, *се́лить* и *селить*, *ржа́веть* и *ржаветь* и т. д. Весьма интересна акцентологическая история производного от глагола *ржаветь* существительного *ржавление*. Словарь Ивановой и словарь Соловьева дают существительное *ржавление* с ударением на первом слоге, но в словаре Соловьева в качестве равноправного варианта дается и *ржавление* с ударением на втором слоге. Этот вариант отражает тенденцию к построению четкого акцентного стереотипа у существительных с финалью *-ение*. Данный процесс поддерживается тем, что в многосложных производных существительных ударение чуждается крайних слогов.

Рекомендации по произношению слова *йогурт* также весьма разнообразны. Словарь Аванесова в качестве единственно возможного представляет вариант с ударением на втором гласном. Такая рекомендация всегда вызывала удивление у специалистов, потому что произношение первых двух букв в этом слове соответствовало произношению буквы *ё*, а, как известно, на эту букву (и, соответственно, звук *о*) всегда падает ударение. По сути, акцентологическую рекомендацию словаря под редакцией Аванесова выполнить было практически невозможно. Для развития дополнительного, второстепенного ударения в этом слове нет никаких условий (см., например, дополнительное ослабленное ударение в сложных словах типа *йодсодержащий*, *йодоводород* и др.). Словарь Ивановой дает рекомендацию ставить ударение на первом слоге, а словарь Соловьева, поддерживая это ударение, отдает дань традиции: с пометой «уходящее» автор словаря дает и вариант с ударением на втором слоге.

Современная практика преподавания русского языка настоятельно требует выработки строгих подходов к определению предпочтительных акцентных вариантов. Для практики преподавания важным является обучение произношению слов с нормативным ударением. Для лингвистов, изучающих динамику произносительной, акцентологической нормы, необходимым и интересным требованием является фикс-

сация всех произносительных вариантов в рамках литературной нормы. Как совместить эти два взгляда на одну и ту же проблему? Очевидно, следует вернуться к старой издательской практике создания словарей с одним, наиболее предпочтительным и одобренным большинством словарей вариантом. Подобного рода словари существовали и назывались словарями ударений для работников радио и телевидения.

1. Иванова, Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. – 2-е изд., стереотипное. – М., 2005.
2. Соловьев, Н. В. Словарь правильной русской речи / Н. В. Соловьев. – М., 2004.
3. Орфоэпический словарь русского языка / под ред. Р. И. Аванесова. – М., 1989.

Е. В. Михайлова, В. А. Сидоренко (Минск)

**ВЗАИМОСВЯЗЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В КУРСЕ ПОЭТИКИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ,
ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «КОМПОЗИЦИЯ»
В БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ МУЗЫКИ**

Курс поэтики читается студентам, обучающимся по специальности 1-16 01 01 «Композиция» в учреждении образования «Белорусская государственная академия музыки» на IV курсе (во II семестре). Курс состоит из 60 часов, из них 40 – лекционные, 20 – практические. В конце семестра студенты сдают зачет.

Поэтика – один из старейших литературоведческих терминов. На протяжении истории развития наук и искусств изменялся объем и значение данного термина: «В античную эпоху поэтикой называлось учение о художественной литературе вообще... В дальнейшем суждения о сущности искусства, об отношении его к действительности, о его целях и назначении отходят к философии и выделившейся из нее эстетике, а поэтика приобретает нормативный характер и ограничивается описанием художественной формы произведения. В средние века, в эпоху Возрождения и классицизма поэтика... сосредоточивается на приемах поэтической "украшенной" речи и стихосложения. Постепенно она создает и учение о жанровых формах... Поэтика считается в это

время самостоятельной наукой, но фактически она охватывает только часть науки о литературе.

В XIX в. основные проблемы содержания искусства продолжают разрабатываться философией (Гегель и др.) и литературной критикой (Белинский, братья Фр. и А. Шлегели, Чернышевский, Добролюбов и т. д.), проблемы формы ими изучаются без выделения в особую науку. ... Поэтика становится учением о построении разных типов литературных произведений, и ее начинают отождествлять с "теорией словесности". ... В начале XX в. в школе "русского формализма" основным предметом изучения поэтики снова становится язык в его поэтической функции. ... при этом поэтика приобретала фрагментарный характер, потому что проблемы композиции и сюжетосложения в рамки языка не укладывались, а теория жанров не могла стать научной без понимания единства содержания и формы» [1, с. 287–288]. Постепенно термин *поэтика* начинает употребляться в узких значениях: соответствующее понятие используется при «...определении специфики национальной формы в литературе...» [1, с. 288] (поэтика китайской литературы и др.), в значении 'поэтика течения или периода' (поэтика романтизма и др.), 'поэтика жанра' (поэтика романа и др.), 'поэтика творческой личности' (поэтика Л. Н. Толстого и др.).

Курс поэтики очень важен для будущих композиторов, поскольку они будут создавать произведения различного характера, в том числе и музыкально-поэтические (песни, романсы и т. д.). Иногда поэтический текст становится основой и более крупных сочинений – симфоний, ораторий и т. д. Человек, пишущий музыку, должен быть знаком с основами стихосложения, жанрами и темами лирики, со спецификой поэтического текста и т. д. При формировании программы данного курса необходимо учитывать то, что его слушатели не являются филологами, т. е. по сравнению с курсами «Введение в литературоведение», «Теория литературы» на филологических факультетах он должен быть сокращен и адаптирован для людей, как правило, имеющих среднее специальное музыкальное образование и обучающихся в вузе музыкального профиля. Помимо этого, будущих композиторов интересует преимущественно поэзия; прозаические и драматические произведения также могут явиться базой музыкального сочинения, но это бывает реже, и в рамках краткого курса охватить все богатство литературных жанров невозможно.

В рассматриваемом курсе поэтики дисциплины «Современный русский язык», «История русского литературного языка» тесно связаны с дисциплинами «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «История русской литературы» и др. Эта связь реализуется в следующих темах: «Специфика поэтического текста. Сильные позиции поэтического текста (заголовок, эпиграф, первая и последняя фразы, ключевые слова, антропонимы)», «Ритм, рифма, интонация. Фонетические особенности поэтического текста (аллитерация, ассонанс и др.)», «Стихотворные размеры», «Лексические средства в поэзии (синоним, антоним, омоним, архаизм, историзм, неологизм, поэтизм, фольклоризм и др.)», «Морфологические средства в поэзии (имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и др.)», «Синтаксические средства в поэзии (амплификация, парцелляция и др.)», «Методы и приемы анализа поэтического текста», «Взаимосвязь музыки и поэзии в музыкально-поэтических произведениях – песнях и романсах» и др.

Рассмотрим элементы тем «Лексические средства в поэзии (синоним, антоним, омоним, архаизм, историзм, неологизм, поэтизм, фольклоризм и др.)», «Морфологические средства в поэзии (имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и др.)». Начиная с XVIII в. литература развивалась в рамках трех родов: эпос, лирика и драма. В основе лирики лежит лирическое переживание, тонкие нюансы настроения. Это влияет на структуру и на объем текста: он, как правило, имеет сжатую композицию, небольшой объем, и в нем очень важна форма выражения. Язык для поэта «... сродни музыкальному инструменту, который в руках мастера творит чудо» [2, с. 38]. Главный объект художественного познания мира в лирическом произведении – внутренний мир человека, его мировосприятие и отношение к жизни, поэтому в таком произведении очень важна эмоциональность. Поскольку поэтическая речь рассчитана на чтение вслух, в ней имеются «... особые механизмы и приемы, которые отличают ее от прозы, членение на строки (отдельные стихи), которое часто не совпадает с синтаксическим членением; пауза в конце каждой строки...» [2, с. 41]. В поэзии происходит усложнение семантики почти каждого слова, потому что в поэтическом контексте выявляются скрытые смыслы слова, нереализованные в кодифицированном языке семантические нюансы. Необходимо выявить, какие части речи и в каком количестве имеются в стихотворении, а также ответить на вопросы: по-

чему автор использует слова именно в таком соотношении и что это дает для музыкального воплощения данного произведения?

Одна из основных функций слова – номинативная. Эта функция для поэтического языка является также изобразительной, потому что, наряду с точным воспроизведением объективного мира, она обладает возможностями для выражения отношения автора к изображаемому, их дают синонимия, антонимия, омонимия. Синонимы делают язык поэзии богатым и разнообразным. Выбирая слово для номинации, поэт учитывает прежде всего его стилистические коннотации. Слово, при помощи которого автор хочет что-то описать и выразить к этому свое отношение или отношение действующего лица, «... должно быть уместным не только по смыслу, но и по стилистической ситуации» [5, с. 153]. Часто в поэтическом языке используются абсолютные синонимы (*глава – голова* и др.). Антонимы также необходимы в поэзии, в качестве антонимов могут выступать имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия, предлоги и др. (*свет – тьма, светлый – темный* и т. д.). В поэзии «... явление антонимии расширяется за счет окказиональных слов, имеющих противоположные значения только в определенном контексте» [5, с. 157]. Синонимы и антонимы «... ведут себя в поэтическом языке весьма и весьма свободно, переливаясь друг в друга, меняясь местами» [5, с. 157]. Широко употребляются в поэзии полные омонимы – слова, совпадающие по звучанию и написанию, но различные по значению (*нота – знак для записи звука и нота – дипломатическое послание* и т. д.), а также неполные омонимы – омофоны (слова, совпадающие по звучанию, но различные по написанию и значению: *луг – лук* и т. д.), омографы (слова, совпадающие по написанию, но различные по звучанию и значению: *дорога – дорогá* и т. д.), омоформы (слова, одинаковые по звучанию и значению только в одной или нескольких формах: *потолок – имя существительное и потолок – форма 3 лица единственного числа прошедшего времени от глагола потолочь* и т. д.). Отношение автора к тому, о чем он пишет, может быть передано и при помощи морфологических вариаций слова, например: *папа – папочка, папулечка, папуленька* и др.

Одна из самых употребительных частей речи в поэтическом языке – имя существительное, передающее понятие предметности: «...название лиц (*человек*), животных (*волк*), птиц (*дятел*), растений (*лютик*), явлений природы (*гром*), отвлеченных действий (*косьба, плавание*), признаков (*смелость, голубизна*) и т. д.» [3, с. 144]. Использу-

ются в поэзии и имена прилагательные, обозначающие признак предмета, и глаголы, выражающие действие («...не только механическое движение (*ходит, бегают*), но и состояние (*спит, радуется*), проявление признака (*белеет*), изменение признака (*желтеет*), отношение к кому-чему-нибудь (*уважает, любит*) и т. п.» [4, с. 214]), и наречия, объективирующие «...признак действия, степень качества или количества, а также обстоятельства, при которых совершается действие» [3, с. 255] и т. д.

В стихотворении М. Языкова «Ночь светла» [6, с. 115–116], ставшем романсом благодаря композитору М. Шишкину, употреблено больше всего имен существительных (28); далее по численности идут имена прилагательные (13), глаголы (11), предлоги (11), местоимения (10), наречия (2), союзы (2), частицы (1). Такое соотношение частей речи в данном стихотворении обусловлено желанием поэта передать прекрасную картину ночной природы: описать при помощи имен существительных объекты (реку, луну, волну, лес, соловья, цветы), охарактеризовать некоторые из них, используя имена прилагательные (*ночь светла, голубая волна, темный лес, изумрудные ветви, голубые цветы*), а также объективировать состояние своего внутреннего мира, в котором превалирует чувство к *милому другу*, находящемуся *на чужой стороне*. Глаголы в данном стихотворении выражают действия или отсутствие действия объектов природного мира (луна светит, волна блестит серебром, соловей не поет, цветы расцвели и пробудили мечты в сердце лирического героя) и душевные движения и физическое действие героя (он летит грезой к образу милого друга, шепчет его имя, грустит по нему). Неудивительно, что стихотворение «Ночь светла» получило музыкальное воплощение и стало очень популярным: в нем создан параллелизм мира природы и мира человеческой души, оно лирическое, нежное и печальное, оно находило и находит отклик в душе многих поколений слушателей. Очень важны для вокального исполнения данного стихотворения повторы отдельных слов (*друг*) и первого предложения; они актуализируют самое важное в произведении – выражение эмоционального состояния лирического героя.

Таким образом, в преподавании курса поэтики в учреждении образования «Белорусская государственная академия музыки» большое значение имеет учет данных как литературоведческих, так и лингвистических дисциплин для создания у будущих композиторов полно-

ценного понятия о языке поэзии. Это поможет людям, создающим музыкальные произведения на основе поэтических текстов, воспринимать эти сочинения в единстве литературной, языковой и культурной составляющих и передавать их богатство при помощи средств музыкального искусства.

1. Калачева, С. Поэтика / С. Калачева // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 287–288.

2. Маслова, В. А. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: Універсітэцкае, 2000.

3. Русский язык / А. М. Бордович [и др.]. – Ч. I. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1977.

4. Современный русский литературный язык: учеб. для филол. спец. пед. ин-тов / П. А. Лекант [и др.]; под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М.: Выш. шк., 1988.

5. Федотов, О. И. Основы теории литературы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. / О. И. Федотов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Ч. 1: Литературное творчество и литературное произведение.

6. Калина красная. – Серия «Новый песенник». – Новосибирск: Мангазея; М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2010.

Л. Г. Мощенская (Минск)

СИСТЕМА РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Время настоятельно требует возвращения к осмыслению методического наследия преподавания русского языка в учебных заведениях Российской империи, тем более, что приближается знаменательная дата – 200-летие введения русского языка как обязательного предмета народного просвещения во все учебные заведения страны. В 1819 г. циркуляром министра народного просвещения в учебный процесс всех низших и средних заведений России были включены русский язык и литература, которые должны были занять главное место среди других предметов школьного образования: *Российский язык славенский, т. е. высокий и классический, российская словесность повсеместно должны быть вводимы и одобряемы.*

Дореволюционная система образования в России была сословной и чрезвычайно сложной, насчитывающей до 30 различных типов учеб-

ных заведений. Основные типы начальных и средних учебных заведений были представлены: 1) одноклассными приходскими училищами, предназначенными для детей *самых низших состояний*; 2) уездными и народными училищами с двухклассным и трехклассным циклом обучения, в которых могли учиться дети купцов, ремесленников, мещан; 3) гимназиями и реальными училищами с семилетним и восьмилетним курсом обучения, предназначенными для детей дворян и чиновников [1, с. 1017–1022].

Если обратиться к методическим традициям преподавания русского языка в низших и средних учебных заведениях бывшей Российской империи, то мы увидим, что задачи методического обеспечения учебного процесса в школьных учреждениях были успешно решены к 80-м годам XIX в., и вся эта комплексная работа привела, как нам кажется, почти к идеальным результатам.

Цель изучения русского языка в низших и средних учебных заведениях была определена максимально кратко: *«научить писать орфографически правильно, а затем выработка правильной речи и легкого стиля»* [2, с. 3]; *«Цель нашего обучения – придать мыслям учеников такую гибкость, чтоб писать о чем угодно, что угодно и сколько угодно»* [3, с. 4]. Для достижения цели словесники максимально опирались на знание родного языка, которое дети приобретали естественным образом, и не перегружали их грамматическими сведениями, не имевшими непосредственного отношения к орфографии, пунктуации и развитию письменной и устной речевой нормы. Учителя не перегружали учеников письменными грамматическими разборами (*в низших классах письменный грамматический разбор исключить*), т. к., по их мнению, эти упражнения, отнимая много времени, *дают ничтожные результаты, а при частых повторениях внушают ученикам отвращение к занятиям русской грамматикой* [4, с. 406].

Для иллюстрации содержательного и методического аспектов преподавания русского языка в начальных классах можно обратиться к методическому наследию П. М. Перевлесского (умер в 1866 г.), педагога, учителя русского языка, а затем и профессора Александровского лицея. Он написал учебные пособия, *весьма распространенные* в 40–60-х годах XIX в.: «Практическую орфографию, с предварительными к ней применениями» (1842), «Практическую русскую грамматику» (1854–1855) в трех томах, предназначенную для начальных классов и ставшую стереотипным учебным пособием.

Обратимся к первой части «Практической русской грамматики со сборником в прозе и стихах» П. Перевлесского (6-е издание 1869 г.), самой объемной из трех томов грамматики [5]. Она представляет собой книгу в 764 с., набранную мелким шрифтом без таблиц и иллюстраций. На последней странице сохранилась написанная каллиграфическим почерком владельческая приписка «Сія книга ученика перваго класса Новицкаго». Основным объемом практической грамматики составляют прозаические и поэтические тексты, не адаптированные в соответствии с возрастом учеников. Прозаические тексты относятся к самым разнообразным областям знаний: этнографии, земледелию, геологии, химии, физике, климатологии, географии, естествознанию, истории, психологии, медицины и пр. Стихотворные тексты, по существу, представляют учебную антологию русской поэзии XVIII–XIX вв., т. к. авторами их являются И. Хемницер, И. Дмитриев, М. Ломоносов, Н. Никитин, И. Аксаков, И. Крылов, А. Кольцов, Н. Языков, В. Жуковский, А. Пушкин, Ап. Майков, Ф. Тютчев, М. Лермонтов, Н. Некрасов и другие поэты. Таким образом, тексты, на основе которых учителя развивали письменную и устную речь учеников и насаивали грамматические сведения, необходимые для формирования речевых навыков и грамотного письма, обладали огромным культурологическим потенциалом: они не только развивали устные и письменные навыки владения русским языком, но и воспитывали любовь к слову и к чтению, развивали мыслительные способности учеников, определяли их научные и профессиональные наклонности, способствовали становлению нравственной основы личности будущего гражданина страны.

Методическая структура «Практической грамматики» представляет собой два изоморфных блока, состоящих из одних и тех же разделов и одних и тех же названий разделов. Первый блок содержит: 1) *Приготовительный курс по развитию навыков чтения и усвоения прочитанного* в устной и письменной форме; 2) *Начала грамматики*. Второй блок включает: 1) *Выводы из объяснительного чтения и бесед*, которые предназначены для закрепления навыков создания письменных и устных текстов, приобретенных в подготовительном курсе; 2) *Начала грамматики*. Отличие между двумя блоками четко проявляется в оглавлении. В первом блоке «Практической грамматики» называются только учебные разделы, относящиеся к развитию речи, содержание оглавления составляет перечень текстов, предназначенных

для параграфа. Во втором блоке «Практической грамматики» сохраняются названия разделов, но, в отличие от первого, они наполняются учебным содержанием, а тексты представлены только индексом статей и указанием страниц, на которых они расположены. При выполнении заданий в обоих блоках ученики должны научиться и закрепить полученные знания в выделении предмета и его признака, определении родов предметов (*предмет вещественный, или тело; предмет неведущественный, или дух; предмет отвлеченный, или явление*), главных признаков, относящихся к предмету или лицу, обстоятельств как условия проявления предмета, получить представление об отношении предмета к мышлению (*связь предмета и признака; возникновение общих представлений, или понятий; выявление связи между представлениями и умом, которая образует суждение; единство и различие понятий суждение и предложение в зависимости от сферы функционирования*) и мышления к языку (*слово, части речи, звуковой состав слова, слова и выражения, формы слов и их содержание, грамматика*). В каждый из двух блоков включены разделы «Предложение и речь», «Образование простого предложения, его состав и его виды», «Части речи и формы их для выражения подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства», «Заменяемость частей речи и форм их», «Образование сложного предложения и союз». Кроме того, во второй блок вводятся разделы «Внешняя сторона слов», в котором рассматриваются звуки, слоги, роды корней (*коренные и производные*), окончания (*суффиксы и флексии*), виды слов по составу (*простые и сложные*), и «Общий образ состава предложений, частей речи и форм их», представляющий собой обобщенную краткую грамматику с примерами, иллюстрирующими типы и виды предложения, его структуру, способы выражения членов предложения и их взаимозаменяемость при сохранении синтаксического единства, а также необходимые сведения из морфологии, пунктуации и орфографии. Таким образом, первый блок «Практической грамматики» погружал ребенка в реальный мир предметов, вещей, человека и учил воссоздавать усвоенные тексты в письменной и устной формах; второй блок, в своей основе синтаксический, был предназначен для приобретения учащимися синтаксических знаний, необходимых для создания оригинальных текстов.

Подробные методические рекомендации по работе над содержанием текста и изучению учебного материала приводятся только для первого текста каждого раздела грамматики. Для учителя он служит об-

разцом, по которому разрабатываются планы следующих уроков. Работа учеников над текстом представляет собой комплекс разных видов упражнений: 1) чтение текста учениками; 2) беседа по содержанию прочитанного текста в виде вопросов и полных ответов на них, приведенных в учебнике. Ученик имел право самостоятельно ответить на вопрос или прочитать ответ по учебнику. Если в тексте содержались заимствованные слова, то по мере их включения в вопросы учитель подробно объяснял значение слова, источник заимствования, его этимон и приводил слова похожего значения из русского языка, включая и диалектную речь; 3) устный пересказ содержания текста по ответам, приведенным в учебнике, причем ученики пересказывают содержание статьи несколько раз до тех пор, пока и слабый ученик не сможет последовательно пересказать содержание текста; 4) пример письма по голосу. Детям на выбор предлагается два варианта работы: а) диктовка, б) ученики должны написать ответы на заданный учителем вопрос по тексту *целыми предложениями, так, чтобы они выходили написанными без вопросов*. Подобная система упражнений разработана и для изучения *начала грамматики*.

Русский язык изучался только в начальной школе (приходских, уездных и народных училищах) и в начальных классах средних учебных заведений, с учетом работы в приготовительном классе – пять лет. В конце 80-х годов наиболее актуальной становится проблема занятости учеников на уроках русского языка. Она не сходила со страниц методических публикаций этого времени. Например, А. Будилович предлагал соединить преподавание церковнославянского языка с русским уже с первого класса и проходить параллельно фонетику, морфологию и синтаксис двух языков [4, с. 10–11].

Этот экскурс в историю преподавания русского языка в учебных заведениях Российской империи XIX в. наводит на некоторые размышления, и прежде всего возникает мысль о том, не пора ли нам вернуться к забытому методическому наследию и еще раз внимательно продумать подходы к преподаванию русского языка в средней школе на современном этапе.

1. Чехов, М. Г. Дореволюционная система народного образования в России / М. Г. Чехов // Педагогическая энциклопедия. – М.: Работник просвещения, 1927. – Т. 1.

2. Муретов, И. О письменных работах по русскому языку в низших классах гимназий / И. Муретов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1882. – Т. 2.

3. Соломоновский, И. Рациональный метод обучения письменному изложению мыслей / И. Соломоновский // Русский филологический вестник. – Т. 13, кн. 3–4.

4. Будилович, А. О преподавании отечественного языка в наших гимназиях / А. Будилович // Русский филологический вестник. – 1882. – Т. 12, кн. 1–2.

7. Перевлесский, П. Практическая русская грамматика со сборником статей в прозе и стихах: в 3 ч. / П. Перевлесский. – 6-е изд. – СПб., 1869. – Ч. I: Приготовительный курс. Введение и начала грамматики.

И. Э. Савко (Минск)

КАК ПОМОЧЬ УЧАЩИМСЯ И УЧИТЕЛЯМ РАЗУЧИТЬСЯ ДУМАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО? (СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ)

Адриан ван дер Веел, профессор Лейденского университета, специалист по изучению текстовой информации, участвуя в Санкт-Петербурге в дискуссии на тему «Зачем нужны книги в эпоху Google», отметил, что в XXI веке появился новый вид мышления – онлайн-мышление. Он обратил внимание на то, что сейчас для многих молодых людей доступ к тексту намного важнее, чем владение текстом: «Вам больше не нужно обладать физическим объектом, потому что у вас есть доступ к тексту онлайн... Это означает, что у вас больше нет необходимости владеть знанием... Вы не знаете всего, вы просто знаете, где это все можно найти. Таким образом, у вас нет знаний – у вас есть доступ к ним» [1].

Действительно, если человек знает, что легко и быстро найдет в определенном источнике ответ на поставленный перед ним вопрос, у него, как правило, исчезают и стремление, и необходимость подумать над данным вопросом самостоятельно. Это происходит не только при поиске ответа в Интернете, но и при работе с печатными учебными пособиями, если к заданиям, содержащимся в них, даны решения. Учащиеся старших классов и студенты-филологи, с которыми мы беседовали о том, как влияет на процесс работы над лингвистическими упражнениями наличие ответов к ним, часто произносили такую фразу: «Это отучает думать». У более нерадивых учеников другое мнение: «Ответы к школьным учебникам – это класс! Не надо париться над домашними заданиями, да и на уроке списать можно, ведь все решетки выложены в Интернете, а смартфоны у нас есть».

По-разному относятся к наличию так называемых «решебников» к школьным учебникам и учителя. Некоторые просто не обращают внимания на то, что ученики списывают выполненное кем-то упражнение. Они считают, что учащийся сам несет ответственность за свои знания и при списывании обманывает не учителя (педагог при желании всегда может определить качество знаний, умений и навыков обучаемого, степень самостоятельности его работы), а самого себя и своих родителей, которые, в принципе, и должны отвечать за правильное воспитание ребенка.

Те же учителя, которых волнует качество знаний и умений учащихся, либо пытаются запретить списывать из «решебников», либо стремятся объяснить нецелесообразность такой «подготовки», указывая в том числе и на имеющиеся в «решебниках» ошибки, либо вообще отказываются от работы с упражнениями из школьного учебника, заменяя их заданиями, подобранными самостоятельно.

Таким образом, наличие ответов к школьным учебникам в так называемых «решебниках», пусть и не рекомендованных (но и не запрещенных!) Министерством образования Республики Беларусь, не способствует ни повышению уровня знаний учащихся, ни их общему интеллектуальному развитию и нравственному воспитанию. Поэтому, с нашей точки зрения, желательно официально запретить издавать подобные книги, сводящие практически на нет значение школьного учебника как основного средства обучения в учреждениях общего среднего образования. При этом данный запрет должен распространяться и на электронные версии «решебников», особенно с учетом того, что сейчас школьники могут пользоваться не только бумажным учебником, но и планшетом, в том числе с доступом в Интернет.

Такую же медвежью услугу, как и «решебники», оказывают и адресованные учителю готовые конспекты уроков по предмету. Во-первых, анализ некоторых подобных изданий по русскому языку¹ показал, что предлагаемые конспекты уроков часто составлены с нарушением методических требований и в ряде случаев содержат ошибки в изложении лингвистического материала. Во-вторых, даже абсолютно грамотный и с методической, и с лингвистической точки зрения конспект урока не может быть одинаково успешно реализован любым учителем в любом классе в силу вполне понятных причин. В-третьих,

---

¹ Чтобы избежать рекламы или антирекламы таких изданий, мы не указываем их в списке литературы.

и это самое главное, педагоги, пользуясь такими книгами, зачастую перестают готовиться к занятиям, ведут уроки по чужому конспекту, иногда даже не проанализировав его. Говорить о качестве предварительно не продуманного урока, об учете особенностей конкретного класса, индивидуализации обучения в данном случае не приходится.

Иногда можно услышать, что подобные издания – хорошая помощь молодым учителям, еще не владеющим в должной мере умениями правильно структурировать урок, подбирать необходимый дидактический материал и т. д. Но педагоги, постоянно пользующиеся чужими разработками, не научатся готовиться к уроку самостоятельно, потому что, как показывают наблюдения, редко кто из них рассматривает данные конспекты только как дополнительный материал при подготовке к занятиям.

В качестве иллюстрации того, как к учителю, который проводит все уроки по подготовленным кем-то конспектам, относятся ученики, приведем высказывание студентки 4 курса специальности «Славянская филология» (2016/2017 учебный год): «Наша учительница белорусского языка и литературы (она же директор школы) все уроки литературы вела по готовым конспектам, напечатанным в книге. Однажды на перемене мы спрятали эту книгу. Учительница, не найдя свою шпаргалку, отказалась вести урок. И, безусловно, всему нашему классу впоследствии не поздоровилось».

Данная информация показательна еще в одном отношении: вряд ли этот учитель (директор школы!) был молодым и неопытным. К сожалению, возможность идти на урок без подготовки к нему привлекает учителей разного возраста и разучивает думать даже опытных педагогов.

С нашей точки зрения, конспекты уроков целесообразно печатать в научно-методических журналах, потому что такие материалы представляют собой авторские разработки опытных учителей и посвящены отдельным темам. Это не книжка-шпаргалка, которую можно положить в сумку (или «загрузить» в планшет, ноутбук) и благодаря которой можно на весь учебный год забыть о качественной подготовке к занятиям. Но, безусловно, нельзя отказываться от книг, представляющих собой различные дидактические материалы, методические рекомендации, которые учитель может использовать при написании конспекта урока.

Возникает вопрос и о том, должны ли быть ответы в дополнительных учебных пособиях по разным предметам, в том числе по русскому языку, ведь данные книги не являются основным, официально утвержденным средством обучения, учителя и учащиеся пользуются ими по желанию и чаще всего на дополнительных занятиях. Однако практика показала, что, если школьники постоянно работают с пособиями, в которых есть ответы ко всем заданиям, это может привести к развитию психологической зависимости от наличия ответов и к неуверенности в своем решении в том случае, если кто-то или что-то сразу же не подтвердит его правильность. Такие ученики обычно хорошо выполняют задания, если знают, что сразу могут посмотреть правильный ответ, и испытывают неуверенность при работе в условиях полной самостоятельности, в том числе на экзамене. Необходимо также учитывать, что есть учащиеся, не нацеленные на приобретение знаний. В этом отношении показательно высказывание одного абитуриента: «Мой репетитор по английскому языку сказал мне купить для занятий книгу, но, когда я пришел на урок, он вырвал из нее все ответы, чтобы я не списывал. Смешно! Я купил еще одну такую же книгу и все домашние задания "выполняю" хорошо».

Поэтому, с нашей точки зрения, ответы в дополнительных учебных пособиях целесообразно давать не ко всем упражнениям: например, можно предлагать два-три блока заданий, но ответами сопровождать только один. В таком случае учащийся будет иметь материал и для самоконтроля, и для самостоятельной работы, а преподаватель сможет объективно оценить уровень знаний, умений и навыков учащегося, увидеть, что усвоено недостаточно (если в самостоятельно выполненных упражнениях будут ошибки), и помочь учащемуся разобраться в трудных для него вопросах.

Возможно ли сейчас издавать дополнительные учебные пособия полностью без ответов к предлагаемым в них заданиям? Издавать можно, но, к сожалению, тот потребитель, который привык за последние два десятилетия, как к допингу, к пособиям с ответами, книгу без ответов (особенно если рядом стоит книга с ответами) не всегда купит, потому что боязно или не очень хочется думать самому и ни с чем не сверяться.

Но, может, хорошо, что человек со школьной скамьи отучается размышлять самостоятельно, привыкает бездумно пользоваться результатами чужого труда или каждый свой шаг проверять по данным

кем-то ответам, психологически зависеть от них, не задавать вопросов, ведь все решили хоть и без него, но для него? Может, такой человек «удобнее» того, кто думает сам и, если что-то не понимает, задает вопросы? Может, учитель, ведущий все уроки по чужим сценариям, – идеальный пример для учеников в вопросе подготовки к занятиям? Может, это и есть новые технологии в преподавании русского языка?

1. «Вы не знаете всего, вы просто знаете, где это все можно найти»: что происходит с чтением в XXI веке // Интернет-газета «Бумага», 3 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://paperpaper.ru/photos/reading-vol-2/> – Дата доступа: 07.05.2016.

И. М. Саникович (Минск)

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТОВЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ИНФОРМАЦИИ

Образование, рассчитанное на перспективу, должно строиться на основе двух связанных друг с другом принципов: 1) быстрая ориентация в стремительно растущем потоке информации и умение находить нужное; 2) осмысление информации и применение полученных знаний в процессе практической жизнедеятельности [1, с. 19]. Развитию данных навыков способствует использование в образовательном процессе **технологии развития критического мышления (ТРКМ)**, которая была разработана в 90-е гг. XX в. американскими учеными К. Мередит, Дж. Стил и Ч. Темплом. Для обозначения этой технологии в педагогической литературе также используется аббревиатура РКМПЧ, которая расшифровывается как развитие критического мышления при чтении и письме.

Критическое мышление – это открытое рефлексивное оценочное мышление, предполагающее наличие вдумчивого отношения к информации и умений рассматривать различные точки зрения на явления и конструировать свое собственное знание [2, с. 12]. Чтение и письмо – это те два вида речевой деятельности человека, с помощью которых люди получают и передают информацию. Поэтому существует взаимосвязь между развитием мышления и обучением как продуктивному чтению, в процессе которого информация подвергается всестороннему анализу (определяется степень ее достоверности и значимо-

сти), так и письменному размышлению о тех сведениях, которые индивид получил при чтении.

Технология развития критического мышления предлагает систему конкретных методических приемов, которые можно применять в рамках преподавания дисциплин из различных предметных областей (филология, математика, естественные науки) и предлагать для использования учащимися разных возрастных групп (школьники, студенты). Структура технологии развития критического мышления посредством чтения и письма стройна и логична, так как «ее этапы соответствуют закономерным этапам когнитивной деятельности личности. Важным в данной технологии является следование трем фазам: **evocation** (вызов, пробуждение), **realization** (осмысление новой информации), **reflection** (рефлексия) и соблюдение таких условий, как активность участников процесса, разрешение высказывать разнообразные "рискованные идеи"» [2, с. 10].

Как отмечают ученые-методисты, далеко не всегда можно реализовать все три стадии в рамках одного занятия, поскольку «изучение темы (а значит, и сам технологический цикл) может занимать несколько уроков, при этом стадии могут повторяться неоднократно. Бывает и так, что какая-то стадия длится достаточно долго, например, стадия рефлексии сама по себе может занять целый урок» [3, с. 7]. Самым главным является то, что ТРКМ предлагает широкий спектр приемов, из которых можно выбрать такие, которые отвечают специфике конкретной учебной дисциплины.

Поскольку изучение филологических дисциплин напрямую связано с чтением и анализом художественной и научной литературы, рассмотрим два приема формирования критического мышления, которые можно использовать при работе с текстом на стадии осмысления его содержания.

1. Графическая разметка текста, или «Инсерт» (I – interactive; N – noting; S – system; E – effective; R – reading; T – thinking; на русский язык переводится как самоактивизирующая система разметки для эффективного чтения и размышления) [3, с. 31–32].

При разметке текста предлагается использовать следующие условные обозначения: «v» – уже знал; «+» – новое; «-» – думал иначе; «?» – не понял, есть вопросы. Во время чтения текста студенты делают на полях пометки, а затем заполняют таблицу, где значки станут заголовками столбцов. Так обеспечивается вдумчивое, внимательное чте-

ние. Завершающим этапом работы с текстом может стать обсуждение записей, внесенных в таблицу.

Приведем пример Инсерт-таблицы, которая может быть составлена в процессе работы с фрагментом книги Владимира Козаровецкого «Тайна Пушкина». Отдельные части этого «исследования» впервые появились на страницах газеты «Московский комсомолец».

В одной из своих статей для советского спортивного журнала Александр Лацис рассказал о пушкинских занятиях физкультурой. Из писем Пушкина и воспоминаний о нем вполне возможно воссоздать тот образ жизни, который он вел в деревне; известно, что он любил верховую езду, много ходил пешком, обливался холодной водой. В городе он стремился по возможности сохранить эти деревенские привычки и в течение всей жизни занимался гимнастикой и для укрепления «дуэльной» руки носил тяжелую трость. Однако только к концу жизни сам Лацис, на собственном примере, понял, что Пушкин с помощью этой «лечебной физкультуры» надолго отодвинул неотвратимую победу болезни, одно из первых проявлений которой описано поэтом в раннем стихотворении «Сон» (эти неожиданные обмороки преследовали Пушкина всю жизнь).

Отмечали, что Пушкин грыз ногти, но это не так: он просто прикрывал рукой нервный тик в углу рта, который появлялся у него в минуты эмоционального возбуждения. В последний год жизни нервный тик превратился в судороги, которые временами страшно искажали его лицо. Кроме неожиданных обмороков и судорог, был еще один грозный симптом, который довершал картину заболевания: микрография. В медицинских справочниках он описывается так: сначала буквы могут быть обыкновенного размера, но, по мере письма, они становятся все меньше и в конце страницы могут быть меньше в несколько раз. В последний год жизни Пушкина микрография развилась настолько, что буквы в последних строчках на листе были чуть ли не в 10 раз меньше, чем в начале.

Лацис не называет болезнь – он лишь сообщает, что впервые она была описана в Англии в 1817 году. Однако известно, что в 1817 году в Англии впервые было опубликовано «Эссе о дрожательном параличе» Джеймса Паркинсона – то есть описана так называемая «болезнь Паркинсона», и практикующие невропатологи вполне могут сопоставить признаки и оценить вероятность именно этого заболевания. Неизвестно, читал ли ее описание Пушкин – в подлиннике ли или

в переводе на русский или французский, – но в Одессе поэт был дружен с домашним доктором семьи Воронцовых Уильямом Хатчинсоном (это о нем Пушкин писал в письме к В. К. Кюхельбекеру в апреле 1824 года: «...Беру уроки чистого афеизма [атеизма – И. С.]. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил»), хорошо знавшим ее симптомы, поскольку Хатчинсон, был учеником и коллегой Джеймса Паркинсона. Скорее всего, он и предсказал Пушкину течение болезни [4].

Таблица 1.

v	+	–	?
1. Пушкин занимался физкультурой.	1. Пушкин продолжил выполнять физические упражнения в городе.	1. Физические упражнения для предотвращения болезни.	1. Упоминание о симптомах болезни в стихотворении «Сон».
	2. Пушкин грыз ногти, у него был нервный тик, обмороки, судороги. Изменение почерка в последние годы жизни.		2. Можно ли с медицинской точки зрения считать микрографией изменения почерка Пушкина?
	3. «Эссе о дрожательном параличе» Джеймса Паркинсона» (1817 г.).		3. Хорошо ли знал доктор Хатчинсон симптомы этой болезни?
4. Посещение Одессы. Письмо Кюхельбекеру.	4. Знакомство в 1824 году с домашним доктором семьи Воронцовых Уильямом Хатчинсоном (учеником Паркинсона), беседы об атеизме.		4. Читал ли Пушкин «Эссе о дрожательном параличе» Джеймса Паркинсона» и рассказывал ли Хатчинсон Пушкину о симптомах этой болезни?

2. Составление таблицы вопросов. В технологии развития критического мышления большую роль играют приемы, использование которых формирует у обучаемых умение работать с вопросами. «В то время как традиционное преподавание строится на готовых ответах, которые преподносятся ученикам, технология развития критического мышления ориентирована на вопросы как основную движущую силу мышления. Учащихся необходимо обращать к их собственной интеллектуальной энергии. <...> Только ученики, которые задают вопросы, по-настоящему думают и стремятся к знаниям» [2, с. 22].

Одним из приемов, который помогает сформировать у обучаемых это умение, является работа над составлением **таблицы «толстых» и «тонких» вопросов** [2, с. 23]. «Тонкие» вопросы требуют простого, односложного ответа, «толстые» – предполагают ответ развернутый. Приведем вариант таблицы «толстых» и «тонких» вопросов, которая может быть создана в процессе осмысления информации, представленной в тексте В. Козаровецкого [4]:

Таблица 2.

«Тонкие» вопросы	«Толстые» вопросы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Есть ли в стихотворении «Сон» упоминание о каких-либо болезненных симптомах? 2. Есть ли в книге автора фотографии писем, демонстрирующие изменения почерка Пушкина? 3. Можно физические упражнения, выполняемые Пушкиным, однозначно считать способом профилактики «дрожательного паралича»? 4. Можно ли с определенностью утверждать, что Пушкин читал «Эссе о дрожательном параличе» Джеймса Паркинсона? 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Действительно ли у Пушкина в последние годы жизни были изменения почерка? 2. Можно ли с медицинской точки зрения считать микрографией изменения почерка Пушкина? 3. Хорошо ли знал доктор Хатчинсон симптомы дрожательного паралича? 4. Обсуждал ли Пушкин во время пребывания в Одессе с доктором Хатчинсоном симптомы этой болезни или они беседовали все-таки об атеизме? 5. Есть ли достоверные источники информации (письма к родным или друзьям), в которых Пушкин высказывает опасение, что у него некое серьезное заболевание?

Очевидно, что использование при осмыслении текстовой информации таких приемов ТРКМ, как ИНСЕРТ и составление таблицы вопросов, стимулирует мыслительную активность обучаемых. В будущем именно способность к критическому осмыслению информации поможет студентам, часть из которых станет учителями и преподавателями, ориентироваться в современных потоках научных и околонучных сведений, где ради сенсации и поиска «многозначительности смысла» беззащитно доказываются любые предположения.

1. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб.: Питер, 2000.

2. Муштавинская, И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя / И. В. Муштавинская. – СПб.: КАРО, 2009.

3. Заир-Бек, С. И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. – М.: Просвещение, 2011.

4. Козаровецкий, В. Почему Пушкин плакал / В. Козаровецкий // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – 2011. – 9 февр. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/culture/2011/02/09/564473-pochemu-pushkin-plakal.html>. – Дата доступа 16.10.2016.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Т. Домбровский (Лодзь)

РУССКИЙ ЯЗЫК СПЕЦИАЛЬНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ – ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

На занятиях как по общему курсу русского языка, так и по языку специальности (в нашем случае это «Русский язык в сфере бизнеса»), мы каждый год обнаруживаем, что состав групп студентов пополняется разноязычными учащимися. Наряду с польскими студентами есть также русскоязычные учащиеся – эмигранты из стран – бывших республик СССР, репатрианты с польскими корнями (на основании Карты поляка) из Казахстана, Литвы, Латвии, Беларуси, Украины, выходцы из русскоязычных или смешанных семей. В связи с решением ректора Лодзинского университета (ЛУ) о предоставлении гражданам Украины льгот по оплате за обучение в последнее время заметно увеличился контингент украинских студентов.

Кроме того, следует также отметить студентов из стран СНГ (Россия, Беларусь), которые приезжают по программе прямой мобильности на семестровое обучение в Институт русистики Лодзинского университета. Это в основном учащиеся старших курсов из Смоленска и Казани, поскольку между нашими университетами заключены договоры. В прошлом учебном году наши занятия посещали также студенты факультета экономики и права из Беларуси, из Барановичского государственного университета.

Данную картину иностранных студентов, изучающих как общий русский язык, так и язык специальности (бизнес), дополняют еще учащиеся, прибывающие в рамках международной программы мобильности «Эразмус». Это студенты с разным уровнем знания русского языка (от А1 до С1) – представители стран Европейского союза (Германия, Италия, Финляндия, Франция, Болгария, Румыния, Испания, Латвия) и даже Азии (Турция).

Как подсказывает преподавательский опыт, самый низкий уровень владения русским языком демонстрируют студенты из Западной Европы и Азии (A1, A2, изредка B1), которые направляются в наш Институт русистики на тот же курс, на котором они учатся в своих университетах.

Вся проблема обучения «эразмусцев» общему русскому языку и языку специальности (модуль – бизнес) заключается в том, что наблюдается постоянное несоответствие реальных знаний по русскому языку тем оценкам и характеристикам, которые представлены в документах учащихся.

Итак, студенты высших курсов, которые в своих «родных» университетах получают по русскому языку высшие баллы, испытывая серьезные трудности в восприятии и понимании материала занятий, проводимых на русском языке в нашем университете, зачастую переводятся курсом и даже двумя-тремя курсами ниже.

Лишь тогда они могут чувствовать себя комфортно и эффективно участвовать в занятиях на русском языке.

Учащиеся из бывших соцстран (например, Болгарии, Румынии) лучше владеют русским языком, и поэтому результаты обучения у них выше. Иногда это объясняется тем, что среди них есть выходцы из смешанных, болгарско-русских или румынско-русских семей. Хотя высокий уровень владения языком не всегда характерен и для этой группы студентов.

Студенты из России, Беларуси, Украины, Армении, Казахстана, стран Балтии и пр. с детства владеют русским языком, поэтому выбирают русистику и занятия на русском языке. Зачастую это бывает из соображений экономии усилий, поскольку они считают, что владеют языком в совершенстве. Однако, как показывает наш опыт, они владеют лишь разговорной речью и молодежным жаргоном, а письменная форма и литературный язык, в частности научный и официально-деловой стили речи, вызывают у них большие трудности.

Благодаря популярности дисциплины и/или содержанию учебного плана студенты записываются на занятия по русскому языку в сфере бизнеса, проводимые на русском языке.

Общая тематика наших авторских занятий по русскому языку в бизнесе включает все аспекты деятельности фирмы от момента ее создания и регистрации, характеристики товара/услуги, заключения

коммерческой сделки до оплаты и отгрузки застрахованного товара клиенту. Охват материала велик. Там и структура предприятия, миссия, политика продвижения товара, виды и формы торговли и т. д.

На 2-м курсе бакалавриата занятия по русскому языку в сфере бизнеса («Организация и условия функционирования предприятий») проводятся нами на русском языке.

Мы отдаем себе отчет в том, что студенты испытывают две трудности: одну, связанную с довольно слабым владением русским языком (который только год назад начали учить), и вторую, вызванную непониманием или недостаточным пониманием даже на своем родном языке отдельных категорий и явлений, характерных для предпринимательства в их странах.

Зная о составе аудитории, с помощью Интернета мы готовим для студентов-иностранцев соответствующий лексический материал о видах и формах предприятий в отдельных странах (например, в Италии, Турции и пр.) и просим их активно включаться в занятия, анализируя и сопоставляя бизнес-информацию. Все непонятные моменты занятий мы обсуждаем с ними индивидуально в рамках консультаций.

К тому же, рассматривая вопросы предпринимательства в России, они зачастую встречаются с явлениями, которые в силу другой организации предпринимательской деятельности вообще не существуют в их странах (другие организационно-правовые формы, иные условия регистрации фирмы и требования к учредителям и т. д.). Поэтому нам необходимо все время следить за степенью усвоения ими пройденного материала и по необходимости объяснять все процессы и явления, происходящие в мире бизнеса.

Местные студенты находятся в более выигрышной ситуации: любой вопрос бизнеса они могут изучить глубже, пользуясь специальной литературой на польском языке.

Студенты из СНГ могут найти необходимую информацию в Рунете, в то время как зарубежные учащиеся, имеющие разный уровень владения русским языком, зачастую не все понимают в ходе занятий, и поэтому в итоге им трудно определить, что конкретно искать и что пытаться выяснить.

Как легко догадаться, вследствие многоязычного и мультикультурного состава аудитории и невладения ее частью польским языком на наших занятиях практически отсутствуют или ограничены до ми-

нимума элементы перевода (возможен, например, подбор лексических эквивалентов на английском языке).

С 3-м курсом бакалавриата («Бизнес-общение») в течение зимнего семестра (30 часов) мы обсуждаем особенности письменной и устной деловой коммуникации. Мы делаем упор на русский речевой этикет при устном деловом общении, поскольку учебным планом предусмотрены отдельные занятия по деловой и коммерческой переписке. Особое внимание уделяется нами формам знакомства через посредника, а также называнию должностей и определению компетенции отдельных лиц – деловых партнеров.

На занятиях по «Документации и корреспонденции» студенты более подробно (визуально, лексически и практически) знакомятся с товаросопроводительными, транспортными, банковскими, таможенными и страховыми документами, а также сертификатами и свидетельствами.

В ходе занятий мы представляем данный документ, характеризуем его, обращаем внимание на лексические и стилистические особенности (*аббревиатуры, языковые клише* и пр.), определяем его функцию и этап деятельности предприятия.

В свою очередь, студентов-иностранцев мы просим рассказать в аудитории или подготовить дома информацию о том, существует ли эквивалент данного документа в их странах, и определить, насколько этот эквивалент является полным (содержание, графическое оформление, сфера употребления и пр.).

В рамках занятий мы анализируем формулировки и содержание рубрик/граф/колонок, размещение фактической информации в документе, а затем просим заполнить пропуски в форме документа (чистый, незаполненный бланк-шаблон) «своей» информацией. Коммерческая переписка составляется на занятиях строго по стандартам графического, лексического и стилистического оформления, на основании заданной исходной информации.

На старших курсах (4–5 курсы, т. е. 1–2 курсы магистратуры) в силу того что тематика занятий является более сложной и разнообразной, разумеется, используются адекватные формы занятий (мультимедийная презентация, лекция-беседа, ролевые игры и пр.).

Во время занятий по курсу «Русский язык в бизнесе» мы обсуждаем различные бизнес-ситуации, которые характерны для деятельности

фирм (ценовая политика, участие в тендерах, позиционирование товара, сегментация рынка продукции и пр.), работаем с аутентичными документами (формы бизнес-плана, анкеты, формуляры и пр.), а также упражняемся в понимании звучащей русской речи (vestifinance.ru; аудио- и видеозаписи).

При изучении материала занятий по курсу «Международный маркетинг» мы предлагаем студентам специально разработанные нами на русском языке вопросники (проблемные вопросы, касающиеся конкретных ситуаций во внешнеэкономической деятельности фирм). Студенты, отвечая на данные вопросы, зачастую приводят с целью аргументации свои примеры, ссылаются на разные источники информации. Иногда в оживленную дискуссию включаются иностранные студенты, которые приносят в нее интересные суждения с учетом своего национального менталитета, иной ракурсы, интересные, неординарные примеры.

В свою очередь, материал предмета «Переговоры на международных рынках» мы проводим в основном практически. Студенты на занятиях работают как индивидуально, так и в команде, разыгрывая разные сценки (ролевые игры), отражающие все этапы ведения переговоров с иностранным партнером. Аранжируя разные ситуации для общения, польские студенты могут одновременно проверить свои навыки и умения в плане использования соответствующих тактик, методов и приемов в деловых переговорах, а также подбора адекватных вербальных и невербальных средств общения с иностранцами. При этом они могут убедиться на практике в важности и значении мимики, позы, языка жестов, отработать интонацию, поскольку именно она зачастую является источником непонимания между собеседниками, подключить эмоции, которые обогащают речь и подтверждают интенции говорящего в процессе общения с естественными носителями других языков и культур.

На наш взгляд, лишь сопоставляя себя с однокурсниками и отчетливо видя все погрешности и недочеты, польские и иностранные учащиеся могут добиться наиболее успешных результатов в изучении как общего курса русского языка, так и русского языка в бизнесе, а также повысить свою предметную компетенцию в области бизнеса и коммерции.

Т. П. Желонкина (Калининград)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РАЗМЫТОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Когда речь идет о лексической семантике, то предполагается, что значение употребленного в устной или письменной речи слова будет однозначно понятно как говорящему/пишущему, так и слушающему/читающему. Это объясняют существованием разнообразных представлений о соотношении языка и мира, из которых следует, что наши слова определенным образом соотносятся с реальностью.

Как устанавливается привязка слов к объектам действительности? Наблюдается ли четкая очерченность объема понятия? Обратимся к референции – «отнесенности актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (*референтам, денотатам*)» [1, с. 411]. Н. Д. Арутюнова считает, что «референция – это способ зацепить высказывание за мир» [2, с. 18].

В данной статье речь пойдет об **отсутствии** однозначного соответствия между референтом и объектом. Представляется возможным назвать такое явление референциальной диффузностью («размытость, расплывчатость, неоднозначность применительно к значению и употреблению слова» [3, с. 104]). Следует отметить, что референциальная диффузность имеет различные языковые актуализации – от самой широкой до относительно узкой. Проиллюстрируем данные характеристики диффузности референции на материале существительных английского языка (источником иллюстративного материала является Корпус английского языка [4]: *These properties are represented using a green square as the external shape, and the central pictogram indicates the property (e. g. the drawing of a jigger for dose). The square shape can be completed by shape modifiers to indicate a modification to be applied to the drug property.* Оксфордский электронный словарь [5] дает целый перечень значений слова *jigger*; среди них – средство передвижения; человек; прибор; мера объема; тип паруса; разновидность клюшки для гольфа и др. Чем объяснить, что у существительного *a jigger* такой разброс референций? На наш взгляд, такая диффузность служит основанием для отнесения данной языковой единицы к категории широко-

значных существительных. Но диффузность семантики не следует путать с полисемией.

Интересным примером референциальной диффузности являются английские существительные, обозначающие совокупность предметов или явлений как некое единое целое. При этом у них нет противопоставления единственного и множественного числа. Например, существительное *a shambles* номинирует недискретность как некую массу, значение этого существительного весьма расплывчато. Обратим внимание, что при наличии словарной пометы «множественное число» (plural) данное существительное употребляется с неопределенным артиклем – признаком единственного числа: *My reaction after the movie was that the plot was a shambles (they had missed out on the New York equivalent of Pip 's growing up in London – the mainstay of the Novel – so it lacked weight) but the direction and camera use were brilliant.* Словарь дает следующее толкование существительного *a shambles* – «a total disorder» ‘хаос, беспорядок’. Ср.: *In Caracas the economy is in a shambles, the country is torn by social strife. The government is paralysed by factional conflicts, and the virulent media denounce a new public scandal nearly every day.*

В эту группу можно также включить существительное *a wad*, имеющее значение ‘масса, бесформенный кусок чего-то’. Ср.: *That finger needs to point at the ledge and not some teacher. But they 'll point anyway. They always do. Why? Because they are tight wad cowards. Why not just CLEAN those guys on the hill.* Данная лексема употребляется также в значении ‘сверток, большое количество’: *On the contrary, they have done worse. This may seem strange and perverse. It is difficult to understand why a country should do badly after being given a wad of cash. How could it happen?*

Если представить весь спектр языковых реализаций референциальной диффузности в виде шкалы, то окажется, что кроме максимально широкой (как в примере с существительным *a jigger*) имеет место полная противоположность с меньшим референциальным разбросом, но с большей семантической диффузностью. Таково, например, существительное *penumbra* со значениями ‘полутень, полусвет’ и ‘периферийная область’: *Due to the wide penumbra of high energy (≥ 15 MV) beams, it is recommended to only use photon (x-ray) beams with energies of 6–10 MV. Experience has been gained with both coplanar and*

non-coplanar techniques. Семантическая диффузность в противовес референциальной иллюстрирует объем значения, лексико-семантические варианты которого не всегда имеют аналог в переводе. Ср.: *Also outside the public domain in theory, but seemingly inside in effect, are such things as open source software; a penumbra of privileged uses under fair use, experimental use, and other copyright rules that permit unlicensed uses and sharing of information to take place; and standards that are licensed without payment of royalties*. Только с учетом контекста можно конкретизировать значение всех описываемых существительных.

В русском языке референциальная диффузность также представлена широко. Если человеку незнаком термин или точное название предмета или в силу каких-то обстоятельств нет возможности точно описать некоторое явление, предмет, то встречается, например, такой вариант словесного выражения: *Где кнопка переключения фильтров? – Открой крышку прибора, там такую штуковину увидишь в форме педали. На нее и нажимай*. Лингвисты отмечают, что бытовые, «житейские» понятия являются неточными, нестрогими и характеризуются семантической диффузностью [3, с. 105], что подтверждают следующие примеры: *Сколько заплатил за все? – Суций пустяк; кафедра находится в стадии становления. Пока так много неопределенности*. Подобные словоупотребления характеризуются размытостью, нечеткостью обозначения референта, семантической расплывчатостью.

В заключение следует сказать, что референциальный разброс и семантическая диффузность, которые мы продемонстрировали на примере существительных англ. *a jigger, a shambles, a wad, penumbra* и рус. *штуковина, пустяк*, могут быть причиной возможного «сбоя» в коммуникации. Поэтому при употреблении подобных единиц языковой и ситуативный контекст приобретает особое значение.

1. Арутюнова, Н. Д. Референция / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 411–412.

2. Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. (Проблемы референции) / сост., ред. и вступит. статья Н. Д. Арутюновой. – М.: Радуга, 1982. – С. 5–41.

3. Леонтьева, А. В. Проблемы семантической диффузности (на примере научного лингвистического текста) / А. В. Леонтьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, изд-во Тамбовского госуд. ун-та им. Г. Р. Державина. – 2014. – № 3. – С. 104–110.

4. Large Corpora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.leeds.ac.uk/cgi-bin/cqp.pl?q=wad&c=I-EN-CC-FINAL&searchtype=conc&contextsize=200c&sort1=word&sort2=right&terminate=100&llstat=on&cleft=0&tright=1&cfilter=>. – Дата доступа: 28.10.2016.

5. Oxford Dictionary of English Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/round>. – Дата доступа: 28.10.2016.

А. А. Занковец (Минск)

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ: ПИСЬМЕННАЯ ФИКСАЦИЯ

Принято считать, что просторечие – это речь необразованного или малообразованного городского населения, однако в последнее время мнение исследователей несколько изменилось. Во-первых, просторечие разделяют на два вида по происхождению: «старое» просторечие имеет диалектные корни, оно возникло как средство общения людей, переехавших в город в поисках «лучшей жизни», не имевших высшего образования и обычно занимавшихся неквалифицированным трудом. Носители такого просторечия воспринимали городскую речь как более правильную и престижную, старались подражать ей, но сохраняли в своей речи ряд диалектных черт. Именно эта система традиционно подразумевается под просторечием в учебниках и классических трудах по лексикологии. «Новое» просторечие имеет корни в социальных диалектах. Этот вид просторечия отличается от литературного языка в основном на лексическом уровне, а его носители – это в основном молодежь, которая включает в свою речь элементы сленга, профессионального жаргона. В связи с распространением на телевидении кинофильмов и сериалов на криминальную тематику «новое» просторечие активно пополняется и аргоизмами.

Во-вторых, существует мнение, что просторечие – речь не только городского, но и сельского населения. Такое деление имеет свои основания. Традиционно полагают, что в городах пользуются литературным языком в его разговорной разновидности и просторечием, а в де-

рвнях – диалектами. В то же время известно, что русские диалекты стали разрушаться в связи с распространением СМИ и всеобщего образования. Особенно заметны такие изменения вблизи больших городов. Вот почему появилось деление на городское и сельское просторечие, а выражение *городское просторечие* не считается речевой избыточностью.

Однако для Беларуси ни одно из делений не может быть достоверным, поскольку белорусское городское просторечие основывается не просто на смеси литературного языка, территориальных и социальных диалектов, но и на основе смешения двух литературных языков. Это явление в настоящий момент настолько распространилось, что приобретает письменную форму, что не характерно для просторечия.

Письменные формы белорусского городского просторечия могут быть разделены на несколько групп, соответствующих следующим формам коммуникации. Во-первых, онлайн-общение: блоги, микроблоги, форумы и личное общение в месенджерах и СМС. Во-вторых, личное общение в разного рода «бумажных» письмах, но этот вид коммуникации в настоящий момент распространен мало, особенно в сравнении с онлайн-коммуникацией. В-третьих, деловое общение, которое определено заслуживает отдельного исследования, поскольку приобретает массовый характер. Многие белорусские слова сейчас включаются в русскую речь. В письменной фиксации в этом плане показательна сфера торговли. В соответствующей документации и на ценниках в магазинах можно, к примеру, встретить слова типа *ковалочек*, понятные любому белорусу, но отсутствующие в русском литературном языке. Тем не менее пишут их по-русски, ориентируясь при этом на принципы русской орфографии. С одной стороны, такие слова можно воспринимать как экзотизмы в русском языке – иноязычные (в данном случае белорусские) слова, которые называют явления, отсутствующие в русской культуре, но существующие в культуре-источнике. С другой стороны, экзотизмы фиксируются словарями, а указанных слов в русских словарях нет, хотя в русской речи белорусов они встречаются не менее двух десятилетий. Поэтому логично, что некоторые белорусские исследователи предпочитают термин «вкрапление».

Такого рода вмешательства происходят не только в сфере орфографии, но и в сфере грамматики. Белорусская кондитерская фабрика

«Слодыч» (на русский язык переводится как «сладость») выпускает линию одноименного печенья. Белорусское существительное женского рода в названиях разных видов печенья выступает как русское существительное мужского рода (по формальным признакам: оканчивается на -ч без мягкого знака). Таким образом получают выражения «Шахматный слодыч», «Земляничный слодыч», «Васильковый слодыч». Еще один вид печенья – «Сметанковый слодыч» – использует два белорусских слова, причем «сметанковы» («сливочный») приобретает окончание, характерное для русского языка.

Другой аспект проблемы – это заполнение бланков. Поскольку в Беларуси два государственных языка, то и делопроизводство может вестись на двух языках. При этом отдельные бланки документов имеют заранее напечатанную часть текста на белорусском языке, а заполняются по-русски. Белорусы, будучи билингвами, не свободны в своей речи от интерференции и транспозиции, а ситуация, сложившаяся в документообороте, еще больше «провоцирует» взаимовлияние двух языковых систем.

Показателем того, что белорусское городское просторечие стало явлением массовым, служит художественная литература. Например, в романе в стихах «Родныя дзеці» Нила Гилевича, написанном в 1972–1984 гг., просторечие выводится как черта, характеризующая одного из героев, и выглядит все довольно комично: *Бывае, выйдзеш вутрам з хаты – / Так благовухае сярэнь...* (здесь и далее цитируется по: [1]); *Што ж, еслі просіць прадсядацель / Ці, ізвіняюсь, тамада, / Каб я сказаў што к гэтай даце, / То я далжон атвеціць: да!; Я лучча знаю, што бабуся! / І ўсё я знаю, што к чаму! / А еслі ў чом і абшыбуся – / Мiane направиць есь каму!*

В 2011 г. Владимир Банько под псевдонимом Ярыла Пшанічны выпустил сборник «Пішчавыя лішкі», составленный из стихов на так называемой трясянке. Не вдаваясь в подробности содержания произведений, отметим черты, характерные для белорусского городского просторечия. Это русские лексемы, включенные в белорусский текст: *толькі глупы не падыме алмаз, праіводства біягаза, скончыцца нядзелька, зноў для нас апяць, парубім на драва* и т. д. В отдельных случаях автор использует измененные – «белорусизированные» – русские слова: *уцілізаваць, навучыць дэмакратыі, хопіць і волі і мужыства, біць не ў броў а ў глаз* и др. [2]. Безусловно, такое языковое

оформление – провокация и элемент игры, однако также нельзя отрицать, что это соответствующая действительности иллюстрация белорусской городской речи.

Состояние культуры речи (как русской, так и белорусской) в нашей стране указывает на необходимость квалифицировать многочисленные речевые ошибки и понять причины их возникновения: низкая ли это общая культура, естественное ли следствие билингвизма или экспансия просторечия. Описание белорусского городского просторечия – необходимая составляющая решения указанной проблемы.

1. Гілевіч, Ніл. Вершы і паэмы / Ніл Гілевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999. – С. 167–331.

2. Пшанічны, Я. Пішчавыя лішкі: вершы / Ярыла Пшанічны – Мінск: Галяіфы, 2011.

К. Иванов, Л. Р. Супрун-Белевич (Минск)

ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ БАСЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКИХ ПЕРЕВОДОВ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА)

Талант И. А. Крылова-баснописца заключается в умении в пределах одного текста гармонично объединить элементы живой речи и элементы различных стилей литературного языка. Возможно, именно комплексность задач, стоящих перед переводчиком поэтического текста, а также использование разностильных элементов речи делает перевод басен принципиально сложным. Такое утверждение традиционно опирается на характеристику языка Крылова, близкого к народной речи с ее живой разговорной интонацией и насыщенностью идиомами, устойчивыми словосочетаниями, пословицами и поговорками. Каким же образом передается национальное и историческое своеобразие в переводах на другие языки? Наше внимание привлекла работа двух самых известных переводчиков басен Крылова на болгарский язык Георгия Райчева и Христо Радевского.

Названия басен «Тришкин кафтан» и «Демьянова уха» вошли в фонд русской фразеологии как стереотипные обозначения двух ситуаций: «о чем-либо назойливо, навязчиво предлагаемом тому, кто этого не хочет» и «о том, когда устранение одних недостатков влечет за собой возникновение других». Названия басен как концентрирован-

ный знак, несущий в себе смысловую нагрузку и экспрессию, требуют и особого внимания при их передаче в переводах. У Х. Радевского название почти полностью совпадает с оригинальным: «Тришкиният кафтан». Сохраняется ключевая реалия – название старинной русской мужской долгополой верхней одежды, без изменений остается имя героя – Тришка (эмоционально-пренебрежительная форма имени Трифон). Дополнительную конкретность и достоверность повествованию придает членная форма притяжательного прилагательного имени (*Тришкиният*). У Г. Райчева наблюдаем явное стремление к стиранию русского колорита при сохранении исторического: «Иванчова аба». Переводчик сразу обнаруживает свой подход поиска максимального сближения с миром болгарского читателя. Прагматическая адаптация текста осуществляется заменой лексем функциональными аналогами: *Иванчо* – ласково-уменьшительная форма имени Иван (негативная оценочная функция деминутивного суффикса *-чо* значительно слабее по сравнению с русским соответствием), *аба* – старинная болгарская верхняя мужская одежда из плотной стеганой шерстяной ткани. В названии басни «Демьянова уха» оба переводчика выбрали примерно один и тот же вариант: «Демянова чорба» (Хр. Радевского) и «Дамянова чорба» (Г. Райчева). Номинация блюда более обобщенная. Болгарское слово *чорба* обозначает суп вообще, а не только особый рыбный суп. Это слово относится к разговорной лексике и имеет синоним с нейтральной стилистической окраской *супа*. Имя героя басни у Г. Райчева снова получило более привычную для болгарского читателя форму: *Дамян*. Сосед, которого Демьян угощал так настойчиво, что ему пришлось убежать (Фока), остался с таким именем и в болгарских текстах, но и здесь Г. Райчев не преминул сделать шаг к «оболгариванию» героя, назвав его *бай Фока* (*бай* почтительное, уважительное обращение к более взрослому мужчине). Рискнем предположить, что Фока остался Фокой и из-за того, что и в других баснях Крылова (напр. «Крестьянин в беде») персонажи, выполняющие роль соседа, названы этим именем. Можно сказать, что передача личных имен болгаризированными вариантами является твердой установкой переводческой концепции Георгия Райчева. Так, например, персонажи басни «Волк и кот» *Степан, Демьян, Трофим, кум Клим* в переводе Г. Райчева фигурируют как *Младен, Петър, Иван, бай Стан*, герои басни «Два мужика» *кум Фаддей* и *кум Егор* – под именами *Крум* и *Петър*, даже

собаки из басни «Собачья дружба» (Полкан, Барбос) получили более привычные болгарские имена *Караман* и *Мурджо*. А у ребенка из басни «Гребень», обозначенного Крыловым просто как *дитя*, в переводе Райчева есть вполне конкретное и очень распространенное имя мальчика *Петю*.

В баснях «Демьянова уха» и «Тришкин кафтан» используется лексика, которую можно определить как обозначения этнографических реалий: пища, напитки: *уха, лещик, стерлядь, потроха*; одежда и ее составные части: *кафтан, кушак, шапка, фалды, полы, камзолы*. У Крылова составные части уха выстроены в ряд: *Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!* Такое разнообразие должно сломить сопротивление уже наевшегося соседа. Последним в завлекающем перечне не случайно оказывается кусочек стерляди – ценной промысловой рыбы семьи осетровых. У болгарских переводчиков этот ряд представлен по-другому: *ей чига, на, платиката или чревцата* (Г. Райчев); *на рибки, дреболии, на парченце чига* (Хр. Радевски). Наблюдаем разные подходы к переводу лексем: 1) с использованием словарного эквивалента *стерлядь – чига* (болг.), *лещ – платика* (болг.); 2) функционального эквивалента *потроха – дреболии, чревца* (болг.); 3) генерализации *лещ – рибки* (болг.). Выбор соответствий лексемам, описывающим одежду и ее элементы в басне «Тришкин кафтан» лимитирован дополнительно художественной идеей Крылова – в результате всех необдуманных действий Тришки получился кафтан, который уже нельзя назвать кафтаном из-за того, что он потерял главную особенность этого вида одежды – длину. Кафтан стал короче даже той одежды, которую должен превосходить по длине, например, камзолов (камзолы – старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов, впоследствии заменена жилетом). На месте пары *кафтан – камзолы* в переводах видим: *кафтан – куртки* (Хр. Радевски); *аба – елек* (Г. Райчев.). Более точен здесь в плане сохранения исторического колорита и денотативного соответствия перевод Г. Райчева. *Куртка* в современном болгарском языке близка камзолам только по длине, отличается наличием закрытого воротничка и больше связывается с униформой солдат или школьников. *Елек* – короткая, до пояса, верхняя одежда, обычно без рукавов. В переводах «Демьяновой ухи» наблюдаем обратное явление. Более близким к нашему времени оказывается выбор Г. Райчева: Схватя в охапку кушак и шапку – *грабна* (схватил) *си шапката*,

колана (у Хр. Радевского: *заграбва своя калтак и пояс*). Функционально схожи денотаты, обозначаемые лексемами *кушак* (пояс, обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура) – болг. *пояс* (длинный и узкий кусок ткани, окутывающий поясну) и *колан* (лента из кожи, ткани или другого крепкого материала для опоясывания); *шапка* болг. *шапка* и *калтак* (кожаная шапка, ворсом наружу). Варианты, выбранные Хр. Радевским, более близки к оригиналу в историческом плане, но в меньшей степени отражают национальный колорит, поскольку *калтак* и *пояс* являются типичными элементами традиционной болгарской мужской одежды.

Национальную специфику текста басни Крылова «Демьянова уха» придают также некоторые специфические обращения и формулы речевого этикета. Они органично включены в художественную структуру, а их варьирование способствует нагнетанию напряжения в ожидании развязки ситуации: *Соседушка, мой свет, Миленький дружочек, Мой милой*. Первое и третье к тому же содержат архаизирующие лексические стилистические компоненты и особенности в произносительном варианте прилагательного с русской (народной). Необычную архаическую форму слова в обращении можно отметить только в переводе Г. Райчева: *драга мой*. Переводчики постарались передать эту особенность оригинала, используя средства, которыми располагает болгарский язык: *съседко, мили мой, мили* (Хр. Радевски); *съседе, драга мой, човече* (Г. Райчев). Следует отметить более развернутый характер обращений в русском тексте и их большую частотность. В лексических структурах текстов басен «Тришкин кафтан» и «Демьянова уха» обозначены некоторые национально-специфические культурные модели и понятия коммуникативного поведения в русском обществе, не имеющих точных соответствий в болгарской культуре. Двухязычные словари не могут в таких случаях раскрыть полное содержание этих явлений. Их значимость для концептосферы языка подтверждается широтой словообразовательного гнезда: *чван, чванный, чванство, чваниться; щеголь, щеголять*. Как они представлены в оригинале и в переводах басен?

1. *Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют – а те – в Иванчева аба са пременени* (Г. Райчев); *и гледаш: Тришкинът кафтан облекли* (Хр. Радевски). Здесь реализуются оба значения глагола: нарядно, щегольски одеваться; выставлять что-л. напоказ, стараться

произвести выгодное впечатление. В резюмирующей концовке текста чувствуется также ирония автора – смешно и нелепо щеголять тем, что выставляет тебя в плохом свете. Оба варианта перевода дают ограниченное представление о сути явления – у Хр. Радевского люди с подобным поведением просто одеты в Тришкины кафтаны, у Г. Райчева – они одеты в новую, нарядную одежду.

2. *Зато уж чванных не люблю – а мразя преструванците* (ненавижу притворных, лицемеров, делающих вид, что обладают качествами, которыми не отличаются) (Г. Райчев); *аз горделиви не търпя* (не терплю горделивых) (Хр. Радевски). Чванство, по данным словарей русского языка, следует понимать как проявление тщеславия, гордости, спеси, кичливости, важничанья, надменности. В одном переводе показана только неестественность поведения, а в другом подчеркнута больше сема неверной оценки собственной значимости.

3. *Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку // И не давал ему ни отдыху, ни сроку – така гощаваше без отдих и без жал съсед Дамян съседа си бай Фока* (Г. Райчев); *Така Демян съседа Фока угощавал и ни за миг той отдих му не давал* (Хр. Радевски). Префигированный глагол в переводе Хр. Радевского, имея в своем значении интенсификаторы *добре* (хорошо) и *богато*, ближе к оригиналу. Являясь синонимом глагола *угощать*, лексема *потчевать* содержит в своей внутренней форме идею «читать, почитать, оказывать честь», которая в ироническом плане присутствует в тексте Крылова. Более редкое употребление глагола *потчевать*, по сравнению с синонимом, придает тексту басни добавочную экспрессию. Для двух анализируемых текстов характерна насыщенность устойчивыми словосочетаниями, разговорными конструкциями, деминутивами. Уменьшительные формы (10) характерны для басни «Демьянова уха», что связано напрямую с ее сюжетом. Интересно, что эта особенность языка отражена в разной степени переводами – у Г. Райчева она представлена слабее (7), а у Хр. Радевского – сильнее, чем в оригинале (13). Некоторые фразеологизмы и грамматические особенности слов у Крылова несколько отличаются от аналогичных в современном русском литературном языке: *смеются Тришке*; *сбирается с последней силой*; *нужды нет*. Архаические элементы в языке переводов представлены ограниченным количеством лексем: *нивга* (вм. *никогда*), *лакте* (вм. *лакти*) (Г. Райчев), *Тришкинът кафтан* (вм. *Тришкиният*), *негли* (как будто)

(Хр. Радевски.). Разговорность, как яркая стилистическая характеристика оригинальных текстов, отражена в переводах по возможности единицами тех же языковых уровней (междометия, частицы, устойчивые синтаксические схемы). У Г. Райчева чаще встречаются разговорные и просторечные варианты слов – *що* (вм. *какво*), *таз* (вм. *тази*), *тогаз* (вм. *тогава*), *твойта* (вм. *твоята*), сокращенные формы *веч* (вм. *вече*), *ощ* (вм. *още*). Хр. Радевски тоже использует такой лексический материал, но в меньшем количестве, добавляя к нему и другие решения, например, употребление редких экспрессивных слов в необычном оформлении (*лизетец* – вкус, сладость; *ощечко* – деминутив от наречия *още* (еще)).

Можно сказать, что обоим переводчикам в целом удалось донести до болгарского читателя особенности содержания и формы басен Крылова. Национально-культурная специфика текста, однако, в некоторых случаях была раскрыта ими не до конца. Причиной этому стали установка на прагматическую адаптацию к особенностям восприятия болгарской читательской аудитории и специфика индивидуального подхода к оригиналу.

Е. И. Костанди (Тарту)

ТЕКСТЫ БИЛИНГВА КАК РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

Сегодня почти каждый житель Эстонии, как и жители многих других стран, регулярно имеет дело с текстами на разных языках и с возможностью выбора «своего» языка из ряда предлагаемых. В условиях Эстонии, где государственным является эстонский язык, а русский – язык самой большой диаспоры, это часто параллельные тексты на двух языках, эстонском и русском, или так называемые тексты билингва (далее ТБ). Традиционно ТБ определяется как «текст на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянск. и рус. языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» [5, с. 16].

В ряде работ нами уже рассматривались некоторые аспекты эстонско-русских ТБ [см.: 2, 3, 4]. В первой была дана общая характеристи-

ка ТБ, во второй рассматривались ТБ в интернет-среде, в последней – проблемы, возникающие при установлении характера и направленности перевода в ТБ – эстонско-русского, русско-эстонского или иного. В настоящее время в печати находятся статья, посвященная проявлению оппозиции «свое – чужое» в ТБ, и статья, в которой рассматриваются некоторые критерии выявления вариантов ТБ как речевой практики и ставится вопрос о необходимости установления более полного перечня и систематизации таких критериев¹. Последнее и будет в центре внимания в настоящей статье, материал предыдущих работ используется для обобщения.

Как уже отмечалось в указанных работах, в условиях постоянных языковых контактов и диаспоры формируются свои речевые, или дискурсивные, практики. На данном этапе исследования будем исходить из следующего определения дискурсивных практик: «Дискурсивные практики – категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» [6, с. 288], опирающегося на понимание дискурса как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текста, взятого в событийном аспекте; <...> речи, «погруженной в жизнь» [1, с. 136]. Одной из практик, характерных для наших условий, и является широкое использование ТБ, которые представлены двуязычными текстами на интернет-сайтах государственных учреждений, учебных заведений, частных фирм, общественных и пр. организаций, двуязычными газетами, судебной документацией, банковскими и пр. бланками, надписями на упаковках товаров, субтитрами с переводом к кинофильмам, телепередачам и т. д., – практически нет таких областей, в которых не встречались бы ТБ. О том, что они стали повседневной практикой, привычной для жителей Эстонии, свидетельствуют, в частности, следующие фрагменты записей разговорной речи: 1. *А. Мы вот как-то обратили внимание / фильмы часто идут там // на английском или еще каком языке / не дублированные / надо читать перевод // Как это? Невозможно ведь // Б. Да нет / для нас обычное дело // нормально В. Как это? Не успеваешь ведь // Б. Все успеваешь / привыкли*

¹ Так как статьи находятся в печати, они не могут быть включены в список литературы из-за отсутствия окончательных выходных данных.

А. Ну ... если привыкли // конечно...; 2. А. Надо на Пуса сходить // он будет с титрами Б. А-а-а В. На эстонском языке А. Ну ничего / думаю она переживет В. Говорить будут по-эстонски А. И что? Б. Кот говорит по-эстонски (смеется) А. Да / это очень смешно на самом деле // я помню мы когда смотрели этого / смотрели «Алису в стране чудес» В. Да А. На эстонском / это было очень стремно что Джонни Депп говорит по-эстонски (смеется) Б. То есть говорит по-эстонски / тока субтитры русские? В. Да А. Скорее всего так Б. А-а-а А. Хотя может будет и на английском с эстонскими и русскими В. Надо будет посмотреть Б. А тупо русского нет / я так поняла? А. Конечно нет.

Ситуации, в которых прозвучали эти высказывания, похожи. В Эстонии большинство кинофильмов не дублируется, они идут на языке оригинала и сопровождаются субтитрами, дублируются регулярно лишь фильмы для детей, поскольку они не умеют читать или читают медленно. В приведенных выше фрагментах обсуждаются ТБ, представленные звучащим оригиналом или переводом на одном языке и субтитрами на другом. В каждом их разговоров участвуют жители Эстонии и их российские гости, для первых ситуация двуязычия и наличия ТБ – «обычное дело», для вторых это непривычно. То же мы видим, например, и в высказывании телеведущей эстонского телевидения ETV+ на русском языке: *И уж перевод будет оригинальным и можно будет читать субтитры, как мы уже привыкли в нашей стране это делать.*

Значительная часть используемых ТБ полностью соответствует приведенному выше определению, например¹: *Rigoletto. Ooper kolmes vaatuses <...> See on lugu armastusest, reetmisest ja kättemaksust. Ouenarr püüab kiivalt oma armastatud tütart Gildat kurja maailma eest kaitsta. / Риголетто. Опера в трех действиях <...> Это история о слепой любви, предательстве и мести. Придворный шут Риголетто старается ревниво защитить свою любимую дочь Джильду от враждебного мира.*

В приведенном фрагменте театральной программки тексты на двух языках идентичны по содержанию и форме, находятся рядом, образуя, таким образом, единый ТБ. Однако обычный адресат, скорее всего,

¹ По причине ограниченного объема статьи приводятся фрагменты текстов. В письменных примерах сохраняется написание оригинала.

в стандартной ситуации обращается к тексту на одном из языков, то есть ТБ для адресата трансформируется в текст либо на русском, либо на эстонском, что можно рассматривать как начало варьирования ТБ в дискурсивной практике. Тем самым вариативность, обусловленная возможностью выбора языка, заложена в самой сути ТБ.

Анализ материала показал, что в языковой ситуации Эстонии функционирует множество эстонско-русских текстов, которые не соответствуют определению ТБ, однако могут рассматриваться как варианты ТБ, если исходить из того, что языковая составляющая – это лишь часть, и не всегда основная, дискурсивной практики. Так, регулярно не совпадают размеры частей ТБ, часто эстонский текст больше русского, ср.: *SALAT 125 G Itaalia Mesculum, Salati mix, Rukkola – Radisso mix / Салат*. Этот небольшой текст из информационно-рекламного издания торговой сети отражает ситуацию, типичную для таких изданий: приведено изображение товара и подписи на двух языках, на эстонском характеристика более детальная. Возможна и противоположная ситуация: например, на упаковке товара российского производства дается подробное описание на русском языке, на эстонском же текст содержит минимальную информацию. Размер неизбежно влечет за собой содержательные различия, текст большего объема обычно и более содержателен. Существует множество примеров того или иного соотношения текстов на разных языках, однако в ограниченной по объему статье нет возможности их привести.

Кроме наиболее очевидного признака варьирования (размер), составляющие ТБ могут находиться непосредственно рядом или «отрываться» друг от друга – та же театральная программка может быть представлена в одном буклете на двух языках или в двух на разных языках. Русский и эстонский тексты могут существовать в разных формах (устной и письменной), на разных носителях (печатный и электронный варианты), могут иметь разные цели, по-разному использоваться в разных регионах, городах. Они могут различаться стилистически, например, в переводе может не сохраниться стиль оригинала. Приведем еще один конкретный пример.

В правоохранительной сфере, по закону, человеку обеспечивается русско-эстонский и эстонско-русский перевод. В теории мы имеем два текста на разных языках, один является переводом другого, следовательно, они вместе образуют ТБ. На практике же существует множе-

ство вариантов, например¹: *В пьяном виде оскорбляет меня и сына очень плохими словами сына – псих, ненормальный, придурок, отправлю тебя и мать в психушку, жирный поросенок, не хочешь работать. Сегодня и раньше кричал придурок сейчас у меня получишь и т. д. Сын при его плохом состоянии помогал чем мог, уделил внимание.* Приведенный пример – фрагмент заявления в полицию, в котором мы видим множество разных ошибок, что при переводе невозможно сохранить и, очевидно, не нужно. В эстонском переводе, имеющемся в деле, сохранено содержание заявления, однако передается оно стилистически, орфографически и пунктуационно иначе. Кроме того, прагматика оригинала и перевода различается и по тому, что перевод собственно заявлением не является.

Выше отмечены лишь некоторые возможности варьирования ТБ, при этом различия между оригиналом и переводом могут быть настолько велики, что возникает вопрос о правомерности отнесения их к ТБ. Если рассматривать только языковую составляющую, значительную часть текстов следует исключить из ТБ, однако картина не столь однозначна, если учитывать условия использования таких текстов: ситуация двуязычия, распространенность ТБ во всех сферах жизни, привычка использовать ТБ, приспособлявая их к конкретным ситуациям. Все это дает возможность говорить о практике билингва, в которой текст является лишь одним из компонентов. Многочисленность и разнообразие текстов, которые можно рассматривать как варианты ТБ, приводит к необходимости систематизации материала, при которой учитывались бы дискурсивные характеристики. На данном этапе исследования можно выделить три основных аспекта проявления такого варьирования: языковой (направление и корректность перевода, стилистические и прагматические характеристики оригинала и перевода и др.); экстралингвистический (коммуникативный: сфера использования, ситуация, автор, адресат и др. и формальный: размер, носители, расположение оригинала и перевода); содержательный (характер информации, ее объем, значимость для разных адресатов). Ра-

---

¹ Использован материал магистерской работы студентки Тартуского университета А. М. Фегели «Использование официально-деловых текстов в профессиональной подготовке студентов-русистов», написанной под руководством автора настоящей статьи. В работе приведено официальное разрешение использовать такой материал с удаленными личными данными.

зумеется, эти аспекты взаимосвязаны, однако в рабочих целях могут рассматриваться и раздельно. Дальнейший анализ предполагает детальное описание каждого аспекта, обобщение его результатов и, возможно, создание классификации ТБ как компонента дискурсивной практики билингва.

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998.

2. Костанди, Е. Дискурсивные практики в условиях языковых контактов / Е. Костанди // Актуальные проблемы контактной лингвистики и славянского языкознания. – Рига, 2013. – С. 82–94.

3. Костанди, Е. И. Дискурсивные практики в условиях языковых контактов: тексты билингва / Е. Костанди // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I. – М., 2014. – С. 87–95.

4. Костанди, Е. И. Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов / Е. Костанди // Ежегодник финно-угорских исследований (Yearbook of Finno-Ugric Studies). – Ижевск, 2015. – Т. 2. – С. 29–40.

5. Панькин, В. М. Языковые контакты. Краткий словарь / В. М. Панькин, А. В. Филиппов. – М., 2013.

6. Серне, А. Я. Дискурсивные практики / А. Я. Серне // Социология. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск, 2003.

Е. Г. Лукашанец (Минск)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Функционирование развитого национального языка невозможно без существования социальных вариантов в виде внелитературных подсистем, и, в частности, социолектов. Эти последние, в свою очередь, также подвержены варьированию, или вариативности, – как территориальному, так и социальному, – см., например, [1, с. 13; 2, с. 19; 3].

Тем не менее такая вариативность социолектов не привлекла еще внимания лингвистов. Причины этого видятся в следующем. Во-первых, изучение варьирования социолектной речи наталкивается на определенные трудности, связанные со сбором материала. При изучении территориальной вариативности обследовать несколько социолектных речевых коллективов в разных местностях – дело далеко

не простое, требующее значительных усилий исследователя. Что же касается вариативности временной – ситуация принципиально иная: в силу устной формы бытования социолекта многие явления здесь могут быть просто утрачены, не будучи записанными учеными или даже просто любителями.

Во-вторых, не разработаны методологические основы такого изучения, отсутствуют теоретические установки, позволяющие исследовать социолектную вариативность во времени и пространстве.

Поэтому наш доклад имеет своей целью очертить некоторые подходы к изучению пространственной и временной вариативности одного из типов современных русских социолектов – молодежного сленга (МС), причем мы попытаемся нащупать некоторые черты сходства и различия той и другой. Главный вопрос, который мы ставим: насколько тривиальны или, по-другому, предсказуемы возможные результаты исследования вариативности МС?

Начнем с пространственной вариативности. Ее наличие косвенно признается многочисленными социолектологами, выбравшими в качестве материала для своего исследования молодежный сленг определенной территории (города, области, республики), – см., например, [4–6]. Создаются и словари молодежной лексики отдельно взятых регионов, например [7]. Однако наибольшие возможности для изучения этого типа вариативности предоставляют т. н. онлайн-словари – словари сленга, существующие только в виртуальном виде и пополняемые самими пользователями. В частности, в одном из таких словарей – «Словоново» [8] – в словарных статьях имеются теги – метки, указывающие на место употребления данной лексической единицы. И хотя такими тегами отмечены не все статьи, а только в 829 случаях (что составляет около 5 % из 16519 словарных статей), материал позволяет сделать определенные выводы относительно пространственной (территориальной) вариативности МС.

Самих типов меток около 90 штук, например: «воронежский сленг», «Москва», «русские в Эстонии», «крымское». Большинство из них отмечено в статьях по одному разу. Однако есть и такие, которые встречаются больше 10 раз: «ростовский сленг», «Харьков», «киевское», «одесский жаргон», «питерский сленг», «московский сленг», «язык русской диаспоры». Впрочем, частотность того или иного тега определяется в конечном счете долей лексики, распространенной на данной территории, в общей совокупности сленговых слов и выра-

жений и отчасти активностью носителей данной разновидности сленга.

Гораздо более интересен анализ самих сленгизмов, получивших метки пространственного характера. Результаты этого анализа свидетельствуют, что почти в большинстве (64 %) случаев такое слово или выражение семантически или формально маркировано.

Семантическая маркированность означает, что сленгизм называет реалию, свойственную данному региону. Чаще всего такие сленгизмы представляют собой топонимы: *Апрашка* ‘крупный рынок в центре города – «Апраксин двор»’, *БДЦ* ‘метро «Бульвар Дмитрия Донского»’, *Гражданка* ‘гражданский проспект, окрестности станций метро Гражданский проспект’, *Дармоедово* ‘московский аэропорт Домодедово’. Реже это названия лиц: *евроказáх* ‘казах, гражданин Казахстана, ориентирующийся на максимальное сближение со странами Евросоюза’, *замкадыш* ‘житель России, который проживает за МКАДом, но не в Санкт-Петербурге’, *заукраїнець* ‘член партии «За Украину!»’.

Небольшая часть региональных сленгизмов отмечена **формально**, представляя собой заимствования – из диалектов русского языка или других языков: *анчутка* ‘лицо, каким-либо образом связанный с армией, вооружёнными силами’ («пензенский сленг»), *тёрмин* ‘срок (о встрече, подаче документов, времени действия удостоверения)’ («Харьков», «Киев»), *мардикор* ‘разнорабочий-гастарбайтер из стран Центральной Азии (из языка фарси)’ («язык русской диаспоры»).

Остальные сленгизмы, помеченные пространственными тегами, на наш взгляд, вряд ли могут быть названы региональными сленговыми единицами.

Теги временного характера в онлайн-словарях встречаются крайне редко, поэтому временная вариативность изучалась нами на основе другого источника: анкетирования. Социолингвистическая анкета включала 40 сленгизмов разного характера, относительно каждого из которых информант должен был ответить, знает (слышал) ли он это слово и употребляет ли он его в своей речи. Кроме того, в анкете надо было также указать пол, возраст и место основного проживания (Минск, областной центр РБ, городской поселок и т. д.). Анкетирование проводилось среди студентов Беларуси в 1994–1995 гг. и в 2015–2016 гг., что дало нам возможность сравнить полученные данные временных срезов. Сравнение проводилось только по одному по-

казателю – употребительности сленгизма (т. е. по проценту студентов, указавших, что они употребляют данный сленгизм в речи).

Анкетирование позволило выяснить, что употребительность сленгизмов в некоторых случаях изменилась (см. табл.).

Таблица.

Сравнение употребительности сленгизмов по годам

Сленгизм	Число употребляющих слово, %	
	1995 г.	2015 г.
зачетка 'зачетная книжка'	99	98
автомат 'зачет или экзамен, поставленный без сдачи'	95	96
общага 'общезитие'	94	95
прикол 'смешной случай'	94	96
доставать 'надоедать'	90	94
заколебать 'надоесть'	90	78
сачковать 'бездельничать'	89	57
смыться 'убежать'	87	72
госы 'государственные экзамены'	78	76
стипуха 'стипендия'	76	68
трепаться 'разговаривать, болтать'	60	43
тачка 'такси, автомашина'	56	49
тащиться 'наслаждаться, удивляться'	54	51
штука 'тысяча рублей'	54	28
забегаловка 'закусочная, кафе'	51	51
клёвый, клёво 'хороший, хорошо'	48	81
маг 'магнитофон'	44	0,7
бухать 'пьянствовать'	42	64
базарить 'разговаривать'	41	21
шобла 'компания'	39	2
бабки 'деньги'	36	30
грабли 'руки'	35	18
кусок 'тысяча рублей'	34	4
лох 'разиня, глупый человек'	30	73
кирять 'пить, выпивать'	29	1
лажа, лажовый 'плохо, плохой'	28	55
содрать 'списать'	26	14
хавать 'есть, кушать'	26	42
рубить 'понимать'	23	19
мотор 'такси'	19	2
чувак, чувиха 'парень, девушка'	18	55

кент 'мужчина, товарищ'	12	11
капуста 'деньги'	10	3
шамать 'есть, кушать'	9	0,7
дринкать 'пить, выпивать'	8	2
герла 'девушка'	5	7
шузы 'ботинки'	5	4
торч 'состояние удовольствия, удивления'	3	5
котлы 'часы'	3	3
шкары 'обувь'	1	0

(Серым цветом в таблице отмечены случаи понижения употребительности сленгизма за 20 лет, черным – повышения).

Оказалось, что изменили свою употребительность (иногда довольно значительно) в основном слова с не самой высокой и с не самой низкой употребительностью (см. центр таблицы).

Так, сильно понизили употребительность слова *кирять*, *кусок*, *штука*, *маг*, *мотор*, *сачковать*, *шобла*. Из этих слов лишь одно – *маг* – семантически маркировано: снижение его употребительности обусловлено выходом из употребления соответствующего предмета (магнитофона). Причина выхода из употребления остальных слов, замененных в начале XXI в. синонимами (*кирять* → *бухать*; *кусок* и *штука* → *косарь*; *сачковать* → различные фразеологизмы, например: *вату катать*, *сушить вафли*, *курить бамбук*, *танки причесывать*), что зафиксировано, в том числе, в онлайн-словарях, остаются не совсем понятными.

Напротив, значительно повысили свою употребительность сленгизмы *клевый*, *бухать*, *лох*, *лажа*, *чувак*, вошедшие, на наш взгляд, уже в общий сленг русского языка. При этом причины повышения их употребительности также трудно объяснить.

Таким образом, предварительный анализ двух типов вариативности сленга позволяет сделать вывод, что они обладают чертами как сходства, так и различия. С одной стороны, оба типа вариативности могут быть обусловлены семантикой единиц; с другой стороны, эта обусловленность при пространственной вариативности неизмеримо больше, чем при временной. Формальная обусловленность возможна при пространственной вариативности, в то время как при временной закономерностей такого рода не обнаружено. Все это свидетельствует о достаточно высокой степени предсказуемости пространственной вариативности, в отличие от временной. С методологической точки

зрения, по-видимому, дальнейшее накопление материала не даст новых нетривиальных результатов для пространственной вариативности, в то время как исследование разных видов временной должно пролить свет на характер динамики процессов формирования молодежного сленга.

1. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев / В. Д. Бондалетов; под ред. и с предисл. Ф. П. Филина. – Рязань: Рязан. гос. пед. ин-т, 1974. – Вып. 1: Условные языки как особый тип социальных диалектов.

2. Вахитов, С. В. Лекция о русском сленге / С. В. Вахитов. – Уфа: Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та, 2001.

3. Быков, В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения: «Новые» слова и значения в современном русском языке [Электронный ресурс] / В. Быков // Рус. филол. портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/bykov-94.htm>. – Дата доступа: 01.05.08.

4. Арустамова, А. А. Современный молодежный сленг и особенности его функционирования: на материале речи студентов Республики Адыгея: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Арустамова; Адыгей. гос. ун-т. – Майкоп, 2006.

5. Аюшеев, Б. Б. Студенческий жаргон как социальный диалект этнической Бурятии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Б. Б. Аюшеев; Вост.-Сибир. гос. акад. культуры и искусства. – Улан-Удэ, 2006.

6. Казачкова, Е. М. Формирование и функционирование молодежного сленга в лингвокультурной среде (на примере Астраханской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. М. Казачкова; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2006.

7. Никитина, Т. Г. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область) / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева. – М.: ЭЛПИС, 2006.

8. Словоново – словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovonovo.ru/>. – Дата доступа: 24.04.2012.

И. В. Мацьшина (Одесса)

УКРАИНСКИЕ ПРАКТИКИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ

Символические высказывания зависят от определенной предзаданности системы знаков. Отсюда вытекает не только случайность связи знака и значения, но и умышленное употребление знаков. Отталкиваясь от теории М. Фуко, можно утверждать, что «всеобщий

надзор» направлен не только со стороны власти, но и со стороны общества в сторону самой власти. Такая взаимосвязь является определяющей в политике.

В странах, где политическая коммуникация носит двусторонний характер, механизмы обратной связи позволяют влиять на действия правящих элит. Традиционная модель коммуникации такова: отправитель – кодирование – сообщение – декодирование – получатель, позволяет менять местами «отправителя» и «получателя». Как правило, подобный обмен информации развит в демократических режимах и недостаточно развит в авторитарном и тоталитарном режиме.

Государственные праздники как повод и средство самопрезентации власти являются одним из аспектов анализа политической коммуникации в данной работе. Развитие исследований в этом направлении помогает найти скрытые механизмы присутствия гибридного режима, где через коммуникационные системы и технологии происходит демонстрация элементов тоталитарности и авторитаризма в условиях демократического режима.

В открытом обществе политические коммуникации осуществляются тремя основными способами:

- 1) средствами массовой коммуникации (СМК);
- 2) внутренними линиями связи;
- 3) непосредственными контактами.

Основным объектом анализа данной работы является СМК, где исследование социальной рекламы как канала передачи информации, с помощью герменевтики и семиологического подхода позволяет выявить мимесис украинской власти в современных национальных условиях.

Понимая герменевтику как некий алгоритм расшифровки символов, в данном исследовании мы обратились к работе П. Рикера «Конфликт интерпретаций». Остановимся на двух тезисах, которые позволяют исследовать мотив самопрезентации власти на рекламных плакатах, посвященных 25-летию Независимости Украины (всего было исследовано 17 плакатов).

1. Каждый раз утраченные объекты власти политики стремятся обрести хотя бы на уровне символического.

Политические игроки панически боятся потерять статус в политическом поле. В состав их капитала, с помощью которого они могут представлять достойную конкуренцию в борьбе за право первенства,

включается и символический капитал. Во-первых, с помощью СМК они стремятся закрепить свой статус; во-вторых – его утрата заставляет их обращаться к собственной интерпретации символов. В интерпретации символов присутствует дуализм символического: архаические образы и движение в будущее, за пределы самого себя. По П. Рикеру, «символы имеют как бы два вектора: с одной стороны, они повторяют наше детство со всеми его смыслами – временными и вневременными, с другой – они исследуют наше взрослое состояние» [6, с. 185]. То есть символическое стирает временные границы, где прошлое и будущее переплетаются в значении и приобретают новое/иное значение в настоящем времени. Поэтому использование изображений Т. Шевченко, А. Довженко, В. Сосюры и добавление к ним изображений В. Кличко (мэр Киева), М. Гаврилюка (член партии «Народный фронт»), слова признательности за подпись П. Порошенко не только стирают временные границы истории. Путем наложения различных изображений создается некий новый мир, иная реальность. Стремление присоединиться к национальному празднику демонстрирует не только воображаемый мир власти. Происходит ощущение, что произошло и изменение осознания реальности самой властью. Однако публичная деформация картины мира демонстрирует деформацию сознания политических игроков (видео смотреть тут: http://24tv.ua/partiya_gritsenka_potrapila_u_reklamniy_skandal_n714476).

Используя семиотический подход в интерпретации символа (двойная природа знака), П. Рикер указывает на непрозрачность знака, поскольку его означаемое не сможет прочитываться без понимания означающего. «Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный – сверх того означает и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, – который может быть понят лишь через первый» [6, с. 51]. Интерпретанта знака присутствует там, где есть множественность смыслов. В противном случае использование семантических приемов в политической коммуникации будет малоэффективным.

2. Власть на уровне публичного пространства с помощью символического стремится к мимикрии.

Если в анализе знаков отражается самопонимание человека, то большой интерес представляет реакция реципиента на представленные ему изображения власти в условиях политического режима. Эта реакция показывает, насколько нация готова или не готова принять ту

форму представления власти, через которую сама власть желает себя репрезентовать в условиях режима.

Публичная коммуникация предполагает приспособление к условиям, где соответствие (или его имитация) общенациональным принципам является страховкой для выживания власти. Символические отношения и ритуалы являются демонстрацией принятия политического режима (достаточно вспомнить эпоху советского периода, когда литература, праздники и сама одежда в публичном пространстве соответствовали идеологии государства). То же самое можно сказать и о современном публичном пространстве Украины. Декоммунизация, идеология унитарности и неделимости страны, осуждение сепаратизма и экстремизма являются основными критериями внутренней и внешней политики. И символическая политика в этом контексте является признаком сотрудничества и патриотизма. Характерно поведение власти в этом ракурсе. Исследуя адаптирующего субъекта (он же политик) в политическом режиме, который вынужден менять свои стандарты поведения, можно выявить основные факторы его приспособления к новым политическим условиям. В политической коммуникации украинским политикам приходится подстраиваться – хотя бы внешне – под определенный поведенческий шаблон. Однако, несмотря на изменение стандартов поведения, неизменной остается структура сознания политиков. И это проговаривается ими через старые способы самопродвижения в рекламе. Сам факт того, что тема независимости Украины перекрывается риторикой политического нейминга в рекламе, говорит о том, что политическое сознание «застряло» в прошлом.

Чем активнее власть пытается подражать общественным ценностям в публичном пространстве на уровне символов, тем более возрастает реакция на это. В условиях авторитарного и тоталитарного режима, где вертикальное правление ограничивает поток информации сверху вниз, реакция на символы концентрируется в пределах личного пространства. Домысливая нехватку информации, социальные группы порождают развитие фольклора и субкультуры. А когда анекдоты и карикатуры из личного сопротивления переходят в сферу публичности (на уровне уличных надписей, заявлений и слухов), начинаются преследования и наказания. В демократическом режиме (где достаточно информации или даже ее избыток) развивается борьба с самими символами власти на уровне обратной коммуникации. Публично сжигаются портреты, судебные иски, организуются публичные акции с сим-

волами. А в условиях гибридного режима происходит заимствование обеих форм противостояния, когда на уровне наказаний за изображения со стороны власти есть угроза для нее быть наказанной общественными организациями. (В первом случае достаточно вспомнить Юрия Павленко, который находится под следствием за то, что публично порвал портрет П. Порошенко под стенами Винницкой ОГА. Во втором случае – публичное извинение Валерия Синявского, члена партии «Гражданская позиция» в Херсоне за то, что использовали фотографии погибших земляков в своем рекламном поздравлении с 25-летием независимости Украины.)

Украинская политическая символика в исследуемых рекламных билбордах опирается на базовые архетипические изображения. И коллективное бессознательное позволяет легко прочитывать ту информацию, которую несут визуальные изображения. Городская среда, как канал распространения информации с помощью рекламных билбордов, способствует выходу информации за пределы самих билбордов.

В визуальной коммуникации при исследовании рекламы У. Эко выделяет три кодификационных уровня: иконический, иконографический и уровень тропов. Поскольку первый уровень в задачи исследования риторики рекламы не входит, иконографический уровень ученый разделяет на два типа:

- ◆ общекультурный (например: флаг, голубь, сине-желтый цвет);
- ◆ условный, который встраивается в рекламу дополнительно (сами названия партий или изображения политиков).

Уровень тропов ученый разделяет на три вида:

- ◆ собственно уровень тропов (визуальные эквиваленты вербального текста);
- ◆ уровень топосов (предпосылки к визуальной аргументации);
- ◆ уровень энтимем (уровень визуальной аргументации) [7, с. 181–183].

Принцип работы этого подхода можно рассмотреть на примере одного из билборда, где изображен В. Кличко с рисунком сине-желтого трезубца у себя на лице. На уровне топосов передается информация о связи носителя трезубца с национальной традицией и опытом истории Украины. На уровне энтимем возможно суждение о связи политика с успешными достижениями страны в прошлом и его способность модернизировать страну в будущем. Прогнозируется вы-

вод: успешные политики определяют успех государства. Для более правильной интерпретации символического текста используется вербальный комментарий: «Независимость достигают сильные. Слава Украине!».

1. Грачев, Г. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачев, И. Мельник. – М.: Алгоритм, 2002.
2. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
3. Исаева, М. С. Зарубежные теории самопрезентации / М. С. Исаева // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – М., 2016. – № 2(4). – С. 119–122.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
5. Манов, Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / Манов Ф.; пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
6. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008.
7. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – ТОО ТК «Петрополис», 1998.

И. Э. Ратникова (Минск)

ЭЛЕМЕНТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ КУРСЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

Доклад посвящен дидактическому потенциалу сопоставительной лингвистики в широком смысле термина, включающем контрастивный анализ. Как известно, многие ученые считают принципиальным различие сопоставительной и контрастивной лингвистики по ряду важных параметров. И. А. Стернин сформулировал их следующим образом: в контрастивной лингвистике «1) изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый; 2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопостав-

ляемых языках; 3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке; 4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке» [4, с. 390–391]. Основанием для выделения контрастивного языкознания из сопоставительного явилась в первую очередь ориентированность первого на практику преподавания иностранного языка.

На территории современного СНГ сопоставительное изучение языков – продукт развития сравнительно-исторического языкознания – изначально развивалось в контексте преподавания языка межнационального общения сначала в Российской империи, что связано в первую очередь с именем И. А. Бодуэна де Куртене, затем – в Советском Союзе благодаря методикам обучения русскому языку нерусских, которые разрабатывал в 20–30-е гг. Е. Д. Поливанов (см. подробнее в [1]). Таким образом, опора на сопоставление тех или иных фактов разных языков является признанно необходимой при обучении языку как иностранному, в учебных курсах по теории и практике перевода и, наконец, на занятиях по общей лингвистике.

В теоретическом курсе языка как родного также актуально (а для некоторых разделов и необходимо) «внутреннее» сравнение языковых фактов: в рамках компонентного анализа, например, студенты сопоставляют семантику слов, входящих в лексико-семантическую группу; при изучении синонимии на сопоставлении семантики основывается различение типов синонимов и т. п. Внутриязыковое сопоставление зародилось в рамках структурного описания языка и в дальнейшем, как отмечают И. А. Стернин и М. А. Стернина, «стало разрабатываться в связи с антропоцентризмом, психолингвистикой, установленным фактом неоднородности языка в сознании человека, попыткой описать ментальные различия различных групп носителей языка» [5, с. 5]. В числе категорий и явлений одного и того же языка, которые изучаются методом внутриязыкового сопоставления, они называют «групповые различия языковых явлений (территориальная, социальная, гендерная, возрастная, территориальная и др. дифференциация); различие системных и несистемных значений и употреблений; различия семан-

тики языковых единиц в парадигмах (компонентный анализ); дифференциальное толкование синонимов и симилияров» [5, с. 6].

При изучении теоретического курса языка как родного польза систематических отсылок к межъязыковым параллелям не столь очевидна и требует пояснения. Их целесообразность объясняется тем, что сопоставление и сравнение – объективная черта человеческого мышления, которая задает соответствующий способ познания и оценки реальных и идеальных сущностей, в том числе языковых. При изучении системы родного языка автоматизм восприятия языковых структур отчасти мешает осознать присутствие или отсутствие в них каких-либо признаков. И тогда полезным оказывается фон другого языка, в котором одноименная категория представлена по-другому, другими видами единиц. Например, отсутствие грамматического значения лица у эловых форм современных русских глаголов прошедшего времени и условного наклонения далеко не всегда осознается как школьниками, так и студентами – носителями русского языка, поскольку для них естественно соотносить глагол с субъектом и считать, что информация о лице известна (то, что она эксплицирована на другом уровне – лексическо-семантическом, улавливается не сразу и не всеми). В подобном случае срабатывает объяснительный потенциал аналогичных глагольных категорий языка, в котором формы прошедшего времени реально дифференцированы по лицам на уровне флексий: *Я, ты, он понял – rozumiałem, rozumiałeś, rozumiał; я, ты, она поняла – rozumiałam, rozumiałaś, rozumiała*.

Контрастивный анализ обнаруживает объяснительную силу при изучении разных разделов курса «Современный русский язык». На отделениях романской, германской и восточной филологии элементы контрастивного анализа при изучении теории родного языка работают сразу «в двух направлениях»: во-первых, как было известно еще в середине прошлого века, для «устранения возможного влияния системы родного языка» на язык специальности [3, с. 7]; во-вторых, на осознание национальной специфики фактов родного языка, что важно как для лингвиста, так и для переводчика. В качестве единиц, ярко иллюстрирующих национальную специфику русской грамматики, можно упомянуть неопределенно-личные и обобщенно личные предложения – «две особые формы мышления говорящего по-русски человека», по формулировке А. М. Пешковского. Оценить и даже про-

чувствовать «русскость» этих конструкций студентам-германистам помогает переключение на коды, в которых оформление несущественности субъекта действия или его неизвестности в личных предложениях с неопределенно-личным значением предполагает обязательное употребление местоимения 3-го лица множественного числа – англ. *they* и нем. *sie*. Обобщенно-личные предложения в английском и немецком языках включают личные местоимения (англ. *you, we* и нем. *du, wir*) или формальные подлежащие (англ. *man* и *one*). Естественно, невозможно не упомянуть безличные по семантике предложения, которые не могут быть представлены бесподлежащими конструкциями в этих языках, для русского же – в высшей степени характерны и являются излюбленным материалом для исследования национально-специфического в грамматическом строе языка, а также когнитивных моделей, фиксирующих подчиненность человека некой внешней или внутренней силе. Надо заметить, что при изучении односоставных предложений элементы сопоставительного синтаксиса дают прекрасную возможность показать логику грамматической классификации, ее предопределенность самим строем языка: например, объяснить, почему в русском языке невозможно выделить односоставные предложения с глаголами 3-го лица настоящего-будущего времени и прошедшего времени в единственном числе, а в языках, где эти глагольные формы имеют значение лица (например, итальянском, польском), отмечается такая разновидность односоставных определенно-личных предложений.

При изучении лексикологии, семасиологии и фразеологии межъязыковое сопоставление абсолютно необходимо в темах, связанных с национальной языковой картиной мира и национальной спецификой семантики. Учитывая направление работы нашей секции, мы хотели бы подробнее остановиться на тех формах использования контрастного анализа, которые составляют специфику языковой ситуации в Беларуси и ее отражения в лингвистическом образовании, а конкретно – на некоторых вопросах контрастивной лексикологии русского и белорусского языков. Белорусская лингвистика накопила значительный опыт теоретического изучения лексических параллелей в близкородственных языках (труды П. П. Шубы, А. Е. Супруна, А. Е. Михневича, И. С. Ровдо, С. М. Грабчикова, О. Б. Переход и др.) и его применения в лексикографической практике.

Как известно, первоочередной методической задачей, связанной с межъязыковыми парадигматическими отношениями слов, является прогнозирование и предупреждение коммуникативных неудач вследствие речевых ошибок в условиях любой формы билингвизма, в том числе ошибок при переводе. В университетах Беларуси, в том числе на филфаке БГУ, изучение всех разделов теоретического курса «Современный русский язык» предусматривает (в соответствии с типовой программой) сопоставление с белорусским языком. При изучении семасиологии и лексикологии на 1 курсе отделения русской филологии компаративный аспект реализуется системой упражнений, которая базируется на владении понятиями компаративной лексикологии: это в первую очередь термины «омолексы», «паралексы» и «гетеролексы» (соответственно однокорневые слова с регулярными фонетико-морфологическими различиями в своем строении; родственные слова, имеющие нерегулярные различия плана выражения; разнокорневые слова сопоставляемых языков). Например, студентам предлагается определить межъязыковой статус белорусских и русских эквиваленты типа *пакупнік – покупатель, нарматыў – норматив, юнак – юноша, біржавы – биржевой, водзыў – отзыв, рахунак – счет*.

Программа предусматривает также владение понятиями межъязыковых омонимов и паронимов, т. е. различающихся по значению лексем и умение дифференцировать эти явления, а также их отграничение от паралекс, т. е. лексем равнозначных. При разграничении омонимов и паронимов студенты актуализируют свои знания о фонетических системах русского и белорусского языков, поскольку здесь необходимо разграничивать регулярные, т. е. связанные со спецификой звукового строя, и нерегулярные, непредсказуемые различия, часто связанные с различиями морфем (с одной стороны, *рушыць – рушить, рэч – речь*, с другой – *мэта – мета, спадарожнік – подорожник*). Известная студентам внутриязыковая типология омонимии, понимаемой широко, проецируется и на межъязыковые отношения слов, с чем связано задание разграничить межъязыковые лексические омонимы и сходные с ними явления: межъязыковые омографы (*уплываць звонку – начинать по звонку*) и омоформы (*легчы ў ложак – набор ложек*). Система работы, основанная на контрастивном анализе лексики русского и белорусского языков предполагает и более сложные виды заданий, которые подробнее рассмотрены в [2].

Завершая размышления о возможностях внутри- и межъязыкового сопоставления в преподавании теоретического курса современного русского языка как родного, выделим два преимущества использования элементов такого анализа: во-первых, это преодоление автоматизма в восприятии структур родного языка и возможность взглянуть на них «извне», с позиций мышления на другом языке, где данная категория реализуется иначе; во-вторых, применительно к русско-белорусским межъязыковым сопоставлениям, это возможность проецировать языковую ситуацию на содержание обучения и таким образом влиять на формирование филологического мышления обучаемых и качество их речи, особенно в условиях языкового переключения.

1. Зуров, А. М. Сопоставительный метод в изучении и преподавании иностранных языков / А. М. Зуров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (2). – С. 369–373.

2. Ратникова, И. Э. Межъязыковые системные отношения лексем как предмет теоретической семантики и глоттодидактики / И. Э. Ратникова // IV Чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В. А. Карпова (Минск, БГУ, 19–20 марта 2010 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 61–65.

3. Серебрянников, Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? / Б. А. Серебрянников // Русский язык в национальной школе. – 1957. – № 2. – С. 7–10.

4. Стернин, И. А. Контрастивный анализ в современной лингвистике / И. А. Стернин // *Slavica Helsingiensia 35: Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday* / Ed. by Jouko Lindstedt et al. – Helsinki, 2008. – P. 390–400.

5. Стернин, И. А. Сопоставление как лингвистическая методология / И. А. Стернин, М. А. Стернина // Сопоставительные исследования. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 3–11.

Р. И. Стеванович (Николаев)

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА (МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

В свете бурного развития когнитивизма вырос интерес к эвристике – науке о творческом мышлении. В данной статье на материале английского языка рассматривается представление мыслительной деятельности в языковой наивной картине мира, в основе которой лежит «здравый смысл». Поскольку эвристику и когнитивизм роднит антро-

поцентричный подход к исследованию языковых явлений, то следует отметить, что язык воплощает в себе в неявном виде «здоровый смысл» своего носителя; в основе его лежат практические знания и опыт. Общим для когнитивной лингвистики и науки эвристики является «создание образцов мыслительной деятельности, управление творчеством» [4, с. 47]. Методом исследования выступает концептуальный анализ.

В эвристических научных текстах широко используется язык «здорового смысла», который основан на аналогии и характеризуется яркой метафоричностью. Метафорический способ концептуализации ментальных явлений приводит к формированию парадигм, в рамках которых мыслительная деятельность представлена а) как механические действия, б) как строительство, в) как военные действия, г) как биологическое развитие. Механическая (динамическая) метафора воплощается в ряде представлений об активной мыслительной деятельности.

Механическая метафора базируется на представлении о том, что механическая работа, деятельность приводит к созданию материальных ценностей. Уподобляя умственный труд физическому, эта метафора представляет плоды мыслительных усилий как материальный продукт, что воплощается в лексемах *proof* ‘доказательность’, *solution* ‘решение’, *conclusion* ‘вывод’, *theory* ‘теория’. Представление о том, что познание – построение здания науки, проявляется в выражениях *to build a theory* ‘построить теорию’, *to lay the foundation to conclusion* ‘заложить основы конструкции’, *partial solutions serve as building blocks* ‘частичные решения выполняют роль строительных блоков’ [6, с. 56].

В ментальной сфере признаки растительного мира ассоциируются с ментальными и с эмоциональными характеристиками человека: цветение ассоциируется с мыслями и идеями (*idea is blossoming* ‘идея цветет’, *conclusion is jading* ‘вывод увядает’); рост ассоциируется с умственным развитием (*problem is riping* ‘проблема зреет’); плоды ассоциируются с результатом умственной деятельности (*fruitful hypothesis* ‘плодотворная гипотеза’). Представление о познании как о борьбе, «военных действиях» проступает в метафорических выражениях *to attack a problem* ‘начать решение проблемы’, *to fight with a problem* ‘бороться с проблемой’, *front of solution* ‘фронт решений’. Мышление концептуализируется в природных явлениях, ассоциируемых с тече-

нием воды, потоком реки: *Flow or stream are metaphors by which thinking is described* [7, с. 24]. Поток или ручей – метафоры, которыми описывается мышление (the stream of thought ‘поток мысли’).

Ментальные состояния мотивируются внутренним состоянием субъекта. Особенно ярко всплеск эмоций проявляется в стадии «инсайт», которая связана с приходом к решению задачи: *This is it!* ‘Вот оно!’, *I have discovered* ‘Я открыл’, *That's the trick* ‘Вот в чем дело!’. Все эти выражения характеризуют общее понятие: *The Eureka feeling* – чувство «Эврика».

В наивной картине мира мышление описывается признаком времени, которое можно использовать продуктивно или непродуктивно. Например, *pedestrian thinking* ‘замедленное мышление’, *fast thinking* ‘быстрое мышление’.

В процессе решения проблем отражаются особенности человеческого мышления, что связано со специфической функцией левого и правого полушарий. В связи с этим различают два типа мышления: правополушарное (наглядно-образное) и левополушарное (словесно-логическое) в зависимости от того, какая часть коры головного мозга более активна – правая или левая, что находит отражение в соответствующей терминологии: *right-brain thinking*, *left-brain thinking*. При правополушарном типе в мышлении участвуют сознание, подсознание, память, интуиция. Данный тип мышления является художественным, образным, он связан с положительными и отрицательными эмоциями в процессе познания. Всем известно восклицание Архимеда «Eureka!», связанное с открытием основного закона гидростатики. Это абстрактное аналитическое познание. Левополушарный тип мышления представляет собой рациональный тип. В наивной картине мира правополушарный тип мышления представлен как *soft thinking*, что означает «мягкое мышление», подчеркивая эмоциональное отношение носителя языка к обозначению правополушарного мышления. Левополушарное мышление воспринимается обыденным сознанием как *hard thinking* ‘твердое, жесткое мышление’, что подразумевает его сложность (по аналогии с выражением «твердый орешек», то есть труднодоступный). Левополушарный тип мышления включает два подтипа, которые прямо противоположны и их номинации ярко метафоричны: *lateral thinking* ‘боковое мышление’ и *vertical thinking* ‘вертикальное мышление’. Боковое мышление по аналогии с боковым зрением Де Боно определяет как «способность увидеть путь к решению, ис-

пользуя «постороннюю информацию» [3, с. 371]. Это своего рода сопутствующее мышление, которое может помочь решению главной задачи. В наивной картине мира англичан «боковое мышление» (*lateral thinking*) концептуализируется как счастливый случай: *With lateral thinking you may not know what you are looking for until you have found it* [5, с. 238] ‘В боковом мышлении вы не знаете, что вы ищете, пока не найдете то, что вас интересует’.

Вертикальное мышление представляет собой прямой процесс решения задачи, в нем превалирует логика. Англичане представляют «вертикальное» мышление как движение, которое имеет направление: *With vertical thinking one moves only if there is direction to move* [6, с. 238]. Основное различие между «боковым» и «вертикальным» мышлением заключается в том, что в «боковом» мышлении может быть допущена ошибка на пути к решению, а в «вертикальном» мышлении нельзя ошибиться.

Мыслительная деятельность, для которой необходим переход от одного звена в цепи рассуждений к другому, характеризуется присущей ей терминологией, большая часть которой опережает свою регистрацию в словарях. Например, в английском языке появился термин *PO*. *PO* – это юмористический психологический прием, который позволяет перейти к новым идеям, не ущемляя автора «неудачной» идеи, а, наоборот, ободряет его, давая новый шанс к размышлениям. Другой термин такого рода – *intermediate impossible* ‘доказательство от противного’. В мыслительной деятельности есть и такой термин, как *Porridge Words* ‘кашеобразные слова’, не отраженный в словарях. По своей форме он метафоричен (ассоциируется с кашей) и относится к словам типа *something* ‘что-то’, *object* ‘предмет’, *device* ‘устройство’. Ср.: *Porridge words are ignorance tools. If there were no such words thinking would be dead* [6, с. 65] ‘Кашеобразные слова – это «несведущие инструменты», но если бы их не было, то мышление выглядело бы «мертвым»’. Парадокс заключается в том, что эти «окаzionaliальные» слова сами по себе ничего не обозначают, но, тем не менее, оказываются очень полезными при мышлении. В процессе творческого мышления используется метод «черного ящика» (*black-box method*), который метафоричен по своей природе и широко используется в мышлении. Этот метод обозначает случай, когда известен только вход и выход из системы, а что делается внутри системы – неизвестно. В мыслительном процессе также используется метафорическое выра-

жение *leap frog*, что означает «скачок жабы», например: *to leap frog over the details* ‘перескочить через все детали’.

В мыслительной деятельности употребляется своя «рабочая» терминология, которая представляет собой обычный «рабочий инвентарь», который используется в практической жизни, например *carry on* ‘продолжай’, *connect up* ‘соедини’, *close the gap* ‘закрой пробел’, *link-up* ‘соедини’. Таким образом, «рабочий механизм» мыслительной творческой деятельности представлен обычной лексикой, выражающей здравый смысл носителей языка и являющийся мощным экспрессивным орудием в мыслительном процессе. В языке эвристической деятельности встречаются фразеологические обороты, которые ярко метафоричны по своей форме, например, *thinking on one's feet* ‘оперативное мышление’.

Следует отметить роль языка в процессе творческой деятельности. Ср.: *Language is our basic tool of thinking and speech. We could not get very far in our thinking without the use of words* [7, с. 21] ‘Язык – наш основной инструмент мышления и речи. Мы не могли бы уйти далеко в мышлении без использования слов’.

Внутренняя речь сопровождает все процессы умственной деятельности: «Даже в процессе внутреннего озарения мышление опирается на внутреннюю речь» [2, с. 47]. Но в то же время «процесс мышления опережает структуру предложения для его выражения» [1, с. 146].

Приводимый ниже контекст отражает «отставание» языкового выражения от полета мысли: *I have to translate my thoughts into language that does not run evenly with them. I therefore waste a vast deal of time in seeking for appropriate words and phrases* [6, с. 78] ‘Я должен переводить свои мысли на язык, который не идет в шаг с моим мышлением. Поэтому я трачу много времени в поисках подходящих слов и выражений’.

Таким образом, мыслительный эвристический процесс в языке представлен большим количеством метафор, что объясняется сложностью и труднодоступностью интерпретации ментальных явлений. Для английского стиля выражений ментальных состояний характерна эмоциональность, экспрессивность, простота, разговорность.

1. Жинкин, Н. Н. Язык. Речь. Творчество / Н. Н. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998.

2. Коршунов, А. М. Познание и деятельность / А. Н. Коршунов. – М.: Политическая литература. – 1984.

3. Лук, А. Н. Мышление и творчество / А. Н. Лук. – М.: Изд-во политической литературы. – 1976.
4. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М.: Академия, 2005.
5. De Bono, E. Practical thinking / E. De Bono. – N.Y. Harmondsworth. England, 1986.
6. Chaplin, T. P. Dictionary of Psychology / T. P. Chaplin. – N.Y, 1974.
7. Smith, F. To think (In language, learning and education) / F. Smith. – London, 1992.

Хоанг Тхи Бен (Ханой)

ЭРГОНИМЫ С ПОЗИЦИЙ НОМИНАТОРА И ИНТЕРПРЕТАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭРГОНИМОВ ГГ. ХАНОЯ И МИНСКА)

В условиях современной рыночной экономики существенным фактором успешной деятельности предприятия любого масштаба (от розничного магазина до межгосударственной корпорации) является коммерческое наименование (разновидность эргонима), эффективное с точки зрения информирования потенциальных клиентов и воздействия на них. Эргонимы – наименования предприятий передают информацию, которую потребители получают в первую очередь и от которой зависит их желание приобрести продукцию. Сфера коммерческих онимов признана зоной «повышенной номинации», поскольку каждый день регистрируются новые предприятия, т. е. имеют место многочисленные номинативные акты. Если естественные собственные имена требуют длительного многоступенчатого процесса стихийного выбора того или иного варианта языковой формы для конкретных объектов, то эргонимы как искусственные номинации создаются целенаправленным путем в массовом количестве. Как отмечают исследователи, естественные номинации появляются в языке после длительного процесса апробации всех конкурентных языковых вариантов, а процесс апробации эргонимов, наоборот, сведен к минимуму, и адресату (потребителю) приходится воспринимать данный объект именно под тем искусственно созданным названием, которое выбирает номинатор для своего предприятия (см. об этом подробнее: [2, 4]).

Номинативный акт представляет собой сложный процесс. Если рассматривать его со стороны номинаторов, то можно констатировать, что каждый эргоним является результатом ряда ассоциаций или «ду-

ховного переживания» (выражение М. В. Голомидовой) самого номинатора. Будучи продуктом человеческого мышления, эргонимы соответствуют его принципам. С одной стороны, они могут быть созданы полностью осознанно, когда номинатор стремится на основе логических рассуждений вербальными средствами передать определенную информацию о своем предприятии; с другой – мотив может базироваться исключительно на эмоциональном отношении к объекту номинации, наименование осуществляется интуитивно. Конечно, между этими «крайними» вариантами возможны промежуточные.

Даже в случае, когда номинатор осознает и логично комментирует свои мотивы, его интенции не всегда могут быть в полной мере эксплицированы исследователем. Попытаемся реконструировать номинативный акт на примере ООО «Управляющая компания холдинга "Белорусская кожевенно-обувная компания "Марко"». В процессе номинации данного эргонима имеют место разные логические операции: во-первых, номинатор проводит мысленное подведение предприятия под известный класс явлений действительности, т. е. на этом этапе происходит отождествление обозначаемого, что закрепляется в номенклатурном компоненте *Белорусская кожевенно-обувная компания*. Далее, на этапе выбора/образования собственно ономастического компонента, у имядателя устанавливаются более сложные ассоциации, на основе которых объект номинации соотносится с другими объектами, ему приписываются индивидуальные признаки. Собственно-ономастический компонент *Марко* мотивирован сочетанием *Мартынов и Компания*, т. е. является результатом аббревиации от фамилии владельца (Н. В. Мартынова) и обозначения компании партнеров-единомышленников по бизнесу. Отсутствие в названии сведений о функциях предприятия компенсируется на уровне графики: согласно комментарию владельца, первоначальная специализация «Марко» – производство мужской обуви из натуральной кожи – визуализируется изображением первой буквы, которое призвано вызывать ассоциации с модельным мужским полуботинком [см.: 5]. Как видно из примера, момент создания эргонима упорядочивает множественные субъективные ассоциативные связи номинатора в единую содержательную структуру, которая воплощается как языковыми средствами (субъективное намерение номинатора определяет выбор номинационного признака и закрепляется в виде мотивировочного значения онима), так и внеязыковыми.

Даже в тех случаях, когда мотивы номинатора сообщаются им самим (например, в интервью или на сайте), мы не всегда можем полно и достоверно воссоздать процесс номинации. Так, по словам владельца компании «Виталюр», данное собственное именование образовано от имен его сыновей (*Vitalий* и *Юрий*), и это дает нам сведения о формальной производности эргонима. Но мотив наименования как экстралингвистическая характеристика в данном случае оказывается не вполне ясным (хотел ли номинатор выразить гордость за сыновей или преданность семье, указать на наследников, дифференцировать себя от других участников предприятия и т. п.). Ср. аналогичный пример вьетнамского эргонима «*Gia Lỗ*» («За Лок») (предприятие, торгующее косметикой), где номинатор выбрал для названия имя своего ребенка.

Название предприятия «ВитВар», как сообщается на его сайте, формально производно от ойконимов *Витебск* и *Варшава*, т. е. собственных имен городов – деловых центров, где базировалось производство продукции и начиналась ее реализация (впоследствии предприятие получило лицензию на торговлю лекарственными средствами). Мотивом номинации в данном случае могло быть стремление зафиксировать место, где начинался бизнес, или отразить партнерские отношения участников из Беларуси и Варшавы – эта информация не может быть верифицирована исследователем.

Приведем еще один пример: популярный вьетнамский бренд «*Canifa*» представляет собой гибридную аббревиатуру, где *Ca* – первые буквы имени владельца (*Cat*), *ni* – сокращенная форма имени его жены (*Nhi*), *fa* – первый слог, совпадающий у английских слов *family* и *famous*. Эргоним-посвящение создан «в честь» членов семьи, как свидетельствует интервью с владельцами, проведенное автором; кроме того, эргоним носит дезидеративный (пожелательный) характер, зафиксированный в слове *fa*. Здесь мы имеем достаточно сведений для реконструкции мотива номинации, однако надо заметить, что это редкий случай. (Что касается потребителя, то для него данная номинация представляется абсолютно немотивированной.)

Как упоминалось выше, эргонимы могут быть результатом интуитивного мышления, то есть появляться в результате фиксации в слове непосредственного чувственного восприятия. Основная черта эргонимов этого типа – скрытость, неуловимость их мотива для самих создателей. Здесь наблюдается обратная ситуация: мотивированность име-

нований, неясная или ясная не до конца самому номинатору, легко декодируется как исследователем, так и воспринимающими эргоним потребителями. Это подтверждает проведенный нами эксперимент, участники которого выступали в роли номинаторов: они создавали наименования для торговых предприятий и затем сами объясняли принятые ими номинативные решения. В эксперименте участвовали 234 вьетнамца в возрасте 20–25 лет разной социальной и профессиональной принадлежности. Задание формулировалось так: «Представьте себе, что у вас есть возможность открыть торговое предприятие. Чем вы будете торговать и как назовете свою фирму? Почему вы назовете ее именно так?». То, что участники эксперимента не были ни профессиональными маркетологами, ни продавцами, ни специалистами по рекламе, принципиально важно, поскольку у профессионалов «срабатывают» сложившиеся модели и соответственно достаточно высок уровень рефлексии по поводу собственных номинативных решений. А в реальной жизни владельцы не всегда прибегают к помощи посторонних специалистов при «наречении» своего предприятия.

При анализе полученных результатов выявилось немало случаев (около 10 %), когда испытуемый демонстрировал интуитивный характер мышления в процессе номинации. Так, некоторые участники эксперимента объясняли мотив номинации следующим образом: «это случайно», «мне просто нравится это название», «это впечатляющее название», «это интересное название», «это мое личное эмоциональное восприятие» и даже «я не знаю почему». Эти номинаторы, если судить по их собственным комментариям, выбирали названия исключительно интуитивно – в то же время при восприятии мотивировочное значение представляется исследователю очевидным. Приведем некоторые примеры несовпадений рефлексии испытуемых по поводу мотива созданных ими названий предприятий с тем, что декодируется «на выходе».

Таблица 1.

Созданные эргонимы	Объяснение испытуемого	Восприятие исследователя
Цветочный магазин «Triệu bông hồng» ‘Миллион алых роз’	Нравится	Совпадает с названием песни «Миллион алых роз» из репертуара известной русской певицы Пугачевой

Магазин одежды «Thời trang Việt» ‘Мода Вьетнама’	Случайно	Название, непосредственно выражающее специализацию предприятия и его культурную и территориальную отнесенность
Обувной магазин «Giày Việt» ‘Обувь Вьетнама’	Интересное название	Название, непосредственно выражающее специализацию предприятия и его культурную и территориальную отнесенность
Цветочный магазин «Vinahoa»	Нравится	<i>Vina</i> ‘Вьетнам’ (слоговая аббревиатура) + <i>hoa</i> ‘цветы’
Магазин товаров для учебы «Giáo dục tuổi hoa» ‘воспитание цветочного возраста’ («цветочный возраст» подразумевает ‘дети’)	Нравится	Косвенное указание на специализацию торгового предприятия и адреса товара

Как видим, интерпретатор отмечает в номинациях элементы, которые объективно дают основания рассматривать данные эргонимы как мотивированные, даже если сам номинатор не отмечает соответствующего мотива. Из этого следует, что при рассмотрении мотивировочных признаков эргонимов невозможно совместить данные двух типов – с одной стороны, номинативные намерения имядателя в его собственной версии; с другой – языковые значения и национально-культурные смыслы, которые объективно имеются у лексических единиц, использованных для создания эргонима. Данное обстоятельство является для нас определяющим с точки зрения выбора теоретико-методологической позиции и соответственно материала исследования. Мы оцениваем эргонимы исключительно с точки зрения «внешнего» восприятия, используем метод автономной интроспекции для анализа мотивировочных признаков этих ономастических единиц, привлекая по мере необходимости данные опросов для подтверждения правоты собственной интерпретации.

1. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в топонимии / М. В. Голомидова. – Урал. гос. ун-т им. А. А. Горького. – Свердловск, 1987.

2. Голомидова, М. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации / М. В. Голомидова // Номинация в ономастике: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т ; редкол.: М. Э. Рут (отв. ред.) и [др.]. – Свердловск, 1991.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978.

4. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1986.

5. Официальный сайт «Марко» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marko.by/about/>. – Дата доступа: 15.10.2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы пленарного заседания	3
<i>Ровдо И. С.</i> Русский язык в событиях и людях	3
<i>Шарандин А. Л.</i> Коннотация в аспекте отражательной и интерпретирующей функций языка	8
<i>Харитончик З. А.</i> Глубинные смыслы языковых единиц	13
<i>Мечковская Н. Б.</i> Прагматика смеха, возможная в единицах языка, и ее восприятие говорящими (по данным психолингвистического эксперимента)	22
<i>Князев Ю. П.</i> Степени сравнения и градуируемость признака	27
<i>Сорокина Э. А.</i> Язык для специальных целей: состояние и перспективы	32
<i>Литвинко Ф. М.</i> Развитие лингвистического мышления учащихся филологических классов	38
<i>Рябко О. П.</i> Когнитивно-фреймовая интерпретация парадигматической теории номинации	44
<i>Алтабаева Е. В.</i> Современная теория оптативности: системный и динамический аспекты	49
<i>Рычкова Л. В.</i> Лингводидактические грани корпусной русистики	55
Русский язык в диахроническом аспекте	62
<i>Зуева О. В.</i> Текстовые формулы в частных письмах первой трети XVIII в.	62
<i>Иванова Л. П.</i> Русский язык и основные тенденции его развития в видении литераторов Золотого века	66
<i>Касьянова В. М.</i> Обозначения холодной погоды в русском литературном языке	71
<i>Ковалевская А. Ю.</i> Варианты антропонимов в православных метрических книгах г. Витебска 50-х гг. XIX в.	76
<i>Матюнова А. А.</i> Ментальный и структурный уровни номинативно-словообразовательной семантики сложных слов русского литературного языка донационального периода	79

<i>Ряховская О. В.</i> Употребление аналитических форм императива в Архангельском Евангелии.....	84
<i>Тупчий А. В.</i> Языковые средства, отображающие образ Англии, в «Статейных списках» Ф. Писемского и Г. Микулина (лингво-имагологический аспект).....	88
<i>Чепурная Т. С.</i> Освоение традиций русского бытового письма в переписке Екатерины II и Г. А. Потемкина.....	92

Проблемы семантической интерпретации и номинации 98

<i>Балабанович И. С.</i> Интертекстуальная организация лирики А. Кушнера советского и постсоветского периодов.....	98
<i>Бруцкая А. А.</i> Перевод английских аналитических лексем на русский и белорусский языки.....	103
<i>Вакулич Л. А.</i> Энантисемичность существительных с суффиксами субъективной оценки.....	107
<i>Ван Чжицян</i> Семантическое поле «труд» в паремиях русского и китайского языков как лингвокультурный код.....	112
<i>Гурина Н. М.</i> Аксиологические высказывания о языке в научно-популярных произведениях И. Левонтиной.....	114
<i>Земичева С. С.</i> Функционирование глаголов зрительного восприятия в речи носителя традиционной культуры.....	118
<i>Земляник Т. В.</i> Автор и его приемы воздействия на адресата в эпистолярных текстах Б. Пастернака к Е. Пастернак.....	123
<i>Коренева Ю. В.</i> Антропологическая триада <дух – душа – тело> и ее представление в концептосфере преподобнического жития.....	127
<i>Кочеткова М. О.</i> Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект.....	132
<i>Леонович В. Л.</i> Формально-количественный параметр описания словообразовательного потенциала вариативных прилагательных в русском языке.....	137
<i>Лукоянова А. Д.</i> Словообразовательная активность лексики русского языка конца XX – начала XXI вв.	141
<i>Мандрикова Г. М.</i> Таронимия в спонтанной речи: семантические причины и ортологические следствия.....	146
<i>Муравьева Н. Ю.</i> Об одном из механизмов создания контекстных смыслов: конкретная лексика в репродуктивном регистре.....	150

<i>Мерчи А. П.</i> Как в зависимости от выбора грамматического лица повествователя меняется представление коммуникации героев (на материале рассказов В. Токаревой и Дж. Лахири).....	155
<i>Рахимова А. Р.</i> Метафорическое моделирование психики человека на основе представления о весе объекта (на материале дискурса когнитивной психологии).....	160
<i>Рачковская А. В.</i> Рукалицо: семиотическое путешествие от жеста к мему.....	165
<i>Салими Абдолмалеки Косар</i> Языковые факторы, создающие национальное своеобразие и экспрессию русских фразем с обозначениями времени.....	170
<i>Савчук Т. Н.</i> Проблема терминологической вариантности в современной теории аргументации.....	175
<i>Тихомирова Е. А.</i> Жанровые особенности научной дискуссии в Фейсбуке.....	180

Грамматические категории современного русского языка (функциональный и прагматический аспекты)..... 185

<i>Василевская Ю. А.</i> О семантике инфинитивных конструкций в поэтических текстах О. Мандельштама и Б. Окуджавы.....	185
<i>Волынец Т. Н.</i> О функциональной семантизации местоименных наречий в поэтическом тексте.....	190
<i>Голубева В. К.</i> Метонимические и соматические конструкции как средство реализации адвербиальной персонификации.....	198
<i>Закревская В. А.</i> Многоприставочные глаголы в архангельских говорах.....	204
<i>Минчук И. И.</i> Типовая ситуация «награждение» в текстах СМИ: прагматика в реализации денотативных ролей.....	208
<i>Пермякова Т. Н.</i> Функции частиц в формальной структуре высказывания (на примере частиц <i>все-таки, все же, все равно</i>).....	213
<i>Цыпина И. М.</i> Лингвистические средства моделирования категории времени при реализации суггестии в политико-дипломатическом дискурсе.....	218

Актуальные процессы в синтаксическом строе русского языка.....223

<i>Клангова Л.</i> Особенности употребления книжных причинных предлогов в современных русских и чешских газетах.....	223
--	-----

<i>Нагорный И. А.</i> Ответная функция русских предположительных частиц в предложении.....	228
<i>Скворцова Н. Н.</i> Вставные слова и конструкции в жанре политического портрета (содержательная типология и способы оформления).....	233
<i>Степанчиков М. А.</i> Бисубстантивные предложения с семантикой превращения в современной прессе.....	238
Новые технологии в преподавании русского языка.....	243
<i>Бычкова Ж. Э., Леонович В. Л.</i> Об устном экзамене по русскому языку.....	243
<i>Бычкова Ж. Э., Леонович В. Л., Облова О. А.</i> Тестовый контроль по русскому языку на заочном отделении.....	247
<i>Долбик Е. Е.</i> Дидактический потенциал заданий игры-конкурса по русскому языку и литературе «Журавлик».....	250
<i>Елисеева О. Е., Маевский С. С.</i> Инструментарий разработки базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку.....	255
<i>Игнатович Т. В.</i> Основы риторической подготовки в школьном курсе русского языка (V–IX классы).....	260
<i>Кудреватых И. П.</i> Фразеология как источник формирования лингвокультурологических компетенций у иностранных учащихся.....	264
<i>Лазуркин А. А.</i> Традиционное и новое в учебной лексикографии для использования на уроках русского языка.....	269
<i>Маевский С. С.</i> Проектирование базы знаний адаптивного ЭОР по русскому языку.....	273
<i>Махонь С. В., Чечет Р. Г.</i> О некоторых проблемах преподавания современной акцентологии.....	277
<i>Михайлова Е. В., Сидоренко В. А.</i> Взаимосвязь русского языка и русской литературы в курсе поэтики для студентов, обучающихся по специальности «Композиция» в Белорусской государственной академии музыки.....	280
<i>Мощенская Л. Г.</i> Система работы по развитию речи учащихся начальных классов в дореволюционной России.....	285
<i>Савко И. Э.</i> Как помочь учащимся и учителям научиться думать самостоятельно? (Субъективное мнение преподавателя).....	290
<i>Санникович И. М.</i> Развитие критического мышления студентов при работе с текстовыми источниками информации.....	294

Русский язык в современном мире: динамика языковых контактов	300
<i>Домбровский Т.</i> Русский язык специальности в многонациональной аудитории – формы и методы работы.....	300
<i>Желонкина Т. П.</i> Средства выражения размытого значения в современном английском и русском языках.....	305
<i>Занковец А. А.</i> Особенности белорусского городского просторечия: письменная фиксация.....	308
<i>Иванов К., Супрун-Белевич Л. Р.</i> Языковая и культурная адаптация басенного текста (на материале болгарских переводов басен И. А. Крылова).....	311
<i>Костанди Е. И.</i> Тексты билингва как речевая практика.....	316
<i>Лукашанец Е. Г.</i> Пространственно-временная вариативность молодежного сленга.....	321
<i>Мацьшина И. В.</i> Украинские практики самопрезентации власти.....	326
<i>Ратникова И. Э.</i> Элементы сопоставительной лингвистики в теоретическом курсе родного языка.....	331
<i>Стеванович Р. И.</i> Эвристическая мыслительная деятельность по данным языка (межъязыковой аспект).....	336
<i>Хоанг Тхи Бен</i> Эргонимы с позиций номинатора и интерпретатора (на материале эргонимов гг. Ханоя и Минска).....	341